

Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)

В. Фудзимото д-р истории, проф. (Осакий университет экономики и права, Япония)

Д. Вулф д-р истории, проф. (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)

В. Дённингхаус д-р истории, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)

Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет, Россия)

С. В. Кондратьев д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия)

А. С. Лавров д-р ист. наук, проф. (Университет Париж – Сорбонна, Париж, Франция)

Ш. Б. Мухамедов д-р ист. наук (филиал Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина в г. Ташкенте, Республика Узбекистан)

Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

С. Ю. Сапрыкин д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)

Д. Смил д-р истории, проф. (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)

И. Халфин д-р истории, проф. (Тель-Авивский университет, Израиль)

П. Холквист д-р истории, проф. (Пенсильванский университет, США)

В. И. Шишкин д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

A. V. Dmitriev Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

S. O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

A. N. Alekseenko Doctor of Sciences (History), Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, the Republic of Kazakhstan)

V. P. Buldakov Doctor of Sciences (History) (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

W. Fujimoto Doctor of Sciences (History), Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)

D. Wolff Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)

V. Dönninghaus Doctor of Sciences (History), Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)

L. V. Deriglazova Doctor of Sciences (History), Professor (Tomsk State University, Russian Federation)

S. V. Kondratiev Doctor of Sciences (History), Professor (Tyumen State University, Russian Federation)

A. S. Lavrov Doctor of Sciences (History), Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)

Sh. B. Mukhamedov Doctor of Sciences (History) (Tashkent Branch of the National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Uzbekistan)

G. G. Pikov Doctor of Sciences (History), Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

S. Yu. Saprykin Doctor of Sciences (History), Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

J. Smele Doctor of Sciences (History), Professor (Queen Mary’s college of London University, United Kingdom)

I. Halfin Doctor of Sciences (History), Professor (Tel Aviv University, Israel)

P. Holquist Doctor of Sciences (History), Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)

V. I. Shishkin Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 23, № 1: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

- Демидчик А. Е., Хапрова А. В.* «Я твой товарищ на земле, сражайся за меня!»: принцип взаимности в древнеегипетских «письмах мертвым» конца III – начала II тысячелетия до н. э. 9
- Приходько Е. В.* Скальные святилища Аполлона в южной Писидии: традиционные и «авторское» 19
- Дериглазова Л. В., Погорельская А. М.* Исторические трансформации русского литературного канона в России и Великобритании 31

Российская история

- Накишова М. Т.* Место и роль кабинет-секретаря А. В. Макарова в процессе становления Кабинета е. и. в. как государственного учреждения 44
- Ястребов А. О.* Проект Петра Великого по защите Филадельфийской митрополии 56
- Смирнов Ю. Н.* Взаимодействие епархиального начальства с местной администрацией в новой Самарской губернии в 1850–1870-е годы: к вопросу о характере церковно-государственных отношений 71
- Мамкина И. Н.* Организация пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX века 82
- Кобзева О. П., Раишев Т. Т.* Начало формирования военно-медицинской службы российской армии в Туркестанском крае в 60-е годы XIX века 95

<i>Лысенко Ю. А.</i> Практики взаимодействия мусульманских общин Степного края с органами государственной власти (вторая половина XIX – начало XX века)	108
<i>Чуркин М. К.</i> Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881–1882 годы)	120
<i>Маклюков А. В.</i> Диффузия инноваций на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX века (на примере электрификации)	130
<i>Морозова Т. И., Шишкин В. И.</i> Представления крестьян Сибири о Советской власти в годы гражданской войны и новой экономической политики	143
Список сокращений	160
Информация для авторов	161

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2024, vol. 23, no. 1: History

CONTENTS

World History

- Demidchik A. E., Khaprova A. V.* “I am your companion on earth, fight for me!”: Mutuality in Ancient Egyptian Letters to the Dead in the End of 3rd – the Beginning of 2nd Millennium BC 9
- Prikhodko E. V.* Rock Sanctuaries of Apollo in Southern Pisidia: Traditional and “Author’s” 19
- Deriglazova L. V., Pogorelskaya A. M.* Historical Transformations of the Russian Literary Canon in Russia and the United Kingdom 31

Russian History

- Nakishova M. T.* The Status and the Role of the Cabinet Secretary A. V. Makarov in the Process of Forming the Cabinet of His Imperial Majesty as a State Institution 44
- Yastrebov A. O.* Peter the Great’s Project to Defend the Philadelphia Metropolitanate 56
- Smirnov Yu. N.* Interaction of the Diocesan Authorities with Local Administrations in the New Samara Province in the 1850s – 1870s: On the Question of the Nature of Church-State Relations 71
- Mamkina I. N.* Establishing Border Commissariats on the Russian-Chinese Border in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries 82
- Kobzeva O. P., Raishev T. T.* The Beginning of Formation of the Military Medical Service of the Russian Army in the Turkestan Region in the 1860s 95

<i>Lysenko Yu. A.</i> Practices of the Interaction of Muslim Communities of the Steppes with the Government (The 2 nd Half of the 19 th – Early 20 th Century)	108
<i>Churkin M. K.</i> Scenarios of Imperial Incorporation of Asiatic Russia within the Discourse of Celebrations Dedicated to the 300 th Anniversary of Russian Expansion into Siberia (1881–1882)	120
<i>Maklyukov A. V.</i> Diffusion of Innovations in the Far East of Russia during the Late 19 th to Early 20 th Centuries (by the Example of Electrification)	130
<i>Morozova T. I., Shishkin V. I.</i> Image of the Soviet Authorities in the Perception of the Siberian Peasants during the Russian Civil War and the Period of New Economic Policy	143
List of Abbreviations	160
Instructions to Contributors	161

Научная статья

УДК 94(32)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-9-18

«Я твой товарищ на земле, сражайся за меня!»: принцип взаимности в древнеегипетских «письмах мертвым» конца III – начала II тысячелетия до н. э.

Аркадий Евгеньевич Демидчик¹

Анна Викторовна Хапрова²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

¹ a.demidchik@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1660-8649>

² anna.khepri.khepri@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7420-0457>

Аннотация

Хотя мировоззренческие основания взаимопомощи внутри древнеегипетских малых социальных групп (семья, соседи и т. д.) в основном понятны, письменных источников, раскрывающих такие обычаи и практики времени Старого и Среднего царств, выявлено крайне мало. Отчасти восполнить этот пробел позволяют «письма мертвым» – просьбы о помощи, адресованные покойным родственникам, нередко перечисляющие взаимные обязательства живого «отправителя» и усопшего «получателя». Письма предполагают, что живые и усопшие родственники были и остаются прочно включенными в социальные сети взаимопомощи. При этом важна не столько строго фиксированная по размеру и срокам «отдача» полученной помощи, сколько уверенность в том, что однажды получивший поддержку не преминет в свою очередь прийти на помощь своему «благодетелю», если с тем случится беда.

Ключевые слова

Древний Египет, Первый переходный период, Среднее царство, «письма мертвым», взаимопомощь, социальная солидарность

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00155 «Культура взаимопомощи в цивилизации Древнего Египта (III – первая половина II тысячелетия до н. э.)», <https://rscf.ru/project/23-28-00155/>.

Авторы признательны А. Н. Николаеву (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) за ряд ценных советов.

Для цитирования

Демидчик А. Е., Хапрова А. В. «Я твой товарищ на земле, сражайся за меня!»: принцип взаимности в древнеегипетских «письмах мертвым» конца III – начала II тысячелетия до н. э. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-9-18

“I am your companion on earth, fight for me!”: Mutuality in Ancient Egyptian Letters to the Dead in the End of 3rd – the Beginning of 2nd Millennium BC

Arkady E. Demidchik¹, Anna V. Khaprova²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

^{1,2} St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

¹ a.demidchik@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1660-8649>

² anna.khepri.khepri@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7420-0457>

Abstract

Although the ideological foundation of mutual aid within ancient Egyptian small social groups (family, neighbors, etc.) is mostly clear, very few written sources reveal such customs and practices of the Old and Middle Kingdoms. This gap is to some extent filled by Letters to the Dead – written requests for help addressed to deceased relatives, often mentioning mutual obligations of the living “sender” and the deceased “recipient”. Most “senders” of such letters require the “addressees” to follow the principle of reciprocity, a kind of *do ut des*: since the living contribute to the well-being of the dead by performing cult actions, the latter must now help the living. The rule of mutual assistance was so strict and pervasive that it transcended the boundary of life and death. The Letters to the Dead imply that deceased relatives remained firmly embedded in social networks of mutual aid. However, the most valued was not a strictly fixed “return” of the once received assistance, but the confidence that the person who received support will not fail to come to the aid of his “benefactor” if trouble happens to the latter. At the same time, the Letters to the Dead show that Egyptians considered it not too petty to refer to their former merits in desperate times: for example, to mention an offering of a bull leg and seven quails in a letter to the deceased parents.

Keywords

Ancient Egypt, First Intermediate Period, Middle Kingdom, Letters to the Dead, mutual aid, social solidarity

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation no. 23-28-00155 “The culture of mutual assistance in the civilization of Ancient Egypt (3rd – first half of the 2nd millennium BC)”, <https://rscf.ru/project/23-28-00155/>.

For several important suggestions, our thanks are due to A. N. Nikolaev (State Hermitage, St. Petersburg).

For citation

Demidchik A. E., Khaprova A. V. “I am your companion on earth, fight for me!”: Mutuality in Ancient Egyptian Letters to the Dead in the End of 3rd – the Beginning of 2nd Millennium BC. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 9–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-9-18

Взаимопомощь – жизненно важный принцип организации социума, обеспечивающий его сплочение, стабилизацию и выживание. Изучение культуры взаимопомощи в ее цивилизационных, историко-этнографических и этнокультурных проявлениях – одна из главных задач наук о человеке. Особый интерес в этой связи представляют древнеегипетские источники III – начала II тысячелетия до н. э. Наряду с Месопотамией Египет сохранил древнейшие письменные свидетельства по данной теме, и при этом культура взаимопомощи развивалась в Египте в уникальных для ранней древности условиях стабильного территориального государства с необычайно полновластной монархической государственностью, поглотившей крестьянские общины и принудительно регулировавшей большую часть хозяйственной жизни страны¹. Следствием этого стало значительное своеобразие древнеегипетской культуры взаимопомощи, изучение которой дает поучительный сравнительный материал для понимания не только архаических обществ, но и современности.

Хотя мировоззренческие основания взаимопомощи внутри древнеегипетских малых социальных групп – семьи, ближайшего круга родственников, друзей и соседей² – в основном

¹ С необходимой библиографией см.: [Демидчик, 2010].

² Подробнее о местных сельских сообществах на ранних этапах египетской истории см.: [Еуге, 1999].

раскрыты [Assmann, 1995, S. 58–122], соответствующие обычаи и практики пока изучаются по сравнительно поздним материалам – времени Нового царства (XVI–XI вв. до н. э.) и последующих эпох³. Применительно к Старому и Среднему царствам выявлять их гораздо сложнее из-за больших пробелов в корпусе письменных источников. Довольно много в них говорится лишь о том, что Я. Ассман назвал «вертикальной солидарностью»: о преданном служении нижестоящих вышестоящим и ответном благоволении последних⁴. Практики же «горизонтальной солидарности» в малых социальных группах – в семье, среди родственников друзей и соседей – трудно проследить из-за почти полного отсутствия частной деловой документации⁵, писем и т. д. В литературных произведениях Среднего царства, даже когда они подчеркивают пользу взаимопомощи, ее конкретные примеры или обычаи не описываются.

Крайне половинчато раскрывают данную тему кладбищенские жизнеописания и надписи в Пустыне. Стремясь заручиться уважением и благодарностью потомков, владельцы таких надписей перечисляют свои общественно полезные качества и свершения, в том числе применительно к родне, соседям и т. д. Но при этом они всегда изображают себя действующими бескорыстно и безвозмездно, упоминая разве что про заслуженные этим похвалы и любовь. Об ответной поддержке и помощи, полученной в своей «ближайшей» социальной группе, владелец такой надписи обычно умалчивает. В результате, несомненно, существовавшие в таких сообществах правила и практики *взаимности*, «реципрокности», оказываются скрытыми от исследователей.

Отчасти восполнить эти пробелы позволяют древнеегипетские «письма мертвым» – письменные просьбы о помощи, адресованные египтянами их покойным родственникам. С догматической точки зрения общаться с богами обычно мог лишь персонифицировавший страну фараон и представлявшие его в храмах жрецы, так что индивидуальные обращения египтян к богам до начала Нового царства были крайне редки. Но в особенно тяжелых ситуациях жители долины Нила порой обращались за помощью к усопшим родственникам [Gardiner, Sethe, 1928; Olabarria, 2020, p. 92–93].

Еще в конце Старого царства в Древнем Египте зародилась традиция написания писем умершим родственникам с просьбами о помощи. Как и большинство «обычных» писем, их писали преимущественно скорописью (иератикой), но чаще, чем на папирусе, это делали на керамике – неглубоких округлых чашах, подставках под сосуды, острака (черепках). Иногда письма помещали на небольшие статуэтки, на льняные ткани и даже на обратную сторону известняковой кладбищенской стелы.

Материальный носитель письма мог рассматриваться как своего рода подарок покойному. Частое использование чаш и подставок под них объясняется применением такой керамики в кладбищенском культе, причем для «писем мертвым» обычно выбирали изделия высокого качества. Например, большую ценность представляла собой льняная ткань тонкой работы с самым ранним из «писем мертвым»⁶.

«Письма мертвым» сильно различаются по композиции и стилистическим особенностям, но можно выделить их почти неперенные структурные элементы. Обычно присутствует адресация (указание на отправителя и получателя), далее идут более или менее пространственные приветствие и череда благопожеланий. Затем покойного убеждают, что он обязан и что в его собственных интересах помочь живым родственникам в благодарность за устроенное погребение и поддержание его культа. После этого пишущий излагает свои проблему и просьбу.

³ Например, см.: [Janssen, 1982, p. 256–257; 1994; Bleiberg, 2002].

⁴ Лучше всего это изучено применительно к отношениям «подданный – царь». В последние десятилетия рассматриваются фиксируемые с конца Старого царства отношения типа «клиент – патрон» [Franke, 2006].

⁵ Немногочисленные сохранившиеся частноправовые документы Старого и Среднего царств в интересующей нас части малоинформативны. Об архиве Хеканахта см.: [Allen, 2002; Lehner, 2000, p. 78–79].

⁶ «Каирский текст на льняной ткани» – Египетский музей в Каире JE 25975; библиографию к этому и другим «письмам мертвым» см.: [Willems, 1991; Donnat, 2014].

На данный момент в качестве «писем мертвым» идентифицированы надписи на 19 предметах⁷, еще несколько памятников остаются под вопросом⁸. При этом больше половины из них – десять предметов с письмами – относится к сравнительно небольшому промежутку времени конца Старого – начала Среднего царства⁹ (XXIII–XX вв. до н. э.). По времени написания и стилистическим особенностям они составляют отдельную группу – «письма мертвым» «древней традиции».

Практика обращений за помощью к усопшим родственникам порождена представлениями о том, что в результате должных похорон и поминальных ритуалов умерший возрождается в «потустороннем» мире, обретая при этом способность общаться с другими его обитателями, в том числе с богами, и может до некоторой степени влиять на судьбы еще живущих родственников.

Заметно, что к давним предкам и родственникам, лишь недавно почившим, египтяне относились по-разному [Harrington, 2013, p. 97]. С последними живые оставались в тесном контакте благодаря еще свежей памяти и поддержанию поминального культа. От давних же предков, с которыми ныне живущие потомки были лично не знакомы, можно было ожидать вредоносных поступков. Злонамеренные умершие были способны причинять различные бедствия – их обвиняли в болезнях, смерти, неурожаях, бесплодии и т. д. За заступничеством обращались к «своим» умершим, чтобы они как-то уняли злопыхателя: *«Ведь он рядом с тобой, в одном поселении!»*¹⁰.

Несмотря на сложности с установлением точных родственных связей, вызванные спецификой древнеегипетских терминов родства [Franke, 1983, S. 15, 61], очевидно, что за помощью обычно обращаются к ближайшим родственникам: дети пишут отцу и матери; муж – жене и наоборот; мать – сыну и т. д.

В «древней традиции» ходатайства к умершим чаще всего вызваны бедственным положением пишущего и его семьи, по-видимому, наступившим после смерти адресата; другая причина – болезни и бесплодие [Harrington, 2013, p. 147]. Просили защиты и от привидевшихся во сне злодейств. По египетским представлениям, сны были своего рода «пограничной зоной» и каналом связи мира живых с миром умерших. В них живой мог связаться с усопшим родственником-заступником, но, вместе с тем, и злонамеренный мертвец мог воспользоваться уязвимостью человека во сне [Szpakowska, 2003, p. 21]. В «письмах мертвым» «древней традиции» сны фигурируют дважды: на папирусе Нага эд-Деир 3737 и на оборотной стороне известняковой стелы.

Большинство «отправителей» писем требуют от покойных «адресатов» следовать принципу взаимности, своего рода *do ut des*: раз живые поддерживают культовыми действиями благополучие усопших, последние должны помочь живым. Прося об услуге, создатель письма обычно напоминает покойному об устроенном для него погребении, исполняемых ритуалах, приносимых жертвах и т. д.

⁷ Стоит отметить, что на одном предмете могли разместить два письма. На чаше Кау (Музей египетской археологии Питри), UC16163; название чаши связано с некрополем Кау эль-Кебир, где она была обнаружена) содержатся два письма от одного отправителя двум получателям (покойным родителям), а на известняковой стеле (музей М. С. Карлоса Университета Эмори (Атланта), № 2014.33.1) – письма от двух человек, обращенные к одной умершей.

⁸ Полный перечень источников с категоризацией по эпохам см.: [Troche, 2018]. Возможно, письмом к мертвой является небольшое послание на неопубликованной деревянной стеле (или писцовой табличке) из Эрмитажа (ДВ-4966); за возможность знакомства с этим памятником благодарим А. Н. Николаева.

⁹ Под «началом Среднего царства» здесь и далее понимается правление «поздней» XI династии и два первых царствования XII династии. Продолжительность Первого переходного периода – предмет давних острых споров. В пользу его «долгой хронологии», которой придерживается один из авторов данной статьи, см.: [Brovarski, 2018].

¹⁰ Письмо на чаше Кау (UC16163). Согласно древнеегипетским представлениям о посмертном существовании, в потустороннем мире имелись поселения усопших.

В письме на Берлинской чаше¹¹ вдовец пишет покойной супруге: «*доставили тебя сюда, в Город вечности* (т. е. в гробницу на кладбище); *тебе не в чем меня упрекнуть!*»¹², и просит ее забыть о земных обидах, если таковые остались «*в ее сердце*». «Отправитель» писем на чаше Кау¹³ по имени Шепси возмущен тем, что его умерший брат будто бы действует против него, хотя Шепси забрал брата из острога (?), принял на себя его долговые обязательства и устроил его похороны. Обращаясь там же к покойным родителям, Шепси напоминает о принесенных для них съестных подношениях: про переднюю ногу быка для отца и семь перепелов для матери.

На оборотной стороне известняковой стелы один из двух «отправителей» письма по имени Мерииртифи обращается к усопшей родственнице Небетит¹⁴ с просьбой исцелить его от болезни и желает, чтобы ему был послан сон, в котором он увидит, как Небетит «*сражается за него*», прогоняя хворь. Мерииртифи подчеркивает, что исправно поддерживает ее поминальный культ: «*я твой товарищ на земле, сражайся за меня, вступайся за мое имя! Не коверкал [я слов (поминального ритуала) перед] тобой, я оживил твое имя на земле!*». В случае же исполнения его просьбы Мерииртифи обещает принести усопшей жертвенные дары и установить для нее жертвенный стол, когда взойдет солнце (вероятно, в надежде увидеть такой сон Мерииртифи остался ночевать в часовне на кладбище). В другом послании, сохранившемся лишь частично на той же стеле, некий Хевиау¹⁵ заверяет Небетит: «*я не коверкал слов (поминального ритуала) перед тобой, не забирал у тебя подношений...*», и далее просит: «*сражайся за меня, сражайся за жену мою, за детей моих!*». В письме на Каирской чаше¹⁶ Деди просит усопшего жреца Интефа исцелить больную служанку и отмечает, что она – одна из тех, кто совершает для него жертвенные возлияния. Покойного страшат тем, что иначе его домохозяйство придет упадок¹⁷: «*Разве ты хочешь, чтобы твой дом опустел? <...> Разве можешь ты не знать, что именно эта прислужница – та, кто поддерживает твое хозяйство среди (прочих) людей? Сражайся за нее! Присматривай за ней! Защищай ее от всякого человека, что (действует) против нее. Тогда будут твой дом и твои дети в порядке*». Иногда, как в письме на Берлинской чаше, непосредственно в текст послания вставляется жертвенная формула, будто бы обеспечивающая покойного хлебом, пивом, мясом и прочими благами.

В «письмах мертвым» часто подчеркивают важность родственных связей, в том числе и среди самих усопших. В письме на Берлинской чаше вдовец просит покойную жену обратиться за помощью к ее покойному отцу, чтобы вместе с ним помочь домочадцам избавиться от голода и нужды. В Каирском письме на ткани адресата просят встать на защиту живых вместе с другими усопшими родственниками: «*Поднимись же против них* (т. е. врагов семьи) *вместе со своими отцами, вместе со своими братьями, вместе со своими друзьями!*».

«Письма мертвым» перекликаются с некоторыми кладбищенскими надписями этого времени. Особенно интересны послания, оставленные в святилище Хекайба¹⁸ – крупного чиновника, жившего в конце Старого царства при царе Пепи II и посмертно обожествленного. Его далекий потомок Саренпут I, уже, разумеется, не знавший Хекайба лично, но ощущавший личную связь со своим предком, обновил и расширил его святилище, в избытке снабдил его продуктовыми жертвами, о чем поведал в нескольких надписях [Habachi, 1985, p. 28–29,

¹¹ Египетский музей и собрание папирусов, Берлин, инв. № 22573.

¹² Дословно «нет какого-либо твоего неудовольствия против меня».

¹³ На чаше записаны два письма: в одном из них Шепси обращается к отцу, в другом – к матери.

¹⁴ Не ясно, кем Мерииртифи приходился умершей, – возможно, братом [Wente, 1975/1976, p. 595].

¹⁵ Хевиау назван «братом» умершей, но не ясно, является он на деле собственно братом или вдовцом. В конце послания присутствует упоминание новой жены, а египетские вдовцы боялись реакции покойной супруги на повторную женитьбу [Donnat, 2014, p. 56]. Этим может объясняться оправдательный тон письма в целом.

¹⁶ Каирский египетский музей, инв. № Cairo CG 25375.

¹⁷ Это объясняется тем, что глава дома даже после смерти продолжал восприниматься как его защитник и заступник [Donnat, 2012, p. 238–241].

¹⁸ Основные публикации: [Habachi, 1985; Franke, 1994].

fig. 3a]. В качестве благодарности за свои старания Саренпут I рассчитывает на покровительство обожествленного предка и его помощь после собственной смерти.

Рассмотренные материалы в их совокупности позволяют сделать ряд существенных выводов.

Если в кладбищенских жизнеописаниях Старого царства главным основанием благополучия египтянина предстает благосклонность к нему государя, то «письма мертвым» – наряду с жизнеописаниями Первого переходного периода – признают необходимость быть прочно включенным в социальные сети взаимопомощи. Именно это считается вернейшей гарантией выживания индивида, даже лишившегося или не имевшего престижных доходных должностей, а равно во времена смут и голодных лихолетий. Необходимо оказывать помощь нуждающимся в ней, тем самым побуждая их однажды ответить тем же. Появившиеся с Первого переходного периода пословицы утверждали, что для оказывающего помощь она, в конечном счете полезнее, чем даже для ее получателя, ибо *«действующий (затем) становится тем, для кого действуют»* [Vernus, 1976, p. 144].

Правило взаимопомощи было столь неременным и всеобъемлющим, что преодолевало границу жизни и смерти. Мертвые не могли обрести загробное благополучие без должного погребения и совершаемых живыми культовых действий. Определенно на это указывается в заклинании 38 «Текстов саркофагов», имеющем много общего с «письмами мертвым» [De Buck, 1935; Faulkner, 1973, p. 30–31; Демидчик, 2001]. Живущие, в свою очередь, просили помощи у покойников в тех критических ситуациях, где земные власти (царь, чиновники и др.) были равнодушны или бессильны, а взывать к богам не дозволялось (см. выше). Как поясняется в «Поучении Каирсу», *«(добрые) дела полезнее совершающему их, чем тому, для кого совершаются, (ведь) получающий помощь (покойник) защищает пребывающего на земле»* [Posener, 1976, p. 49–50, 138–139; Parkinson, 2002, p. 270]. Подобные представления даже породили особую разновидность письменных текстов – так называемых «обращений к живущим», где покойные владельцы кладбищенских памятников «просят» прохожих совершить культовые действия, обещая взамен свою помощь при жизни и особенно на «том свете», заступничество перед богами и помощь на Суде Мертвых [Schubert, 2007; Ilin-Tomich, 2015]. В гробнице чиновника Пахери, жившего уже в эпоху Нового царства, говорится, что *«покойный – отец для того, кто действует ради него»* и что *«он не забудет того, кто совершает для него возлияния»* [Lichtheim, 2006, p. 20].

Как отметил Я. Янссен, в III–II тысячелетиях до н. э. для подавляющего большинства египтян возможность получения поддержки в бедственных ситуациях была гораздо важнее стремления к обогащению [Janssen, 1994, p. 136]. Поэтому всякого рода «вспомоществования» крайне редко получали правовое оформление в виде юридически строго фиксированных обязательств (договоров ссуды или займа с обозначенными сроками возврата, ростовщическими процентами и т. п.). Гораздо нужнее была уверенность в том, что «облагодетельствованный» не преминет оказать ответную и соответствующую обстоятельствам помощь, когда с «благодетелем» случится беда. Древнеегипетские практики взаимопомощи, таким образом, основывались главным образом на «неформальных» обязательствах и на чувствах – долга, чести, признательности.

Но вполне надежными, «само собой разумеющимися» такие отношения и чувства могли быть только в малых сообществах¹⁹, особенно между близкими родственниками. Похваляясь в кладбищенских жизнеописаниях помощью «посторонним», поведением далеко не всеобщим и потому заслуживающим поощрения, египтяне редко хвастаются добрыми делами в семействе, ибо это нормально, «заурядно», даже обязательно. В отношениях живых с усопшими казалось само собой разумеющимся, что сын-наследник в меру сил обеспечит

¹⁹ «Неформализованная» взаимопомощь действовала с «ближними», но едва ли могла хорошо работать с «дальними», «чужими». Примеры таких отношений с «дальними» см.: [Allen, 2002, p. 117–119].

погребение и культ усопшего отца²⁰, а родитель и на том свете будет защищать прежде всего своих детей²¹. Вместе с тем «письма мертвым» «древней традиции» показывают, что при всей предполагаемой теплоте родственных чувств и нерушимости взаимных обязательств египтяне считали не лишним мелочно помнить и при случае ссылаться даже на малую когда-то оказанную помощь: например, жертвенную ногу быка и семь перепелов для покойных отца и матери.

Список литературы

- Демидчик А. Е. Древнеегипетские отцы и дети в 38 заклинании «Текстов саркофагов» // Кирилло-Мефодиевские чтения: Христианские традиции и культура России: Материалы науч.-практ. конф. (Новосибирск, 24–25 мая 2001 г.). Новосибирск, 2001. С. 13–22.
- Демидчик А. Е. К вопросу о территориальном государстве Древнего Египта // Вестник древней истории. 2010. № 1 (272). С. 3–12.
- Allen J. P. The Heqanakht Papyri // Publications of the Metropolitan Museum of Art: Egyptian Expedition. New York: Metropolitan Museum of Art, 2002. No. 27. P. 107–119.
- Assmann J. Ma'at. Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Alten Ägypten. München: Verlag C. H. Beck, 1995. 322 S.
- Bleiberg E. Loans, Credit and Interest in Ancient Egypt // Debt and Economic Renewal in the Ancient Near East, Bethesda, 2002. P. 257–276.
- Brovarski E. Naga ed-Dêr in the First Intermediate Period. Atlanta: Lockwood Press, 2018. 690 p.
- Buck A. de. The Egyptian Coffin Texts 1: Texts of Spells 1–75 // Oriental Institute Publications. Chicago, 1935. Vol. 34. P. 158–165.
- Donnat S. Gestion in absentia de domaine familial: à propos des lettres aux morts et des documents d'Héqanakht // Et in Ægypto et ad Ægyptum: recueil d'études dédiées à Jean-Claude Grenier. Montpellier, 2012. Vol. 2. P. 227–242.
- Donnat S. B. Écrire à ses morts: enquête sur un usage rituel de l'écrit dans l'Égypte pharaonique. HOROS. Grenoble: Jérôme Millon, 2014. 283 p.
- Eyre C. The Village Economy in Pharaonic Egypt // Agriculture in Egypt: from Pharaonic to Modern Times. Proceedings of British Academy. Oxford, 1999. Vol. 96. P. 33–60.
- Faulkner R. O. The Ancient Egyptian Coffin Texts. Warminster: Aris & Phillips Ltd., 1973. Vol. 1. 299 p.
- Franke D. Altägyptische Verwandtschaftsbezeichnungen im Mittleren Reich. Hamburg: Verlag Borg GmbH, 1983. 400 S.
- Franke D. Das Heiligtum des Heqaib: Geschichte eines Provinzheiligtums im Mittleren Reich // Studien zur Archäologie und Geschichte Altägyptens. Heidelberg: Heidelberger Orientverlag, 1994. Bd. 9. 318 S.
- Franke D. Fürsorge und Patronat in der Ersten Zwischenzeit und im Mittleren Reich // Studien zur Altägyptischen Kultur. 2006. Bd. 34. S. 159–185, Tf. 4.
- Gardiner A. H., Sethe K. Egyptian Letters to the Dead, Mainly from the Old and Middle Kingdoms. London: Egypt Exploration Society, 1928. 56 p.
- Habachi L. Elephantine IV. The Sanctuary of Heqaib. Mainz, Philipp von Zabern, 1985. 226 p., 211 pls.
- Harrington N. Living with the Dead. Ancestors Worship and Motuary Ritual in Ancient Egypt. Oxford: Oxbow Books, 2013. 225 p.
- Ilin-Tomich A. King Seankhibra and the Middle Kingdom Appeal to the Living // The World of Middle Kingdom Egypt (2000–1550 BC). London, 2015. Vol. I. P. 145–169.

²⁰ Это описывается, опять же, в 38-м заклинании «Текстов саркофагов», см.: [De Buck, 1935; Faulkner, 1973, p. 30–31].

²¹ Стела 1650 Египетского музея в Каире.

- Janssen J.** Gift-Giving in Ancient Egypt as an Economic Feature // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1982. Vol. 68. P. 253–258.
- Janssen J.** Debts and Credit in the New Kingdom // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1994. Vol. 80. P. 129–136.
- Lehner M.** Absolutism and Reciprocity in Ancient Egypt // *Breakout: The Origins of Civilization*. Cambridge, 2000. P. 69–97.
- Lichtheim M.** *Ancient Egyptian Literature*. 2nd ed. Berkeley; London: Uni. of California Press, 2006. Vol. 2: The New Kingdom. 239 p.
- Olabarria L.** *Kingship and Family in Egypt*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2020. 279 p.
- Parkinson R.** *Poetry and Culture in Middle Kingdom Egypt*. London; New York: Continuum, 2002. 393 p.
- Posener G.** L'Enseignement Loyaliste, sagesse égyptienne du Moyen Empire // *Centre de Recherches d'Histoire et de Philologie de la IVe section de l'EPHE. II: Hautes Etudes Orientales*. Genève: Librairie Droz, 1976.
- Schubert S. B.** Those Who (Still) Live on Earth. A Study of the Ancient Egyptian Appeal to the Living Texts. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Toronto: Uni. of Toronto, 2007. 501 p.
- Szpakowska K.** *Behind Closed Eyes: Dreams and Nightmares in Ancient Egypt*. Swansea: Classical Press of Wales, 2003. 237 p.
- Troche J.** Letters to the Dead // *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. 2018 (September). P. 4–5. URL: <https://escholarship.org/uc/item/6bh8w50t> (дата обращения 29.06.2023).
- Vernus P.** La formule «le soufflé de la bouche» au Moyen Empire // *Revue d'Égyptologie*. 1976. No. 28. P. 139–145.
- Wente E. F.** A Misplaced Letter to the Dead // *Orientalia Lovaniensia Periodica*, in P. Naster (Hg.), *Miscellanea in Honorem Josephi Vergote*. 1975/1976. No. 6/7. P. 595–600.
- Willems H.** The End of Seankhenptah's Household (Letter to the Dead Cairo JDE 25975) // *Journal of Near Eastern Studies*. 1991. Vol. 50/3. P. 183–191.

References

- Allen J. P.** The Heqanakht Papyri. In: *Publications of the Metropolitan Museum of Art: Egyptian Expedition*. New York, Metropolitan Museum of Art, 2002, no. 27, pp. 107–119.
- Assmann J.** Ma'at. Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Alten Ägypten. Munich, Verlag C. H. Beck, 1995, 322 S.
- Bleiberg E.** Loans, Credit and Interest in Ancient Egypt. In: *Debt and Economic Renewal in the Ancient Near East*. Bethesda, 2002, pp. 257–276.
- Brovarski E.** *Naga ed-Dêr in the First Intermediate Period*. Atlanta, Lockwood Press, 2018, 690 p.
- Buck A. de.** The Egyptian Coffin Texts 1: Texts of Spells 1–75. In: *Oriental Institute Publications*. Chicago, 1935, vol. 34, pp. 158–165.
- Demidchik A. E.** Drevneegipetskie “ottsy i deti” v 38 zaklinanii “Tekstov Sarkofagov” [Ancient Egyptian “Fathers and Sons” in the Spell 38 of the “Coffin Texts”]. In: *Kirillo-Mefodievskie chteniya: Khristianskie traditsii i kul'tura Rossii: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Novosibirsk, 24–25 maya 2001 g.)* [Cyril and Methodius Readings: Christian Traditions and Culture of Russia: Proceedings of the Scientific-practical Conference (Novosibirsk, May 24–25, 2001)]. Novosibirsk, 2001, pp. 13–22. (in Russ.)
- Demidchik A. E.** K voprosu o territorial'nom gosudarstve Drevnego Egipta [On the Issue of the Territorial State of Ancient Egypt]. *Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]*, 2010, no. 1 (272), pp. 3–12. (in Russ.)
- Donnat S.** Gestion in absentia de domaine familial: à propos des lettres aux morts et des documents d'Héqanakht. In: *Et in Ægypto et ad Ægyptum: recueil d'études dédiées à Jean-Claude Grenier*. Montpellier, 2012, vol. 2, p. 227–242.

- Donnat S. B.** *Écrire à ses morts: enquête sur un usage rituel de l'écrit dans l'Égypte pharaonique.* HOROS. Grenoble, Jérôme Millon, 2014, 283 p.
- Eyre C.** The Village Economy in Pharaonic Egypt. In: *Agriculture in Egypt: from Pharaonic to Modern Times.* Proceedings of British Academy, Oxford, 1999, vol. 96, pp. 33–60.
- Faulkner R. O.** *The Ancient Egyptian Coffin Texts.* Warminster, Aris & Phillips Ltd., 1973, vol. 1, 299 p.
- Franke D.** *Altägyptische Verwandschaftsbezeichnungen im Mittleren Reich.* Hamburg, Verlag Borg GmbH, 1983, 400 S.
- Franke D.** Das Heiligtum des Heqaib: Geschichte eines Provinzheiligtums im Mittleren Reich. *Studien zur Archäologie und Geschichte Ägyptens.* Heidelberg, Heidelberger Orientverlag, 1994, Bd. 9, 318 S.
- Franke D.** Fürsorge und Patronat in der Ersten Zwischenzeit und im Mittleren Reich. *Studien zur Altägyptischen Kultur*, 2006, Bd. 34, S. 159–185, tf. 4.
- Gardiner A. H., Sethe K.** *Egyptian Letters to the Dead, Mainly from the Old and Middle Kingdoms.* London, Egypt Exploration Society, 1928, 56 p.
- Habachi L.** Elephantine IV. The Sanctuary of Heqaib. Mainz, Philipp von Zabern, 1985, 226 p., 211 pls.
- Harrington N.** *Living with the Dead. Ancestors Worship and Motuary Ritual in Ancient Egypt.* Oxford, Oxbow Books, 2013, 225 p.
- Ilin-Tomich A.** King Seankhibra and the Middle Kingdom Appeal to the Living. In: *The World of Middle Kingdom Egypt (2000–1550 BC).* London, Golden House Publ., 2015, vol. I, pp. 145–169.
- Janssen J.** Gift-Giving in Ancient Egypt as an Economic Feature. *The Journal of Egyptian Archaeology*, 1982, vol. 68, pp. 253–258.
- Janssen J.** Debts and Credit in the New Kingdom. *The Journal of Egyptian Archaeology*, 1994, vol. 80, pp. 129–136.
- Lehner M.** Absolutism and Reciprocity in Ancient Egypt. In: *Breakout: The Origins of Civilization.* Cambridge, 2000, pp. 69–97.
- Lichtheim M.** *Ancient Egyptian Literature.* 2nd ed. Berkeley, London, Uni. of California Press, 2006, vol. 2: The New Kingdom, 239 p.
- Olabarria L.** *Kingship and Family in Egypt.* Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2020, 279 p.
- Parkinson R.** *Poetry and Culture in Middle Kingdom Egypt.* London, New York, Continuum, 2002, 393 p.
- Posener G.** L'Enseignement Loyaliste, sagesse égyptienne du Moyen Empire. In: *Centre de Recherches d'Histoire et de Philologie de la IVe section de l'EPHE. II: Hautes Etudes Orientales.* Genève, Librairie Droz, 1976.
- Schubert S. B.** Those Who (Still) Live on Earth. A Study of the Ancient Egyptian Appeal to the Living Texts. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Toronto, Uni. of Toronto, 2007, 501 p.
- Szpakowska K.** *Behind Closed Eyes: Dreams and Nightmares in Ancient Egypt.* Swansea, Classical Press of Wales, 2003, 237 p.
- Troche J.** Letters to the Dead. *UCLA Encyclopedia of Egyptology*, 2018 (September), pp. 4–5. URL: <https://escholarship.org/uc/item/6bh8w50t> (accessed: 29.06.2023).
- Vernus P.** La formule “le soufflé de la bouche” au Moyen Empire. *Revue d'Égyptologie*, 1976, no. 28, pp. 139–145.
- Wente E. F.** A Misplaced Letter to the Dead. *Orientalia Lovaniensia Periodica*, in P. Naster (Hg.), *Miscellanea in Honorem Josephi Vergote*, 1975/1976, no. 6/7, pp. 595–600.
- Willems H.** The End of Seankhenptah's Household (Letter to the Dead Cairo JDE 25975). *Journal of Near Eastern Studies*, 1991, vol. 50/3, pp. 183–191.

Информация об авторах

Аркадий Евгеньевич Демидчик, доктор исторических наук

Scopus Author ID 56677781100

WoS Researcher ID Y-1069-2018

Анна Викторовна Хапрова, магистр истории

Scopus Author ID 57222092708

WoS Researcher ID AАН-5624-2021

Information about the Authors

Arkady E. Demidchik, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 56677781100

WoS Researcher ID Y-1069-2018

Anna V. Khaprova, Master (History)

Scopus Author ID 57222092708

WoS Researcher ID AАН-5624-2021

Статья поступила в редакцию 07.07.2023;

одобрена после рецензирования 13.09.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted on 07.07.2023;

approved after reviewing on 13.09.2023; accepted for publication on 26.09.2023

Научная статья

УДК 292.11+821.14'02

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-19-30

Скальные святилища Аполлона в южной Писидии: традиционные и «авторское»

Елена Владимировна Приходько

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

aristonica@list.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4843-6967>

Аннотация

В южной Писидии известно три вотивных святилища Аполлона I–III вв.: в Перминунте, около Педнелисса и рядом с Коджаалилер. Все они следовали принципам оформления вотивных святилищ, распространенных в горах Тавра. Но во II в. житель Адад по имени Леонтиан основал в Йязылы каньоне свое «авторское» святилище с вырезанными на скале стихами, содержащими наставления в стоической философии, и принес в дар Аполлону свой дорожный посох как символ отказа от опоры на все материальное и достижения внутренней свободы, о которой учил Эпиктет. Проводя сопоставительное описание этих святилищ, автор показывает, как в русле традиции создания вотивных святилищ возникла идея основания «авторского» святилища и как в нем была переосмыслена суть и самого вотивного святилища, и приносимого дара.

Ключевые слова

Аполлон, скальное святилище, вотивная стела, Писидия, Перминунт, Педнелисс, Коджаалилер, Йязылы каньон, Леонтиан, Эпиктет

Для цитирования

Приходько Е. В. Скальные святилища Аполлона в южной Писидии: традиционные и «авторское» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 19–30. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-19-30

Rock Sanctuaries of Apollo in Southern Pisidia: Traditional and “Author’s”

Elena V. Prikhodko

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

aristonica@list.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4843-6967>

Abstract

Most rock sanctuaries founded in the mountains of Taurus in the 1st – 3rd century AD had a votive character. These sanctuaries belonged to different deities. In southern Pisidia, three traditional rock sanctuaries of Apollo are known: in Perminus, near the city of Pednelissos, and near the ancient city, whose ruins are located near Kocaaliler. The iconography of Apollo in these sanctuaries differs from the image of a naked god familiar to the Greeks. On the votive stelae from Perminus, Apollo is represented as a rider-god, and in two other sanctuaries the image of the god reproduces the basic principles of the idea of the local god of the Pamphylian city of Side, the so-called Apollo Sidetes. But in the 2nd half of the 2nd century AD, a resident of the city of Adada named Leontianos founded near the road in Yazılı kanyon his “author’s” sanctuary. Based on the traditional votive principle, Leontianos carved on the rock his own

© Приходько Е. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 19–30

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 19–30

verses containing hortations in Stoic philosophy and presented his walking stick as a gift to Apollo. This walking stick symbolized the rejection of reliance on everything material and the achievement of inner freedom, which was taught by Epictetus. The author provides a comparative description of these sanctuaries and points out how the idea of erecting an “author’s” sanctuary arose from the tradition of founding votive sanctuaries and how this new sanctuary differed from the traditional ones.

Keywords

Apollo, rock sanctuary, votive stele, Pisidia, Perminus, Pednelissos, Kocaaliler, Yazılı kanyon, Leontianos, Epictetus

For citation

Prikhodko E. V. Rock Sanctuaries of Apollo in Southern Pisidia: Traditional and “Author’s”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 19–30. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-19-30

Почитание Аполлона в Малой Азии в период Римской империи насчитывало уже не одно столетие. Жители крупных городов имели возможность обращаться к богу с молитвой и выражать ему свое благоговение в прославленных святилищах: в Дидимах возле Милета, в Кларосе у Колофона, в Летооне недалеко от Ксанфа, в Суре рядом с Мирами, в Патарах, Сиде, Сагалассе, Гиераполе и т. д. В некоторых из этих святилищ у Аполлона был свой вещий дух оракул, через которого бог посылал просителям наставления и откровения. Жители небольших горных городков и сельской местности тоже стремились создать на своей территории места особого поклонения богу и, следуя переданной от предков традиции, устраивали скальные святилища под открытым небом. О четырех таких святилищах, сохранившихся на землях Писидии, и пойдет речь в данной работе.

По отдельности эти святилища уже были представлены в научной литературе, но полноценного их сравнения, особенно с привлечением к рассмотрению необычного святилища из Йазылы каньона, предпринято не было. Поэтому перед нами будет стоять весьма актуальная задача – давая наиболее полное описание каждого святилища, проследить традиционные (но при этом малоазийские) черты в оформлении этих святилищ и понять, каким образом эта вековая традиция, с одной стороны, создала почву для возникновения идеи «авторского» святилища, а с другой – допустила реализацию этого проекта, противоречащего ее собственным принципам.

Большинство скальных святилищ в горах Тавра по своему типу были вотивными. Первоначально некий человек, выбрав подходящее место, вырезал на скале рельефное изображение божества или вырубал в скале нишу и помещал туда стелу с изображением бога, а затем по возможности делал рядом короткую надпись, где указывал свое имя и имя бога, которому он принес обет. Возле первого обетного дара вскоре появлялся второй, потом третий, рядом ставились вотивные алтари, и святилище постепенно росло. В Писидии, Ликии и Кибиратиде были обнаружены скальные святилища разных богов: среди них анатолийский бог-всадник Какасб и Геракл, местнотимые боги Масес и Сумендис, Диоскуры и Арес, нимфы и Аполлон. О подобных святилищах нет упоминаний в античной литературе, и сам факт их существования устанавливается обычно в результате работы научных экспедиций.

Святилище Аполлона в Перминунте

Первое скальное святилище Аполлона из тех, о которых пойдет речь, находится на высокогорном плато возле современной деревни Кызылджаагач. В древности это местечко называлось Перминунт¹, принадлежало, вероятно, городу Комамы. Святилище устроено на краю обширного скального массива, поднимающегося над горной равниной к северу от деревни,

¹ Форма винительного падежа этого топонима *Περμινούντα* зафиксирована в надписи IGSK 57, 104a, что говорит об основе на -ντ, в именительном падеже *Περμινούς*. Однако название жителей этого места в родительном падеже выглядело, согласно надписям IGSK 57, 94–96, как *Περμινουνδέων*, т. е. в результате озвончения имело основу на -νδ. Поскольку в древнегреческой топонимике был распространен именно вариант с основой на -ντ (например, *Πεσσινούς*, *Ἀμαθούς*, *Ἐλκούς*), то мы предпочли при переводе этого топонима на русский язык выбрать вариант *Перминунт* и этникон *перминунты*.

и обращено на запад. Его создатели использовали окруженное скалами чуть более чем с трех сторон естественное ровное пространство шириной около 40 м, скальное основание которого было выше уровня равнины. Они грубо обработали вертикальную поверхность невысокого восточного уступа и вырубили перед ним террасу, а также ниже ровную почти прямоугольную площадку, где мог размещаться главный алтарь. Первое описание этого святилища предоставили У. Рамсей и А. Смит, посетившие его летом 1884 г. По их мнению, с запада, со стороны равнины, боковые скалы были соединены стеной, так что попасть в святилище в то время можно было только по небольшой лестнице, вырубленной в юго-западных скалах [Smith, 1887, p. 227]. Сейчас эта стена разрушена.

На восточной стене было вырезано девятнадцать ниш – они сохранились до наших дней. Ниши расположены друг за другом в один неровный, можно сказать, волнообразный ряд, который нарушает только крайняя с севера ниша, размещенная не сбоку от соседней, а над ней. Размеры ниш и их форма сильно разнятся. Большинство ниш вытянуты по вертикали и либо имеют прямоугольную форму, либо заканчиваются сверху арочным сводом. Однако есть пара почти квадратных ниш и еще одна широкая и невысокая ниша с треугольным верхом – самая большая ниша в святилище, ее ширина составляет 1,08 м, а высота 0,95 м. Над этой нишей, третьей с севера, если считать по отдельности пару ниш, расположенных друг над другом, вырезана надпись, которая еще читается полностью: Τί. Κλ. Ρούσων Ἀπόλλωνι Περμινουνδέων εὐχήν – «Тиберий Клавдий Русон Аполлону перминунтцев по обету»² (IGSK 57, 94). Над десятой с севера нишей, достаточно большой, высокой и со сводом, процарапаны контуры *tabula ansata*, внутри которой расположена частично выветрившаяся надпись: ΜΑΙ ... ΛΙ ... Ἰ ὑπὲρ Υἱοῦ ἈΠΟΛΛΙΟΥΘΑ . Ν . ΟΥ . Ἀπόλλωνι Περμ[ι]νου[ν]δέων ἐπηκόῳ [εὐ]χήν – «... за сына ... Аполлону перминунтцев внешнему по обету» (IGSK 57, 96). Значительно хуже состояние надписи, процарапанной над четырнадцатой с севера нишей, невысокой и с арочным сводом: ΜΑCΙ καὶ Ἰούλις Ἀπόλλωνι ΠΑΤΡΙΚΗΝ εὐχήν – «... и Юлий Аполлону отцу (?) по обету» (IGSK 57, 97). Кстати, справа от этой ниши была вырублена еще одна совсем маленькая, очень узкая и высокая ниша, которую, по всей вероятности, упустили в общем подсчете предыдущие издатели, утверждавшие, что общее число ниш на восточной стене равняется восемнадцати [IGSK 57, p. 103]. Последняя из еще видимых надписей была процарапана под двенадцатой с севера нишей – это небольшая почти квадратная ниша, верхняя часть которой разрушена трещиной в скале: Γάιος Ο Π ΟC Εὐγενίῳ ὑπὲρ Σ Λ ΝΑΙΓ εὐχήν – «Гай [Юлий ?] Евгений за ... по обету» (IGSK 57, 98).

После посещения Перминунта Рамсей и Смит опубликовали 11 надписей, которые уже тогда имели серьезные лакуны [Ramsey, 1885, S. 340–341; 1888, p. 9; Smith, 1887, p. 227–229]. Но за следующее столетие многие надписи окончательно выветрились, чему способствовали также и те два обстоятельства, что поверхность скалы, предназначенная для надписи, дополнительно не выравнивалась (за исключением надписи в *tabula ansata*), а сами надписи преимущественно процарапывались, а не вырезались. В итоге работавшие в Писидии с 1985 г. Г. Хорсли и С. Митчелл смогли обнаружить на восточной стене святилища только 4 надписи, приведенные выше (IGSK 57, 104–107)³. На восточной стене исчезли, например, надписи: ... ὑπὲρ υἱοῦ Σωσιδώρα – «... за сына Сосидора», εὐχήν Ἀπόλλωνι – «По обету Аполлону», ΕΤΡΤΡΟΙΟΣ εὐχήν Ἀπόλλω[νι] – «Эвтропий (?) по обету Аполлону» (IGSK 57, 99, 100, 104). Рамсей и Смит утверждают, что скопировали две надписи также и с северной стены святилища: Μάρκος Τιβέριος Ἀντώνιος Ἰσινδεὺς εὐχήν – «Марк Тиберий Антоний, исиндец, по обету» и ... εὐχήν – «... по обету» [Ramsey, 1885, S. 340; Smith, 1887, p. 227–228] (IGSK 57, 93, 103). Все надписи датируются I–II вв. или чуть позже.

² Все предлагаемые в этой работе переводы – как прозаические, так и поэтические – выполнены автором.

³ В описании святилища Хорсли и Митчелл указывают, что на восточной стене сохранилось четыре надписи, но в комментариях к самим надписям не помеченными словами *non seen by us* оказываются только три надписи. Поскольку надпись под двенадцатой с севера нишей до сих пор видна, можно предположить, что пометка *non seen by us* была напечатана при ней ошибочно.

Примечательной особенностью святилища является крупный скальный выступ в его северо-западном углу, по своим очертаниям похожий на омфал. На это сходство обратили внимание Рамсей и Смит, предположившие, что скала могла напомнить жителям Перминунта об омфале в Дельфах, и это способствовало выбору места для основания святилища [Smith, 1887, p. 227–228]. Согласиться с этим мнением трудно, поскольку это святилище изначально не принадлежало Аполлону, а, как и многие другие святилища региона, располагалось на месте более древнего капища, где, судя по надписям из музея Бурдура (IGSK 57, 104a, 104g), исконно мог почитаться анатолийский бог Солнца Созонт, который в более поздние века был, вероятно, отождествлен с Аполлоном [Delemen, 1999, p. 39–42; IGSK 57, p. 108; Talloen, Waelkens, 2005, p. 219–221; Talloen, 2015, p. 98]. На обращенной во внутреннее пространство святилища стороне этой скалы-омфала также были вырезаны рядом три узкие и высокие ниши со сводом (явно предназначавшиеся для статуэток).

Неровные скалы южной стены были оставлены без обработки, если не считать проложенного здесь прохода к скальной лестнице и вырубленной на одном из выступов неглубокой, почти квадратной ниши со сводом.

Уже Рамсей и Смит застали святилище абсолютно опустошенным – все, что можно было унести, было разграблено: ни votивных стел, ни статуэток, ни алтарей путешественники не увидели [Smith, 1887, p. 228]. Однако несколько артефактов все же сохранилось и даже попало в собрания музеев. Так, из святилища Перминунта происходит мраморная стела с арочным верхом высотой 29,5 см, шириной 25 см и толщиной 14 см с грубым рельефным изображением Аполлона в виде обращенного в правую сторону бога-всадника в коротком хитоне, сапогах-перонах и со свисающим с плеч плащом. Лицо и грудь бога повернуты к зрителю. В правой руке он держит фиалу, а в левой, оставшейся за корпусом коня, – поводья. Пропорции фигуры на этой стеле нарушены, голова Аполлона выглядит слишком большой, черты лица и драпировка прочерчены линиями. Конь, на котором восседает бог, тоже представлен коренастым и крупноголовым, его уздечка и поводья выполнены рельефно. На стеле вырезана надпись, разбитая на две части: три начальные строки размещены над всадником, а имя дарителя указано внизу, под рельефом: Ἀπόλλωνι εὐχήν Περμινουνδέων Λ. Απούλειος Τατιανός – «Аполлону перминунтцев по обету Луций Апулей Тациан». Эту стелу видел в 1874 г. в Адалии ⁴ Г. Хиршфельд. Он скопировал в свою тетрадь вырезанную на стеле надпись и пояснил, что эта стела являлась собственностью директора отделения Османского банка мистера М. Уилкина, который купил ее в Ыспарте и предполагал, что она попала туда из Апамеи. Затем эта стела оказалась в Смирне ⁵ в коллекции любителя древностей А. ван Леннепа и, видимо, по уверениям некоего торговца, считалась найденной в августе 1887 г. непосредственно в Смирне «на Паге». Дальше ее путь лежал в Нидерланды, и сейчас она находится в Государственном музее древностей в Лейдене [Κοντολέων, 1887, S. 250; Robert, 1946, p. 53–54; 1949, p. 54–56; Delemen, 1999, p. 44–45, 168–169, № 297] (IGSK 57, 95).

Другая мраморная стела с треугольным верхом высотой 30,8 см, шириной 22,7 см и толщиной 5,9 см хранится в археологическом музее Бурдура в Турции. История ее обнаружения неизвестна, но с большой долей вероятности она тоже стояла когда-то в святилище Перминунта. Рельефное изображение Аполлона в виде бога-всадника помещено на ней в эдикулу, завершающуюся сверху треугольным фронтоном с внешней стороны и сводом над головой бога. Бог в коротком хитоне, сапогах-перонах и плаще, скрепленном пряжкой на правом плече и развивающемся за спиной, сидит на обращенном в правую сторону коне. Его голова и грудь развернуты фронтально, длинные волосы разделены посередине пробором и зачесаны назад, закрывая уши. В правой, согнутой в локте руке бог держит фиалу, а левой, выставленной вперед к правому боку коня, натягивает поводья так, чтобы заставить коня повернуть голову к зрителю. На основании эдикулы вырезана надпись: Γάιος Ιούλιος Φροντῶν Ἀπόλλωνι

⁴ Современный город Анталя.

⁵ Современный город Измир.

εὐχήν – «Гай Юлий Фронтон Аполлону по обету» (SEG 49: 1858) [Delemen, 1999, p. 44–45, 168, № 294].

Характерные черты иконографии Аполлона Перминунтского демонстрируют еще три стелы, которые, по мнению И. Делемен, тоже были созданы для приношения в святилище Перминунта, причем две из них исследовательница относит к той же самой мастерской, что и стелу из музея Бурдура. Одна стела находится в Британском музее и снабжена надписью: Ἀπόλλωνι ἐπηκόφ Μάρκος Σάλουιος Αουίσκος – «Аполлону внешнему Марк Сальвий Ависк» [Ibid., p. 167, № 293]. Две другие хранятся в музее Анталыи, и на основании одной из них вырезана надпись: Ἀπόλλωνι εὐχήν Μεννέας Ὀπλωνος – «Аполлону по обету Менней, сын Гоплона» [Ibid., p. 168, № 295, 296]. Важно обратить внимание на тот факт, что в древнегреческом искусстве Аполлон, как и другие олимпийские боги, никогда не изображался верхом на коне, в то время как на рельефах II–III вв. из Писидии и соседних областей Аполлон нередко оказывается именно сидящим на коне, а значит, народное искусство этого периода трансформировало образ Аполлона в соответствии с весьма распространенными в Анатолии представлениями о боге-всаднике [Ibid., p. 43–46]. Заметим, что подобную трансформацию могли претерпевать и образы других богов. Например, в коллекции музея Бурдура имеется мраморный алтарь, на котором в виде бога-всадника изображен Посейдон: он восседает на обращенном в правую сторону коне и размахивает трезубцем, а вырезанная частично над головой бога, частично под рельефом надпись гласит: ... Με[νε]λάου Ποσειδῶνι εὐχήν – «[Такой-то, сын] Менелая, Посейдону по обету» [Ibid., p. 67, 192, № 365].

В музее Бурдура хранятся также и отдельные фрагменты стел, вотивных алтарей и терракотовых статуэток, найденные в Перминунте в 1994 г. после незаконных работ черных копателей. На нижней части миниатюрного алтаря из желтоватого известняка сохранился фрагмент надписи: ... νδου Σώζοντι ἐς Περμινούντα εὐχή – «Обет [такого-то] Созонту в Перминунте» (IGSK 57, 104a). На основании статуэтки вырезано: Σώζον[τι] – «Созонту» (IGSK 57, 104g). На прямоугольном алтаре из белого известняка под украшенным диском фронтоном с акротериями вырезано изображение бюста и под ним надпись: Ἀπόλλωνι εὐχήν Λούκιος Πετρώνιος – «Аполлону по обету Луций Петроний» (IGSK 57, 104d).

Святилище Аполлона у стен Педнелисса

Второе святилище Аполлона было основано жителями города Педнелисса. Для него было выбрано ровное место за городской стеной: возле ее юго-западного угла и ниже по склону горы. Теменос размером около 40 × 25 м окружала стена из больших прямоугольных блоков в псевдоисодомной кладке, отдельные части которой можно увидеть и в наши дни. Приблизительно в центре теменоса возвышается трехметровый скальный выступ. Его противоположная склону горы сторона была тщательно выровнена, и на ней была вырезана прямоугольная эдикула с треугольным фронтоном, украшенным акротериями. Внутри эдикулы мастер расположил фигуру Аполлона высотой 1,2 м. Бог изображен стоящим анфас в полный рост. Он одет в короткий хитон и плотный плащ, застегнутый спереди на груди и свисающий ниже колен; на ногах у него сапоги. В правой руке Аполлон держит чашу для возлияний, а в левой – скипетр из длинной ветви лавра, разветвляющейся вверх на три веточки с листьями. Лицо бога практически полностью уничтожено. Если присмотреться, можно увидеть, что и на фронте и акротериях эдикулы, и на самом рельефе – вокруг венка, по обеим сторонам шеи, у застежки плаща, на поясе, стягивающем хитон, по бокам ног выше колен и выше щиколоток, а также возле листьев лавра – были проделаны маленькие отверстия, предназначенные для крепления металлических элементов дополнительного убранства.

Как и изображение Аполлона в виде всадника на рельефах из Перминунта, такая иконография Аполлона не совпадает с привычным для эллинов образом обнаженного бога, но зато точно воспроизводит основные принципы изображения местного бога памфилийского города Сиды, так называемого Аполлона Сидетского. Именно в таком виде встречается Аполлон на

серебряных статерах из Сиды IV в. до н. э., а также на монетах, чеканившихся в этом городе в римское время, – примечательным отличием последних являются высокие сапоги на ногах бога. Рельеф из святилища Педнелисса выполнен в неоклассическом стиле с очевидным стремлением подражать образцам древности: драпировка одежды и форма эдикулы явно воспроизводят стилистические особенности классики. На этом основании он датируется поздним эллинизмом или периодом ранней Империи. Отсутствие в святилище надписей – а раскопки в Педнелиссе не проводились – лишает исследователей возможности предложить более точную датировку. Кроме того, отсутствие надписей также не позволяет однозначно признать это святилище вотивным, хотя ниже эдикулы видны контуры по крайней мере двух небольших ниш [Nollé, 1993, S. 112–114; Işın, 2014, p. 89–90; Talloen, 2015, p. 64, 67, 97–98].

Святилище Аполлона возле древнего города у Коджаалилер

Третье святилище находится возле современного городка Коджаалилер к северо-западу от древнего города, чье название до сих пор не установлено, и в научной литературе он выступает как Mellî или Milyas. Город занимал вершину горы, а в святилище была превращена стена одного из уступов, расположенного ниже по склону. Поверхность скалы здесь была выровнена значительно тщательнее, чем в Педнелиссе. Эдикула с изображением Аполлона была вырезана как бы в огромной прямоугольной нише с треугольным фронтоном. Боковые стены этой ниши имели форму вытянутых вверх прямоугольных треугольников, т. е. они снизу вверх постепенно сходили на нет. На фронте скала не сохраняла общую вертикальную плоскость, а немного отклонялась назад, и в ней были вырублены три больших отверстия: два прямоугольных параллельно сторонам фронтона и одно пятиугольное в центре у вершины фронтона. Верхние плоскости сторон фронтона тоже были обработаны, и за ними в скале, повторяя их наклон, было вырезано продольное углубление типа паза, которое по бокам выходило за пределы ниши и продолжалось до конца ее боковых стен. Все эти отверстия наводят на мысль о крепившихся в них деревянных конструкциях. Боковые стены ниши продолжают равномерно расширяться вплоть до самой земли, а пространство между ними оформлено как своего рода лестница из двух огромных ступеней: после ниши вертикальная стена, тоже хорошо обработанная, уходит вниз где-то на метр до горизонтальной площадки, такой же, как внутри ниши перед эдикулой, и затем вертикальный срез опускается уже до уровня земли. Справа от внешней стены ниши вдоль почти всей ее высоты вырублено углубление, шириной немного уступающее ширине стены ниши, а в нем – четыре высокие, но не глубокие ступени. С левой стороны ничего подобного нет, там вдоль всей стены ниши, но при этом по уровню несколько глубже ее верхней плоскости вырублен всего лишь узкий желоб.

Эдикула с Аполлоном очень сильно повреждена: от изображения бога просматриваются только контуры, а у самой эдикулы отсутствует больше половины правой стены и часть основания. Однако даже в таком виде этот рельеф еще вполне может быть сопоставлен с рельефом из Педнелисса, поскольку изображение Аполлона на нем определенно следовало иконографии Аполлона Сидетского: поза бога, его одежда и атрибуты по сохранившимся контурам повторяют рельеф из Педнелисса, и даже в высоту фигура бога так же, как и в Педнелиссе, имеет 1,2 м. Эдикула тоже выполнена с фронтоном и акротериями, только здесь, в отличие от Педнелисса, она опирается на высокое основание. Внутри ниши по обеим сторонам эдикулы вырезано симметрично в ряд по два квадратных отверстия для крепления дополнительных элементов декора, и еще одно такое же отверстие сделано в центре над фронтоном.

Надписей в этом святилище тоже обнаружено не было. В непосредственной близости от ниши с эдикулой других вотивных ниш нет. Но если немного пройти вдоль стены уступа по направлению к городу, то на ней можно увидеть несколько ниш с арочным верхом, правда,

ничто не указывает ни на их принадлежность святилищу, ни вообще на их votивную природу [Işın, 2014, p. 90; Talloen, 2015, p. 64, 67, 97–98].

Святилище Аполлона в Йазылы каньоне

Хотя святилище Перминунта и святилища Педнелисса и безымянного города у Коджаалилер имели ряд различий и в своем устройстве, и в иконографии Аполлона, они в целом следовали традиционным принципам создания votивных святилищ под открытым небом и, конечно же, не принадлежали никакому «автору» – сохранение имени основоположника подобного святилища не считалось чем-то важным, и оно никогда не фиксировалось. Однако в той же южной Писидии и в тот же исторический период было создано святилище, которое было замыслено вроде бы как votивное, но по сути своей оказалось совершенно иным. Это четвертое святилище было устроено возле дороги из Памфилии на север в Писидию, и выбранное для него место едва ли было освящено более древним культом.

У реки Аксу Чайы, античного Кестра, одной из двух главных рек, текущих из Писидии на юг к морю, есть приток Дейирмендере Чайы. Недалеко от деревни Чандыр эта река, прокладывая себе дорогу среди высоких скал, образовала глубокий узкий каньон – турки называют его *Йазылы каньон*, т. е. *Каньон с надписями*. Именно вдоль этого каньона и шла дорога на север, зажата между отвесной скалой и обрывом. Это живописное место привлекло внимание некоего Леонтиана, сына Леонтиана, из города Адады – каньон находился на землях этого города, – и он устроил здесь скальное святилище. Выбору места способствовала не только завораживающая красота каньона с постоянным рокотом стремительно несущегося где-то внизу потока, но и прижимающаяся к стене каньона дорога: каждый путник неминуемо проходил через святилище, а значит, мог прочесть все вырезанные там надписи.

В скале, не тронутой какой-либо обработкой, было грубо вырублено углубление, лишь отдаленно напоминающее своими контурами вытянутый вверх треугольник. Его задняя стена была слегка выровнена, и в ней уже более тщательно вырезана ниша весьма интересной формы: это было не обычное прямоугольное углубление с арочным сводом, а мини-абсида, завершающаяся сверху полукуполом. Находившаяся здесь некогда статуя Аполлона была установлена в круглое углубление в полу ниши и закреплена при помощи двух отверстий. По бокам ниши были прочерчены по контуру две обрамляющие колонны с простыми капителями, и таким же обрамлением, только чуть уже, был обведен край конхи, над верхней частью которого точно так же был прочерчен высокий, но узкий, не перекрывающий всю ширину ниши фронтон. По обеим сторонам от треугольного углубления на скале были размещены две разные по форме «таблички с ушками». Левая *tabula ansata*, длинная и узкая, была сильно утоплена в скалу. Вырезанная на ней надпись, написанная в ямбическом триметре на дорийском диалекте, от имени Аполлона объявляла путникам, кому принадлежит это святилище и кто его основал:

Φοῖβόν με ὀδεῖταις πᾶσιν ἔστασεν φίλον
 Λεοντιανός, παῖς ὁμωνύμου πατρός –
 «Меня поставил Феба, друга путникам,
 Леонтиан, отца Леонтиана сын»
 (Merkelbach, Stauber, 2002, S. 119–120, 18/09/01).

Правая *tabula ansata*, более пропорциональных размеров, была прочерчена по контуру на скале без какого-либо углубления и содержала обращение к Аполлону Леонтиана, основателя святилища. Оно тоже было написано в ямбическом триметре на дорийском диалекте:

τίν, Φοῖβε Ἀπόλλων, τᾶσδε ὅς αἰσυμνᾶς ὁδῶ,
 λοιβαῖς ὀδειτᾶν ἡνεκὲς τέρπων φρένα,
 τὸ βάκτρον ἀντίθημι, μουσικὰ πρᾶπις,
 Λεοντιανός· τὸ δέ, μάκαρ, χαίρων δέχου

ἐμᾶς ὄχημα χειρός, ἔρμα γουνάτων,
 ὀδοιπόρον σκείπωνα, τῷ διάνυσον
 κέλευθα ἐρείδων χεῖρα· νῦν δὲ ἐλεύθερον,
 ὦ Φοῖβε, παρ τὴν τῶν πρὶν ἀμπνύσει πόνων –
 «О Феб Аполлон, дорогу эту ты хранишь
 И путников дарами вечно тешишь дух,
 Тебе я посох приношу, слугитель Муз,
 Леонтиан, ты ж, радуясь, благой, прими
 Моей руки опору, ног помощника,
 Дорожный посох, опираясь на него,
 Прошел я путь, теперь же он, свободный, пусть
 С тобой, о Феб, от прежних отдохнет трудов»
 (Merkelbach, Stauber, 2002, S. 120–121, 18/09/02).

Заметим, что обе надписи – это стихи, а не свойственная вотивным святилищам лаконичная проза. Из этих стихов мы узнаем, что Леонтиан совершил трудное путешествие и благополучно вернулся домой, после чего решил отблагодарить Аполлона, которого почитал своим защитником. Но ни о каком традиционном обете речь не идет. В нише стояла статуя Аполлона, но она не являлась обетным даром, поскольку в дар Аполлону Леонтиан принес свой дорожный посох – достаточно необычный дар для вотивного святилища. Казалось бы, все каноны вотивного святилища и без того уже были нарушены, но Леонтиан на этом не остановился. Немного отступив от посвятительной надписи, он (точнее, нанятый им мастер) тщательно выровнял поверхность скалы, прочертил, соблюдая общий принцип оформления, контуры весьма внушительной по размеру *tabula ansata*, и вырезал надпись из восемнадцати стихов: первые два были написаны трохаическим тетраметром, а остальные – гекзаметром. Лишь короткое приветствие было вынесено за верхнюю линию «таблички с ушками»:

ἀγαθῇ τύχῃ.
 ἔντυχε, ὦ ξένε, καὶ λήμψῃ τι χρήσιμον ἐφόδιον, μαθὼν
 ὡς ὁ τοῖς τρόποις ἐλεύθερος μόνος ἐλεύθερος.
 ἀνδρὸς ἐλευθερίας στάθμαν ἔχε τὰν φύσιν αὐτάν,
 αἶ κα τὰν γνώμαν τις ἐλεύθερος ἔνδοθεν εἶη
 ὀρθᾶς ἐκ κραδίας, ἃ γεννικὸν ἀνέρα ποιῇ·
 καὶ ταῦτα κρείνων τὸν ἐλεύθερον οὐ κεν ἀμάρτοις.
 ὄνκον δὲ προγόνων λῆρον καὶ φλήναφον ἀγεῦ.
 οὐ γάρ τοι πρόγονοι τὸν ἐλεύθερον ἄνδρα τίθεντι·
 εἷς γάρ Ζεὺς πάντων προπάτωρ, μία δ' ἀνδράσι ρίζα,
 εἷς παλὸς πάντων, ὃ δὲ τὰν φύσιν ἔλλαχεν ἐσθλάν,
 εὐπατρίδας τῆνος καὶ ἐλεύθερος ἀτρεκέες ἐντι.
 δοῦλον δ' οὐκ ὀκνημι λέγην κακὸν, οὐδὲ τρίδουλον,
 ὃς [προγόν]ως αὐχῇ, κραδία δὲ οἱ ἔνδον ἀγεννής.
 ὦ ξ[έν', 'Επ]ίκτατος δούλας ἀπὸ ματρὸς ἐτέχθη,
 αἰε[. . .] ἀνθρώπων, σοφία ἔπι κυδα[λί]μα φρήν·
 ὃν [τί] χρή με λέγειν; θ<ε>ῖος γένετ'. αἶθε δὲ καὶ νῦν
 τοιοῦτός τις ἀνὴρ ὄφελος μέγα καὶ μέγα χάρμα
 πάντων εὐξαμένων δούλας ἀπὸ ματρὸς ἐτέχθη –

«В добрый час!

Друг, прочти, и ты получишь для пути запас полезный,
 Знай, что только тот свободен, кто в душе своей свободен.
 Мужа свободы мерилom имей вот такую природу:
 Может ли быть он свободным в сужденьях, рожденных в глубинах
 Правого сердца – оно лишь творит благородного мужа.

Так узнавая свободного, ты ошибиться не сможешь.
Предков величие ж вздором считай и пустыми словами.
Вовсе не предки на деле рожают свободного мужа.
Зевс – всех один прародитель, мужей он единственный корень,
Все ведь из глины одной, но благу природу, как жребий,
Кто получил, благородный, поистине, тот и свободный.
Жалким рабом, не колеблясь, и трижды рабом назову я,
Предками хвалится кто, а внутри недостойное сердце.
О чужестранец, рабыня на свет родила Эпиктета,
Взмыл он орлом средь людей, его разум прославила мудрость.
Что же о нем мне добавить? Божественным стал он. О если б
Ныне такого же мужа, великую пользу и радость
Велию, мать из рабынь родила по всеобщей молитве!»
(Merkelbach, Stauber, 2002, S. 121–122, 18/09/03).

Как видим, благочестие Леонтиана шло рука об руку с его любовью к поэзии и стоической философии. Своим наставником Леонтиан считал Эпиктета, «Беседы» которого он явно изучил. Эпиктет родился около 50 г. во фригийском городе Гиераполе, и поскольку Фригия граничила с Писидией, то для жителя Адад Эпиктет был почти земляком. Излагая в стихах учение Эпиктета о свободе, Леонтиан даже пользуется, перефразируя, его выражениями: например, эпиктетовское «трижды проданных» (τῶν τρίς πεπραμένων) (Epict. Diss. IV. 1. 7) превращается у него в «трижды раба» (τρίδουλον, 12) [Labarte et al., 2009, p. 181–183]. Ключевыми словами всего стихотворения, вобравшими в себя суть учения Эпиктета, конечно же, становятся прилагательное ἐλεύθερος – «свободный» и существительное ἐλευθερία – «свобода», которые в общей сложности встречаются семь раз. Но весьма важно обратить внимание на то, что именно этим эпитетом наделяет Леонтиан в посвяtitельной надписи свой посох, а значит, этот «свободный посох» – не просто необычный обетный дар, это демонстрация деятельного следования в своей жизни исповедуемым философским принципам. Эпиктет учил, что путешественник сможет преодолеть страх перед разбойниками и пройти весь путь в безопасности только в том случае, если не будет искать защиты среди людей, а верит себя богу (Epict. Diss. IV. 1. 91–98). И Леонтиан, отдавая свой посох Аполлону, показывает, что он отказывается от этой последней материальной опоры, помогавшей ему в странствиях, и достигает той невозмутимой внутренней свободы, к которой должен стремиться каждый человек. Иными словами, свобода посоха символизирует свободу его хозяина.

Однако Леонтиан не ограничился личными занятиями философией, он ощутил призвание обратиться со своими наставлениями к максимально большой аудитории – отсюда и выбор места для святилища у магистральной дороги. Подражая древним философам и понимая, что поэтическая проповедь скорее находит путь к сердцу любого человека и легче запоминается, он счел самым разумным облечь свои мысли в стихи. Непосредственно в тексте третьей надписи авторство Леонтиана не указано, но едва ли в этом была необходимость после того, как он дважды назвал себя в первых двух надписях. Святилище, бесспорно, было устроено по замыслу одного человека, хотя, судя по несовпадающим формам начертания отдельных букв (причем больше всего отличается почерк в посвяtitельной надписи), над его созданием потрудились несколько мастеров [Labarte et al., 2009, p. 175–180, 184] – возможно, Леонтиан пригласил сразу двух или трех резчиков, чтобы ускорить воплощение своего замысла.

С судьбой Леонтиана связана еще одна надпись, которая была вырезана на постаменте, найденном возле агоры в Ададах, и содержала написанную элегическим дистихом эпитафию Леонтиану, сыну Леонтиана:

χαῖρε Λεοντιανοῦ πατρός παρὰ δακρυόεντος
εἰν ᾿Αἰδός περ ἑὼν χαῖρε Λεοντιανέ,

παῖ φίλε, σὸς δὲ πατὴρ τῆμος βαρυκηδὲς ἀνει<ῶ>ν
 ἄχθος ἀποζβέσσω, σὴν ποθέων κεφαλὴν,
 καὶ πολὺ τερσανέω τότε δάκρυον, ἥνικα σεῖο
 ψυχὴν ἀθρήσω γῆν ὑποδυσάμενος –
 «Здравствуй, в Аидово царство сошедший от Леонтиана,
 Льющего слезы отца, здравствуй же, Леонтиан!
 Милый мой сын, лишь тогда тяжкоскорбную горечь печали
 Я, твой отец, загашу в жгучей тоске по тебе
 И лишь тогда осушу обильные слезы, под землю
 Сам я, спустившись, когда душу увижу твою»
 (Merkelbach, Stauber, 2002, S. 123, 18/09/04).

Какой Леонтиан оплакивал в этих стихах своего сына, сказать сложно. Это мог быть отец Леонтиана – основателя святилища, и тогда мы должны предположить, что в этой семье поэтическим даром обладал не только автор философских стихов. Но также это мог быть и сам Леонтиан-стоик, что кажется более вероятным, а значит, у него был сын Леонтиан третий, умерший еще при жизни отца. Здесь мнения ученых разделяются: авторы «Словаря греческих личных имен» не видят однозначного решения этого вопроса, в то время как исследователи надписей из Йазылы каньона признают авторство Леонтиана для всех четырех стихотворений [LGPN, 2018, p. 244, Λεοντιανός 1–4; Labarte et al., 2009, p. 183, 185]. Однако если Леонтиан второй действительно был автором всех этих стихов, то написать такую, полную отчаяния и тоски эпитафию он должен был до погружения в стоическую философию с ее невозмутимым отношением к страданиям и смерти. Возможно, именно преждевременная гибель сына побудила его искать утешения в учении Эпиктета, а тогда эта эпитафия была создана значительно раньше философских стихов.

Временем создания святилища является 2-я половина II в. Эта датировка базируется как на форме букв [Labarte et al., 2009, p. 175, 180], так и на том факте, что Эпиктет умер около 138 г., а в стихотворении Леонтиана о его кончине говорится как о событии, произошедшем сравнительно недавно.

Наше знакомство с творчеством Леонтиана второго могло бы никогда не состояться, если бы надписи из Йазылы каньона не были скопированы 4 сентября 1885 г. Дж. Р. Стерреттом. Он же сделал копию и надписи из Адад [Sterrett, 1888, p. 314–317, № 438–440, p. 305, № 427]. В прошлом веке некий кладоискатель, надеясь обнаружить спрятанные в скале за надписями сокровища, уничтожил половину посвятительной надписи и всю середину философских стихов.

Таким образом, почитание Аполлона в сельской местности южной Писидии в период Империи выражалось в создании привычных для этого региона святилищ под открытым небом преимущественно вотивного типа. Эти святилища служили исключительно целям культа, обустроивались по устоявшимся правилам и были чужды самой идеи авторской принадлежности. Отношения участников внутри них строились по вполне определенной оппозиции: с одной стороны – бог, с другой – все люди на равных, без особого выделения кого-то из них. Однако в русле этого религиозного процесса зародилось и дало свои всходы некое стремящееся к новизне вольнодумство, или, точнее, творческое преломление традиции, что привело к созданию «авторского» святилища. Леонтиан был вполне благочестивым человеком, но поэтическая одаренность и активная философская позиция, будоражащие сознание и заставляющие смотреть на знакомые вещи другими глазами, побудили его наполнить устоявшуюся форму новым содержанием. Так возникло единственное в своем роде святилище с одним (по крайней мере изначально) посвятительным даром, философской составляющей и неустрашимой личностью создателя, святилище, в котором привычная оппозиция отношений была нарушена выделением одного человека на особую роль и по отношению к богу, и по отношению к людям: ведь, основав это святилище по своему плану и для своих целей и закрепив письменно свои авторские права, Леонтиан тем самым, с одной стороны, вступил в индиви-

дуальные отношения с богом, а с другой – ограничил возможную религиозную активность других людей установленными им для этого святилища правилами. Но интересно, что эти правила были адекватно восприняты его современниками: приносил ли кто-то сюда Аполлону посвященные дары, мы не знаем, хотя это вполне возможно, а вот вырезать здесь свою обетную надпись (как это делалось в традиционных святилищах) никто не посмел.

Список литературы

- Delemen İ.** Anatolian Rider-Gods. A Study on Stone Finds from the Regions of Lycia, Pisidia, Isauria, Lycaonia, Phrygia, Lydia and Caria in the Late Roman Period. (Asia Minor Studien. Bd. 35). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1999. 228 p.
- Işın G.** The Sanctuaries and the Cult of Apollo in Southern Pisidia // *Anadolu / Anatolia*. 2014. Vol. 40. P. 87–104.
- Labarre G., Özşait M., Özşait N.** Les inscriptions de Yazılı Kanyon // *Anatolia Antiqua*. 2009. Vol. 17. P. 175–186.
- LGNP** – A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. V.C. Inland Asia Minor / Ed. by J.-S. Balzat, R. W. V. Catling, É. Chiricat and T. Corsten. Oxford: Clarendon Press, 2018. 477 p.
- Nollé J.** Side im Altertum. Geschichte und Zeugnisse. Bd. 1. (Inchriften Griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 43). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1993. 355 S.
- Ramsey W. M.** Notes and Inscriptions from Asia Minor. IV. Milyasa and Cabalis // *Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Institutes in Athen*. 1885. Bd. 10. S. 334–349.
- Ramsey W. M.** Antiquities of Southern Phrygia and the Border Lands. II. D. The Phrygo-Pisidian Frontier // *The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts*. 1888. Vol. 4. P. 6–21.
- Robert L.** Hellenica. Recueil d'Épigraphie de Numismatique et d'Antiquités Grecques. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1946. Vol. 3. 175 p.; 1949. Vol. 7. 254 p.
- Smith A. H.** Notes on a Tour in Asia Minor // *Journal of Hellenic Studies*. 1887. Vol. 8. P. 216–267.
- Talloon P.** Cult in Pisidia. Religious Practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the Rise of Christianity. (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology. Vol. 10). Turnhout: Brepols, 2015. 412 p.
- Talloon P., Waelkens M.** Apollo and the Emperors (II). The Evolution of the Imperial Cult at Sagalassos // *Ancient Society*. 2005. Vol. 35. P. 217–249.
- Κοντολέων Α. Ε.** Ἐπιγραφαὶ τῆς Ἑλλάσσοнов Ἀσίας // *Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*, 1887. Bd. 12. S. 245–261.

Список источников

- Epict.** – Epicteti Dissertationes ab Arriano digestae. Ed. H. Schenkl. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1916 (repr. Stuttgart, 1965). 740 p.
- IGSK 57** – **Horsley G. H. R., Mitchell S.** The Inscriptions of Central Pisidia. (Inchriften Griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 57). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2000. 216 p.
- Merkelbach R., Stauber J.** Steinepigramme aus dem Griechischen Osten. Bd. 4. Die Südküste Kleinasien, Syrien und Palaestina. München, Leipzig: K. G. Saur Verlag, 2002. 471 S.
- SEG** – Supplementum Epigraphicum Graecum. Amsterdam, Leiden, Boston, 1923–.
- Sterrett J. R. S.** The Wolfe Expedition to Asia Minor. (Papers of the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 3. 1884–1885). Boston: Damrell and Upham, 1888. 448 p.

References

- Delemen İ.** Anatolian Rider-Gods. A Study on Stone Finds from the Regions of Lycia, Pisidia, Isauria, Lycaonia, Phrygia, Lydia and Caria in the Late Roman Period. (Asia Minor Studien. Bd. 35). Bonn, Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1999, 228 p.

- Işın G.** The Sanctuaries and the Cult of Apollo in Southern Pisidia. *Anadolu / Anatolia*, 2014, vol. 40, pp. 87–104.
- Kontoleon A. E.** Epigrafai tis Ellassonos Asias [Inscriptions of Asia Minor]. *Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung*, 1887, Bd. 12, S. 245–261. (in Greek)
- Labarre G., Özsaıt M., Özsaıt N.** Les inscriptions de Yazılı Kanyon. *Anatolia Antiqua*, 2009, vol. 17, pp. 175–186.
- LGPV – A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. V.C. Inland Asia Minor. Ed. by J.-S. Balzat, R. W. V. Catling, É. Chiricat and T. Corsten. Oxford, Clarendon Press, 2018, 477 p.
- Nollé J.** Side im Altertum. Geschichte und Zeugnisse. (Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien, Bd. 43). Bonn, Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1993, Bd. 1, 355 S.
- Ramsey W. M.** Notes and Inscriptions from Asia Minor. IV. Milyasa and Cabalis. *Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Institutes in Athen*, 1885, Bd. 10, S. 334–349.
- Ramsay W. M.** Antiquities of Southern Phrygia and the Border Lands. II. D. The Phrygo-Pisidian Frontier. *The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts*, 1888, vol. 4, pp. 6–21.
- Robert L.** Hellenica. Recueil d'Épigraphie de Numismatique et d'Antiquités Grecques. Paris, Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1946, vol. 3, 175 p.; 1949, vol. 7, 254 p.
- Smith A. H.** Notes on a Tour in Asia Minor. *Journal of Hellenic Studies*, 1887, vol. 8, pp. 216–267.
- Talloon P.** Cult in Pisidia. Religious Practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the Rise of Christianity. (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology, vol. 10). Turnhout, Brepols, 2015, 412 p.
- Talloon P., Waelkens M.** Apollo and the Emperors (II). The Evolution of the Imperial Cult at Sagalassos. *Ancient Society*, 2005, vol. 35, pp. 217–249.

List of Sources

- Epict. – Epicteti Dissertationes ab Arriano digestae. Ed. H. Schenkl. Lipsiae, In aedibus B. G. Teubneri, 1916, (repr. Stuttgart, 1965), 740 p.
- IGSK 57– Horsley G. H. R., Mitchell S. The Inscriptions of Central Pisidia. (Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien, Bd. 57). Bonn, Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2000, 216 p.
- Merkelbach R., Stauber J.** Steinepigramme aus dem Griechischen Osten. Bd. 4. Die Südküste Kleinasien, Syrien und Palaestina. München, Leipzig, K. G. Saur Verlag, 2002, 471 S.
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Amsterdam, Leiden, Boston, 1923–.
- Sterrett J. R. S.** The Wolfe Expedition to Asia Minor. (Papers of the American School of Classical Studies at Athens, vol. 3. 1884–1885). Boston, Damrell and Upham, 1888, 448 p.

Информация об авторе

Елена Владимировна Приходько, кандидат филологических наук, доцент
Scopus Author ID 57793883500

Information about the Author

Elena V. Prikhodko, Candidate of Sciences (Classical Philology), Associate Professor
Scopus Author ID 57793883500

Статья поступила в редакцию 20.04.2023;
одобрена после рецензирования 06.07.2023; принята к публикации 31.08.2023
The article was submitted on 20.04.2023;
approved after reviewing on 06.07.2023; accepted for publication on 31.08.2023

Научная статья

УДК 94(410) «19/20»+82-93

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-31-43

Исторические трансформации русского литературного канона в России и Великобритании

Лариса Валериевна Дериглазова¹
Анастасия Михайловна Погорельская²

^{1,2} Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия

¹ dlarisa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4577-6163>

² pogorelskaya@mail.tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>

Аннотация

Цель статьи – выявить изменения в изучении русской литературы в России и в Великобритании в последние тридцать лет. Использование понятия русского литературного канона позволило выявить различия в содержании и фокусе изучения русской литературы. Эмпирической основой исследования стали российские официальные документы, школьные учебники по литературе, данные о курсах и библиотечных фондах британских университетов. В России основным каналом передачи канона является школьное образование. Содержание и функционал канона изменились, и сегодня канон как обязательное чтение должен способствовать формированию национальной идентичности и пониманию исключительности русской культуры. В Великобритании изучение русской литературы не может быть определено через понятие национального канона, так как оно не ограничено обязательными текстами и изучается в переводе.

Ключевые слова

русский литературный канон, Россия, Великобритания, обязательное чтение

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет-2030»)

Для цитирования

Дериглазова Л. В., Погорельская А. М. Исторические трансформации русского литературного канона в России и Великобритании // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 31–43.
DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-31-43

Historical Transformations of the Russian Literary Canon in Russia and the United Kingdom

Larisa V. Deriglazova¹
Anastasia M. Pogorelskaya²

^{1,2} National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

¹ dlarisa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4577-6163>

² pogorelskaya@mail.tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>

Abstract

The article aims to reveal the changes in studies of Russian literature in Russia and the United Kingdom in the last three decades. The authors use the concept of the Russian literary canon to highlight the differences in the content and

© Дериглазова Л. В., Погорельская А. М., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 31–43
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 31–43

focus of the study of Russian literature. The empirical base of the research is Russian official documents, school textbooks, syllabi of university courses in Russian literature, and the collections of university libraries in the UK. Russian literary canon has changed to bridge the ideological break in Russian literature of the twentieth century. In Russia, the main channel for transmitting the canon is school education. The study of literature is supposed to ensure the formation of national identity, patriotism, humanistic values, and understanding of the exclusivity of Russian literature. The national canon understood as “compulsory reading”, performs socializing, educational, and stabilizing functions. The study of Russian literature in the UK began in the late 19th century at universities, where course content reflected the changing political context. Library collections and university curricula demonstrate the wide range of authors and research topics studied. The study of Russian literature in the UK could not be defined through the Russian literature canon as there is no mandatory reading, and it is studied mainly in translation. Thus, there is no connection between language and literature. The stable interest in the UK towards Russian literature of the 19th and 20th centuries confirms that it belongs to the world’s cultural heritage beyond national borders.

Keywords

Russian literature canon, Russia, the United Kingdom, compulsory reading

Acknowledgements

This study was supported by the Tomsk State University Development Program (Priority-2030)

For citation

Deriglazova L. V., Pogorelskaya A. M. Historical Transformations of the Russian Literary Canon in Russia and the United Kingdom. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 31–43. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-31-43

Русская классическая литература является признанной частью мировой культуры и источником знания и понимания особенностей русского общества и его истории. При этом в специальной литературе все чаще встречается понятие «русский литературный канон», понимаемое как набор наиболее важных литературных произведений, которые одновременно представляют образцы литературного языка и наиболее значимые ценности культуры [Аста Slavica Estonica..., 2013]. Цель статьи – выявить изменения в изучении русской литературы в России и в Великобритании в последние тридцать лет. Мы используем понятие русского литературного канона для выявления различий в содержании и фокусе изучения русской литературы.

Обращение к данной теме основано на нашем интересе историков к изменению политического контекста, который существенно повлиял на содержание и акценты в преподавании литературы в российской школе в последние тридцать лет. Мы руководствуемся социологическим пониманием системы образования как социального института, который выполняет определенные функции и меняется вместе с обществом и его политическим устройством [Гудков, Дубин, 1994, с. 12–13]. Русская литература как дисциплина вписана в исторический контекст, под которым мы понимаем изменение политических и идеологических установок, произошедшее в постсоветской России. Становление национального государства в России сопровождается формированием национальной идентичности, переоценкой роли религии и культурного наследия. В прошлое ушел классовый подход в оценках общественно-политической жизни, официальный атеизм, идеи пролетарского интернационализма и антикапиталистическая идеология. При этом процесс формирования российской нации не завершен, и продолжают споры по поводу ее идейных и ценностных основ [Дробижева и др., 2021]. Другим существенным изменением контекста является открытость постсоветской России. Даже учитывая изменившиеся обстоятельства последних десяти лет, степень взаимодействия между россиянами и внешним миром можно назвать беспрецедентной по сравнению с советским периодом.

В 2010-е гг. активизировалась деятельность российских государственных и негосударственных фондов по продвижению русской культуры за рубежом. Великобритания никогда не входила в круг непосредственного влияния российских правительственных программ по распространению русского языка и культуры, при этом в современной Великобритании проживают сотни тысяч русскоговорящих, и для этой общины сохранение русского языка, вероятно, является актуальной задачей. Великобритания является признанным мировым лидером в академической сфере, включая изучение истории России и российской литературы, там ра-

ботают ведущие российские историки литературы¹. В последние два года попытки «отмены русской культуры» в мире делают обращение к данной теме актуальным для обсуждения масштаба «отмены» и его возможных последствий [Энтина, 2022]. При этом принадлежность наследия, например, Л. Н. Толстого или Ф. М. Достоевского к мировой культуре подтверждается наличием международных академических сообществ и специализированных журналов².

В последние десятилетия ученые активно обсуждают трансформацию русского литературного канона в условиях изменения страны и новых форм знакомства с классикой [Петров, 2021; Киселев, 2016; Сухих, 2016; Ланин, 2018; Хазанова, 2015]. Изучаются особенности бытования русской литературы за рубежом. Исследователи отмечают, какие новые российские авторы становятся популярными и какие изменения происходят в интерпретации классических текстов, включая литературу советского периода [Зорин, 2023; Слѣзкин, 2023; Бутенина, 2021; Баль, 2020, 2021; Гуськов, 2016; Анцыферова, 2016; Демидова, 2000; Smola, 2023; Lowen, 2006; Balina, Oushakine, 2021].

Теоретической основой нашего исследования является конструктивистский подход с его вниманием к деятельности политических элит по формированию национальной идентичности. Исследователи рассматривают систему школьного образования, изучение национального языка и литературы как важный элемент создания современных государств-наций [Хобсбаум, 1998]. М. В. Лоскутова, изучая особенности становления школьного образования в Великобритании в конце XIX в., отметила схожие процессы в России в это же время, когда «требование радикального пересмотра учебных программ прежде всего в пользу преподавания русского языка и литературы было основным для борцов за школьную реформу» [2001, с. 19].

Эмпирической основой исследования стали официальные российские документы, регламентирующие содержание канона в системе школьного образования, учебники по литературе для 5–11 классов и документы, определяющие приоритеты продвижения русской культуры за рубежом. В исследовании использовались данные о курсах по русской литературе в университетах Великобритании и о наличии русской литературы в университетских библиотеках.

В начале статьи мы определим понятие и содержание русского литературного канона, способы его передачи в России, затем мы рассмотрим, как русская литература изучается в Великобритании. В заключении мы сделаем выводы о совпадениях и различиях в содержании, интерпретации и функциях канона в России и Великобритании.

М. Б. Гронас обосновал различие в понимании литературной классики и канона на примере культурных войн в США в 1980-е гг. По его мнению, традиционно в разряд «классики» попадает ограниченный по количеству список «обязательной литературы», чтение которой позволяет «снабдить студентов референциальной рамкой, необходимой для самоидентификации себя» как части определенного общества, а содержание «предопределено сложившимся в культуре консенсусом (“классика”) и, отчасти, вкусовыми предпочтениями составителей». Канон же, полагает М. Б. Гронас, ассоциируется прежде с «идеальным типом закрытой, авторитарной структуры» и представляет собой «цельный нарратив», «некоторое обобщенное доминирующее мировоззрение, систему ценностей» [2001, с. 7]. Исследователи отмечают наличие как минимум двух подходов в изучении канона – социологического и аксиологического, причем оба подхода могут трактоваться как разные аспекты его изучения [Аста

¹ Prof. A. Zorin. Faculty of Medieval and Modern Languages. University of Oxford. URL: <https://www.mod-langs.ox.ac.uk/people/andrei-zorin> (дата обращения: 28.10.2023).

² См., например, журнал «*Dostoevsky Studies*», издаваемого с 1980 г. международным обществом Достоевского (Journal of the International Dostoevsky Society), Университет Вероны, Италия. URL: <https://dostoevsky-studies.dlss.univr.it/issue/view/54>; или журнал *Tolstoy studies journal*, издаваемый с 1988 г. Обществом Толстого, университет Торонто, Канада. (Tolstoy Society). URL: <https://www.tolstoy-studies-journal.com/>.

Slavica Estonica..., 2013, с. 8; Гронас, 2001, с. 12] или рассматриваться в оппозиции [Сухих, 2016a].

Содержание русского литературного канона является изменчивым, как и интерпретации назначенных в канон текстов, что происходит вследствие изменений в обществе. М. Б. Гронас отмечает, что революционные изменения канона происходят «в моменты тектонических изменений в классовой структуре общества» [2001, с. 13], и Россия пережила два таких изменения – в начале и в конце XX в. Сейчас к произведениям, которые входят в «золотой фонд», относят прежде всего работы авторов XIX и начала XX в., тех, кто сформировал современный русский язык и произведения которых остаются актуальными и востребованными у читателей в России – А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и А. П. Чехов. Эти авторы являются также наиболее популярными за пределами России. Исключение составляет А. С. Пушкин. Как отмечает Ю. Л. Слёзкин, «Пушкин не просто наше всё, Пушкин только наш и более ничей. Отчего мы любим его тем более искренне и нежно» [Слёзкин, 2023, с. 48].

Национальный литературный канон можно определить через понятие «обязательного чтения», или «корпуса текстов, значимых для каждой национальной культуры, входящих в культурный канон и – вследствие этого – обязательных для освоения» [Чтение..., 2021, с. 156]. Е. С. Романичева и М. А. Черняк отмечают, что «обязательность чтения этих произведений достигается через включение их в школьную программу. Принцип включения текста в национальный канон – его воспроизводимость и реинтерпретируемость несколькими поколениями читателей» [Там же]. Авторы также отмечают, что «обязательное чтение призвано объединить, сплотить группу людей, маркировать ее, выделять ее из числа других» [Там же]. Н. А. Стефановская указывает, что создание «читательских канонов» выполняет стабилизирующие функции и служит «сохранению сложившегося в данном обществе духовного стереотипа доминирующей культуры, закреплению в сознании личности общесоциальных норм, ценностей, установок». Через чтение реализуются важные функции литературного канона, а именно социализирующая, воспитательная и информационная [Там же, с. 290].

Анализ содержания учебников, разработанных в соответствии с Федеральным стандартом для основного общего образования (5–9 классы) 2010 г.³, Федеральным стандартом для среднего общего образования (10–11 классы) 2012 г.⁴ и Концепцией преподавания русского языка и литературы 2016 г.⁵, помогает увидеть содержание русского литературного канона. В каноне сохранилась классика XIX и начала XX в. Наибольшее изменение претерпело преподавание литературы XX в., куда были включены произведения авторов-эмигрантов, репрессированных и тех, кто не был признан при жизни: В. Я. Брюсов, Ф. Сологуб, С. А. Есенин, И. А. Бунин, А. П. Платонов, М. А. Булгаков, М. И. Цветаева, А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак, А. И. Солженицын [Литература. 5 класс, 2013; Литература. 7 класс, 2016; Литература. 9 класс, 2013]. В предисловии к учебнику для 11 класса указано, что целью изучения литературы является преодоление «насиленного разрыва» в русской литературе XX в., отход от «революционно-освободительной традиции», которая доминировала в советское время, но является лишь частью «богатого и широкого явления, каким предстает великая русская литература с ее нравственными ориентирами, глубинной духовностью и гуманизмом, инстинктом государственности и религиозно-философским осмыслением мира» [Литература. 11 класс, ч. 1, с. 3]. Тема Великой Отечественной войны представлена с трагической,

³ Приказ от 17 декабря 2010 года № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (с изменениями на 8 ноября 2022 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902254916> (дата обращения 26.10.2023).

⁴ Приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/bf0ceabdc94110049a583890956abbfa/> (дата обращения 26.10.2023).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 9 апреля 2016 г. № 637-р «Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации». URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/216174b3a3e742ed4198233094d948ac/download/2745/> (дата обращения 01.10.2023).

а не парадной стороны, в том числе через произведения авторов, которые не были канонизированы в советский период – А. А. Ахматова, Ф. А. Абрамов, Е. И. Носов, Б. Ш. Окуджава.

Методические рекомендации Министерства просвещения для 5–9 классов указывают, что чтение должно способствовать «постижению таких нравственных категорий, как добро, справедливость, честь, патриотизм, гуманизм, дом, семья», и цель изучения литературы состоит в «воспитании уважения к отечественной классике как высочайшему достижению национальной культуры, способствующей воспитанию патриотизма, формированию национально-культурной идентичности и способности к диалогу культур»⁶. Изучение литературы в старшей школе должно приобщать учеников к национальным и общечеловеческим нравственно-эстетическим ценностям. Ценностные результаты освоения дисциплины обозначены как гражданское, патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое, физическое, трудовое и экологическое воспитание и усвоение ценности научного познания⁷.

Таким образом, изменение политического контекста в России привело к пересмотру канона в части литературы XX в. с целью преодоления разрыва в культурной традиции. Сегодня российские школьники изучают не только классику конца XIX и начала XX в., но и произведения тех авторов, которые считались идеологически вредными в советский период. В учебниках по литературе усилено внимание к вопросам веры, духовности и особенностям национального характера. В официальных документах и школьных учебниках русский литературный канон рассматривается через его функциональность для формирования национальной идентичности и осознания уникальности и величия культурного наследия России.

Русская классика издавалась за пределами СССР в Риге, Париже, Берлине, Праге, Вене, Женеве – в центрах русской массовой послереволюционной эмиграции. Переиздание этих книг было необходимо для сохранения культуры и языка в изгнании, которое многими эмигрантами рассматривалось как временное. Согласно базе данных Российской государственной библиотеки «Книги на русском языке, изданные за рубежом, 1927–1991», в указанный период чаще всего издавались книги А. И. Солженицына, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и Л. Н. Толстого⁸.

Перевод русской классики на иностранные языки отражает другой тренд, связанный с популярностью произведений и с изучением русской литературы для понимания культуры. Переводы и распространение русской классики XIX и XX вв. в советский и постсоветский период для распространения за рубежом имеют целью формирование положительного представления о стране и включения ее культуры в мировую. Каноничность произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина подтверждается как тиражами изданий в России⁹, так и их популярностью за рубежом¹⁰. В Китае популярны также произведения Н. В. Гоголя, М. М. Горького, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, в США – И. С. Тургенева и А. И. Солженицына; в Германии – И. С. Тургенева, М. А. Булгакова и Н. В. Гоголя; во Франции – М. А. Булгакова и А. И. Солженицына; в Великобритании – М. А. Булгакова¹¹.

⁶ Примерная рабочая программа основного общего образования «Литература» (для 5–9 классов образовательных организаций) // Министерство просвещения Российской Федерации, 2021. С. 4–5. URL: <https://fgosreestr.ru/oop/primernaia-rabochaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-literatura> (дата обращения 23.04.2023).

⁷ Примерная рабочая программа учебного предмета «Литература» (базовый уровень) для 10–11 классов общеобразовательных организаций // Министерство просвещения Российской Федерации, 2022. С. 4. URL: <https://fgosreestr.ru/oop/primernaia-rabochaia-programma-uchebnogo-predmeta-literatura-bazovyi-uroven-dlia-10-11-klassov-obshcheobrazovatelnykh-organizatsii> (дата обращения 02.09.2023).

⁸ Книги на русском языке, изданные за рубежом, 1927–1991 // Российская государственная библиотека, 2023. URL: http://infoculture.rsl.ru/RSKD/_database/RUZAR/RUZAR_main.htm (дата обращения 05.09.2023).

⁹ Российская книжная палата опубликовала статистику за 2022 год. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2023/02/16/rossijskaia-knizhnaia-palata-opublikovala-statistiku-za-2022-god> (дата обращения 01.09.2023).

¹⁰ 20 наиболее издаваемых авторов по художественной литературе. 1 полугодие 2023 г. // Российская государственная библиотека, 2023. URL: https://www.rsl.ru/photo/_!_ORS/7-RKP/1%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%B5%202023/11.1.pdf (дата обращения 01.09.2023).

¹¹ Обнос А. Толстой и Достоевский вне конкуренции: что читают за рубежом // Газета.ru, 27.10.2019. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2019/10/23/a_12772448.shtml (дата обращения 05.09.2023).

Проблема сокращения числа людей, владеющих русским языком, была озвучена официально в РФ в середине 2000-х гг. и стала основанием для развития специальных правительственных программ. Если в начале 1990-х гг. русским языком владели около 312 млн чел., к 2004 г. – 278 млн чел., в 2012 г. – 260 млн чел. [Арефьев, 2012, с. 430–431]. Количество русскоговорящих жителей Великобритании относительно мало, и для графств Англии и Уэльса не превышает 1,87 % с концентрацией на востоке страны, в Лондоне и его пригородах¹². В Лондоне и пригородах, по оценкам на 2020 г., проживало около 250 тыс. русскоговорящих¹³.

Правительство РФ обозначило распространение русского языка за рубежом как важную внешнеполитическую задачу в 2000-е гг., что совпадает по времени с вниманием, которое стало уделяться формированию русского литературного канона внутри страны. Важным проводником задачи стал Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Институт Пушкина), который существует с 1966 г., однако большую государственную поддержку начал получать с 2010 г., когда здесь был открыт Русский центр международного проекта фонда «Русский мир»¹⁴. Институт Пушкина с 2014 г. создает сеть партнерских организаций для поддержки изучения русского языка и продвижения русской литературы в мире¹⁵. В 2016 г. появлялась информация о том, что Великобритании открылся первый центр «Института Пушкина»¹⁶, который должен был работать на базе школы дополнительного образования «Знание» в Лондоне¹⁷. Однако мы не нашли информации о работе центра, и на сайте Института Пушкина также не обнаружили ни одного договора с британскими организациями.

Активную деятельность по популяризации русского языка проводит Россотрудничество – Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Эта задача реализуется через создание представительств и центров изучения русского языка и продвижение русского языка и литературы в онлайн-формате. Представительство Россотрудничества было вынуждено приостановить работу в Великобритании в 2022 г. из-за финансовых сложностей, вызванных санкциями против российских банков¹⁸. В документах Агентства отсутствует указание на конкретных авторов и произведения, которые следует считать частью русского литературного канона. Это может быть обусловлено вторичностью познавательного потенциала литературного канона по отношению к политическому контексту популяризации русской культуры за рубежом. Кроме того, спектр задач, возложенных на Россотрудничество, слишком широк, что затрудняет целенаправленную работу по продвижению русского языка и литературы.

В Великобритании изучение русского языка возможно в языковых и культурных центрах, большинство из которых сосредоточено в Лондоне. С 1992 г. работает Центр русского языка при Пушкинском Доме, действующем с 1954 г. в статусе независимого культурного цен-

¹² Language, England and Wales: Census 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/language/bulletins/languageenglandandwales/census2021> (дата обращения 28.10.2023).

¹³ Кто и как учит русский язык в Великобритании // Рос. газета, 18.03.2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/18/kto-i-kak-uchit-russkij-iazuk-v-velikobritanii.html> (дата обращения 28.10.2023).

¹⁴ История и миссия // Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. URL: <https://www.pushkin.institute/institut/ist/> (дата обращения 11.09.2023).

¹⁵ Международное сотрудничество // Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. URL: <https://www.pushkin.institute/sveden/inter/> (дата обращения 11.09.2023).

¹⁶ Портал правительства г. Москвы. 16.12.2016. URL: <https://obruchev.mos.ru/presscenter/news/detail/4434168.html> (дата обращения 11.09.2023).

¹⁷ Площадка для прямого общения организаций и пользователей // Портал «Образование на русском». URL: <https://pushkininstitute.ru/organizations?page=1&type=school> (дата обращения 11.09.2023).

¹⁸ Итоги работы Россотрудничества за 2022 год // Россотрудничество, 2023. URL: <https://rs.gov.ru/deyatelnost/> (дата обращения 11.09.2023).

тра¹⁹. Название центра совпадает с неформальным названием Институтов Пушкина, что может вызывать путаницу, так как статусы этих центров различаются. Кроме того, русский язык преподают в языковых школах Эдинбурга, Глазго, Манчестера, Бирмингема, Ноттингема, Оксфорда. Большинство таких школ действуют как независимые организации, не имеющие аффилиации с российскими партнерами, хотя некоторые поддерживались Россотрудничеством. Вдобавок, по данным на 2020 г., в стране действовало около 50 воскресных школ, где можно было учить русский язык. В 2019 г. 2 200 школьников сдавали русский язык как иностранный²⁰. В 2018/2019 учебном году при российском посольстве в Лондоне обучалось только 68 чел., а число иностранных граждан, обучавшихся на курсах русского языка в Российских центрах науки и культуры (РЦНК) и представительстве Россотрудничества на протяжении 2009–2019 гг. не превышало 16 чел. в год [Арефьев, 2020, с. 530, 538]. Литература на русском языке является в таких организациях скорее учебным материалом.

Исследование русского языка, литературы и культуры началось в Великобритании в XIX в. в университетах Оксфорда (1869 г.) и Кембриджа (1889 г.). Со временем университетские исследования в этой области расширились, но в последние годы вновь сокращаются, по данным российских газет²¹. Программы по изучению русской литературы на уровне бакалавриата и магистратуры есть в университетах Оксфорда, Кембриджа, Ноттингема и Дарема²². Изучение русской литературы в 1994 г. началось на базе Центра им. М. Бахтина в Университете Шеффилда. В библиотеке университета много работ М. М. Бахтина и других критиков и литераторов, включая В. Г. Белинского (12), Д. И. Писарева (3), В. Б. Шкловского (31) и Ю. Н. Тынянова (2)²³. Факультет филологии и культурологии Университета Шеффилда специализируется на литературе советского и постсоветского периода²⁴, хотя в библиотеке университета много книг русских классиков XIX в. Поисковые запросы дают следующие результаты: Л. Н. Толстой – 111 наименований, А. С. Пушкин – 110, Ф. М. Достоевский – 98, А. П. Чехов – 94, И. С. Тургенев – 89. В библиотеке нет книг М. Ю. Лермонтова, и произведения отдельных писателей XX в. представлены в следующем количестве: В. В. Набоков – 51, М. А. Булгаков – 33, М. А. Шолохов – 21, А. И. Солженицын – 2²⁵.

В университете Дарема предлагают 17 курсов для изучения русского языка, литературы и культуры, из них 13 на уровне бакалавриата и 4 для магистратуры. Курс «Литература и общество в Пушкинский век» предлагает изучение работ Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, М. А. Богдановича, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского и К. Н. Батюшкова²⁶. Курс «Читая русскую литературу» включает работы А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, К. К. Павловой, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. А. Тэффи и А. А. Ахматовой²⁷. Поисковые запросы по фондам библиотеки университета показывают наличие значительного числа произведений

¹⁹ About us // Pushkin House, 2023. URL: <https://www.pushkinhouse.org/purpose-mission-vision> (дата обращения 13.09.2023).

²⁰ Кто и как учит русский язык в Великобритании // Рос. газета, 18.03.2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/18/kto-i-kak-uchit-russkij-iazuk-v-velikobritanii.html> (дата обращения 28.10.2023).

²¹ Там же.

²² *Hutchings St. Russian studies in UK universities* // LLAS. URL: <https://web-archive.southampton.ac.uk/www.llas.ac.uk/resources/gpg/386.html> (дата обращения 23.04.2023).

²³ StarPlus. University Library Discovery // The University of Sheffield. URL: https://find.shef.ac.uk/primo-explore/search?tab=everything&vid=44SFD_VU2&lang=en_US (дата обращения 05.09.2023).

²⁴ Russian and Slavonic Studies // University of Sheffield. URL: <https://www.sheffield.ac.uk/slc/research/russian> (дата обращения 05.09.2023).

²⁵ StarPlus. University Library Discovery // The University of Sheffield. URL: https://find.shef.ac.uk/primo-explore/search?tab=everything&vid=44SFD_VU2&lang=en_US (дата обращения 05.09.2023).

²⁶ Literature and Society in the Age of Pushkin // Durham University. URL: <https://www.durham.ac.uk/departments/academic/modern-languages-cultures/undergraduate-study/language-areas/russian-studies/russian-modules/russ3421-literature-and-society-in-the-age-of-pushkin/> (дата обращения 23.04.2023).

²⁷ Reading Russian Literature // Durham University. URL: <https://www.durham.ac.uk/departments/academic/modern-languages-cultures/undergraduate-study/language-areas/russian-studies/russian-modules/russ2231-reading-russian-literature/> (дата обращения 23.04.2023).

А. П. Чехова и Л. Н. Толстого (около 360), А. С. Пушкина (127), Ф. М. Достоевского (104), М. А. Булгакова (96), Н. В. Гоголя (63), М. Ю. Лермонтова (27). Литература XX в. также хорошо представлена: В. В. Набоков (265, включая переводы), А. И. Солженицын (55), как и русская литературная критика – М. М. Бахтин (70), В. Б. Шкловский (19), В. Г. Белинский (8), Н. А. Добролюбов (5)²⁸.

В Эдинбургском университете разработаны 12 программ по русским исследованиям (Russian studies). Программа «Русские исследования и английская литература» включает курсы «Золотой век русской литературы, XIX век» и «Утопия и дистопия в русской литературе XX века». Первый курс направлен на изучение социально-политических и культурных тенденций в России и Европе, оказавших влияние на творчество А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. В список обязательной литературы включены по одному произведению каждого автора и две повести Н. В. Гоголя – «Шинель» и «Нос»²⁹. Курс по русской литературе XX в. включает работы В. В. Маяковского, А. А. Блока, Е. И. Замятина, А. П. Платонова, А. А. Ахматовой, В. Т. Шаламова, Т. Н. Толстой³⁰. Поиск-овый запрос по каталогу библиотеки университета дает данные о наличии сочинений Л. Н. Толстого (184), А. П. Чехова (181), А. С. Пушкина (105), Ф. М. Достоевского (98), Н. В. Гоголя (77), М. А. Булгакова (59), А. И. Солженицына (57), В. В. Маяковского (34), Е. И. Замятина (16), В. Б. Шкловского (24), М. М. Бахтина (22), В. Г. Белинского (15), Н. А. Добролюбова (9)³¹.

Таким образом, в Великобритании в рамках университетских программ по изучению русской литературы представлены «золотой фонд» русской классики XIX в. и разнообразная литература XX в. По понятным причинам наличие русского литературного канона в виде «обязательного чтения» для формирования национальной идентичности и чувства величия национальной культуры, как это существует в системе школьного образования в России, в Великобритании быть не может. Обращает внимание акцент на литературную критику, что также является маркером профессионального изучения литературы и отражает иной подход к изучению литературы [Сухих, 2016б, с. 331–332].

Русский литературный канон в современной России претерпел изменения за счет преодоления идеологического разрыва в литературе XX в., значительного уменьшения революционно-освободительной традиции и усиления внимания к теме духовности и ценностей. Основным каналом передачи канона является школьное образование. Согласно официальным документам, изучение литературы должно привести к формированию национальной идентичности, патриотизма, гуманистических ценностей и понимания исключительности русской литературы и ее духовной составляющей. Национальный канон, понимаемый как «обязательное чтение», призван выполнять социализирующие, воспитательные и стабилизирующие функции для формирования у школьников представления о целостности русской культуры, несмотря на политические изменения XX в.

Успешность деятельности российских официальных инстанций по продвижению русского языка и литературы в Великобритании трудно оценить, так как в документах дано размытое определение содержания этой деятельности, ожидаемых результатов и индикаторов успеха. Работа различных языковых и культурных центров, на базе которых происходит изучение русского языка и литературы в Великобритании, является достаточно ограниченной, что отражают незначительный размер русской общины и низкую востребованность таких программ. По понятным причинам в Великобритании не может быть обязательности чтения для

²⁸ Discover: Search Durham collections // Durham University. URL: <https://www.durham.ac.uk/departments/library/> (дата обращения 07.09.2023).

²⁹ Undergraduate Course: The Golden Age of Russian Literature (ELCR08011) // The University of Edinburgh, 2022. URL: <http://www.drps.ed.ac.uk/22-23/dpt/cxelcr08011.htm> (дата обращения 23.04.2023).

³⁰ Undergraduate Course: Utopia and Dystopia in 20th-century Russian Literature (ELCR08012) // The University of Edinburgh, 2022. URL: <http://www.drps.ed.ac.uk/22-23/dpt/cxelcr08012.htm> (дата обращения 23.04.2023).

³¹ DiscoverEd // University of Edinburgh. URL: https://discovered.ed.ac.uk/discovery/search?vid=44UOE_INST:44UOE_VU2 (дата обращения 07.09.2023).

формирования общекультурной образованности, важной для чувства российской гражданственности и понимания исключительности русской литературы.

Изучение русской литературы в Великобритании началось в конце XIX в. в университетах, где содержание курсов отражает меняющийся политический контекст, влияющий на выбор преподавателей и студентов. Библиотечные фонды и содержание университетских программ демонстрируют широкий спектр изучаемых авторов и тем исследования. При таком подходе вряд ли можно говорить о следовании канону как обязательному чтению и его ценностному наполнению в соответствии с русским национальным литературным каноном. Русская литература в Великобритании изучается в основном в переводе, что означает отсутствие связи между языком и литературой, что подразумевает каноничность текстов как лучших образцов формы и содержания. Изучение литературы в переводе также означает, что основной акцент сделан на содержание и передачу чувств вне специфики русского языка. Однако наличие в ведущих университетах Великобритании курсов по русской литературе XIX и XX вв. подтверждает, что русская литература является частью мирового культурного наследия вне государственных границ.

Список литературы

- Анцыферова О. Ю.** Американская литературная русистика в научном и культурном сознании США // Американский ежегодник. 2016. М., 2015. С. 243–259.
- Арефьев А. Л.** Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.
- Арефьев А. Л.** Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. М.: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. Вып. 10. 557 с.
- Баль В. Ю.** Литературная репутация Гоголя: между двух канонов (на материале 200-летнего юбилея писателя в 2009 г.). Статья 1 // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 68. С. 213–242. DOI 10.17223/19986645/68/10
- Баль В. Ю.** Литературная репутация Гоголя: между двух канонов (на материале 200-летнего юбилея писателя в 2009 г.). Статья 2 // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 70. С. 184–198. DOI 10.17223/19986645/70/10
- Бутенина Е. М.** Русская классика в транскультурном каноне США // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2021. Т. 18, № 2. С. 165–175. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-165-175
- Гронас М. Б.** Диссенсус. Война за канон в американской академии 80–90-х годов // НЛО. 2001. № 5. С. 6–18.
- Гудков Л., Дубин Б.** Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы. М.: НЛО, 1994. 352 с.
- Гуськов Н. А.** I Международная научная конференция «Русская литература в переводах на иностранные языки. Русский литературный канон: центры и периферия», Краков, 22–23 октября 2015 г. // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 3. С. 176–179. DOI 10.21638/11701/spbu09.2016.321
- Демидова О. Р.** «Эмигрантские дочери» и литературный канон русского зарубежья // Пол, гендер, культура: немецкие и русские исследования. М., 2000. С. 205–219.
- Дробижева Л. М., Арутюнова Е. М., Евсеева М. А.** Поиски определения и динамика распространения российской идентичности // Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты. М., 2021. С. 21–36.
- Зорин А. Л.** Жизнь Льва Толстого: Опыт прочтения. 2-е изд. М.: НЛО, 2023. 248 с.
- Киселев В. С.** Что почитать, или осколки канона: классика в коммерческих электронных библиотеках Рунета // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 3 (12). С. 57–76.
- Ланин Б. А.** Читательский канон и литературное образование в современной школе // Ценности и смыслы. 2018. № 5 (57). С. 20–35. DOI 10.24411/2071-6427-2018-10022

- Литература. 5 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. 2-е изд. М.: Просвещение, 2013. 303 с.
- Литература. 7 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. 5-е изд. М.: Просвещение, 2016. 319 с.
- Литература. 9 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин, И. С. Збарский. 20-е изд. М.: Просвещение, 2013. 399 с.
- Литература. 11 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / Под ред. В. П. Журавлева. 17-е изд. М.: Просвещение, 2012. 445 с.
- Лоскутова М. В.** Национальный литературный канон в средней школе // НЛЮ. 2001. № 5. С. 19–34.
- Петров А. А.** К проблеме трансформации школьного литературного канона // Наукосфера. 2021. № 5-1. С. 216–220.
- Слѣзкин Ю. Л.** Самобытное государство-цивилизация, его соседи и родственники // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 4. С. 44–55. DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-4-44-55
- Сухих И. Н.** Русский литературный канон (XIX–XX вв.). СПб.: РХГА, 2016а. 471 с.
- Сухих И. Н.** Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016б. Т. 17, № 3. С. 329–336.
- Хазанова О. Э.** Литературный текст как факт культурного отбора для целей образования // Наука и школа. 2015. № 3. С. 105–113.
- Хобсбаум Э.** Нации и национализм после 1780 г. М.: Алетейя, 1998. 307 с.
- Чтение. Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. П. Мелентьевой. М.: Наука, 2021. 448 с.
- Энтина Е. Г.** От «отменённой России» к стране-цивилизации // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 5. С. 98–108. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-10
- Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / Ред. тома А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2013. 345 с.
- Balina M., Oushakine S.** The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children. Toronto: Uni. of Toronto Press, 2021. 568 p.
- Lowen D.** Twentieth-Century Russian Literature and the North American Pedagogical Canon // The Slavic and East European Journal. 2006. Vol. 50, no. 1. Special Anniversary Issue (Spring, 2006). P. 172–186. DOI 10.2307/20459241
- Smola K.** (Re)shaping Literary Canon in the Soviet Indigenous North // Slavic Review. 2023. Vol. 81 (4). P. 955–975. DOI 10.1017/slr.2023.3

References

- Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie, IX. Khrestomatiinye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskii kanon [Acta Slavica Estonica IV. Studies in Russian and Slavic Philology. Literary Criticism IX. Textbook Texts: Russian Pedagogical Practice of the 19th Century and the Poetic Canon]. A. Vdovin, R. Leybov (eds). Tartu, Uni. of Tartu Press, 2013, 345 p. (in Russ.)
- Antsyferova O. Yu.** Amerikanskaya literaturnaya rusistika v nauchnom i kul'turnom soznanii SShA [Russian Literature Studies in Research and Culture Awareness in the USA]. In: Amerikanskii ezhegodnik, 2016 [American Yearbook, 2016]. Moscow, 2015, pp. 243–259. (in Russ.)
- Arefiev A. L.** Russkii yazyk na rubezhe XX–XXI vekov [Russian Language at the Edge of 20th and 21st Centuries]. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2012, 482 p. (in Russ.)

- Arefiev A. L.** Eksport rossiiskikh obrazovatel'nykh uslug: Statisticheskii sbornik [Export of Russian Educational Services. Statistical Digest]. Moscow, GIRYa im. A. S. Pushkina, 2020, iss. 10, 557 p. (in Russ.)
- Balina M., Oushakine S.** The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children. Toronto, Uni. of Toronto Press, 2021, 568 p.
- Bal V. Yu.** Literaturnaya reputatsiya Gogolya: mezhdv dvukh kanonov (na materiale 200-letnego yubiley a pisatelya v 2009 g.) [Gogol's Literary Reputation: Between Two Canons (on the Material of the 200th Anniversary of the Birth of the Writer in 2009)]. Article 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2020, iss. 68, pp. 213–242. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/68/10
- Bal V. Yu.** Literaturnaya reputatsiya Gogolya: mezhdv dvukh kanonov (na materiale 200-letnego yubiley a pisatelya v 2009 g.) [Gogol's Literary Reputation: Between Two Canons (on the Material of the 200th Anniversary of the Birth of the Writer in 2009)]. Article 2. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2021, iss. 70, pp. 184–198. (in Russ.) DOI: 10.17223/19986645/70/10
- Butenina E. M.** Russkaya klassika v transkul'turnom kanone SShA [Russian Classics in the USA Transcultural Canon]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], 2021, iss. 18 (2), pp. 165–175. (in Russ.) DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-165-175
- Chtenie. Entsiklopedicheskii slovar' [Reading. An Encyclopedia]. Yu. P. Melent'eva (ed.). Moscow, Nauka, 2021, 448 p. (in Russ.)
- Demidova O. R.** "Emigrantskie docheri" i literaturnyi kanon russkogo zarubezh'ya [Emigrant Daughters and Literary Canon of Russian Abroad]. In: *Pol, gender, kul'tura: nemetskie i russkie issledovaniya* [Sex, Gender, Culture: German and Russian Studies]. Moscow, 2000, pp. 205–219. (in Russ.)
- Drobizheva L. M., Arutyunova E. M., Evseeva M. A.** Poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya rossiiskoy identichnosti [Looking for the Definition and the Dynamics of Russian Identity Dissemination]. In: *Soderzhatel'nye osnovy rossiiskoi identichnosti. Regional'nyi i etnokul'turnyi konteksty*. Moscow, 2021, pp. 21–36. (in Russ.)
- Entina E. G.** Ot "otmenennoi Rossii" k strane-tsivilizatsii [From Cancelled Russia to Country-Civilization]. *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 2022, vol. 20, iss. 5, pp. 98–108. (in Russ.) DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-10
- Gronas M. B.** Dissensus. Voina za kanon v amerikanskoi akademii 80–90-kh godov [Dissensus. The War for the Canon in the American Academy of the 1980s–1990s]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2001, iss. 5, pp. 6–18. (in Russ.)
- Gudkov L., Dubin B.** Literatura kak sotsial'nyi institut. Stat'i po sotsiologii literatury. [Literature as a Social Institute. The Articles on Literature Sociology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1994, 352 p. (in Russ.)
- Guskov N. A.** I mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Russkaya literatura v perevodakh na inostrannye yazyki. Russkii literaturnyi kanon: tsentry i periferiya" [The 1st International Scientific Conference "Russian Literature in Translations into Foreign Languages. The Russian Literary Canon: The Center and the Periphery"]. Kraków, Poland, October 22–23, 2015. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2016, iss. 13 (3), pp. 176–179. (in Russ.) DOI 10.21638/11701/spbu09.2016.321
- Hobsbawm E.** Nations and Nationalism since 1780. Moscow, Aleteiya, 1998, 307 p. (in Russ.)
- Khazanova O. E.** Literaturnyi tekst kak fakt kul'turnogo otbora dlya tselei obrazovaniya [Literary Text as a Fact of Cultural Selection for Education]. *Nauka i shkola* [Science and School], 2015, iss. 3, pp. 105–113. (in Russ.)
- Kiselev V. S.** Chto pochitat', ili oskolki kanona: klassika v kommercheskikh elektronnykh bibliotekakh Runeta [What to Read, or Fragments of the Canon: Classics in Commercial Electron-

- ic Libraries of the Runet]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie* [Text. Book. Book Publishing], 2016, no. 3 (12), pp. 57–76. (in Russ.)
- Lanin B. A.** Chitatel'skii kanon i literaturnoe obrazovanie v sovremennoi shkole [The Reading Canon and Literary Education in Modern School]. *Tsenosti i smysly* [Values and Meanings], 2018, iss. 5 (57), pp. 20–35. (in Russ.) DOI 10.24411/2071-6427-2018-10022
- Literatura. 11 klass [Literature. 11th Grade]. Textbook for Comprehensive Schools in 2 parts. V. P. Zhuravlev (ed). 17th ed. Moscow, Prosveshchenie, 2012, 445 p. (in Russ.)
- Literatura. 5 klass [Literature. 5th Grade]. Textbook for Comprehensive Schools in 2 parts. V. Ya. Korovina, V. P. Zhuravlev, V. I. Korovin (eds). 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie, 2013, 303 p. (in Russ.)
- Literatura. 7 klass [Literature. 7th Grade]. Textbook for Comprehensive schools in 2 parts. V. Ya. Korovina, V. P. Zhuravlev, V. I. Korovin (eds). 5th ed. Moscow, Prosveshchenie, 2016, 319 p. (in Russ.)
- Literatura. 9 klass [Literature. 9th Grade]. Textbook for Comprehensive Schools in 2 parts. V. Ya. Korovina, V. P. Zhuravlev, V. I. Korovin, I. S. Zbarsky (eds). 20th ed. Moscow, Prosveshchenie, 2013, 399 p. (in Russ.)
- Loskutova M.** Natsional'nyi literaturnyi kanon v srednei shkole [National Literary Canon in High School]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2001, iss. 5. pp. 19–34. (in Russ.)
- Lowen D.** Twentieth-Century Russian Literature and the North American Pedagogical Canon. *The Slavic and East European Journal*, 2006, vol. 50, no. 1, pp. 172–186. DOI 10.2307/20459241
- Petrov A. A.** K probleme transformatsii shkol'nogo literaturnogo kanona [To the Problem of Transformation of the School Literary Canon]. *Naukosfera* [Sphere of Science], 2021, iss. 5 (1), pp. 216–220. (in Russ.)
- Slezkin Yu. L.** Samobytnoe gosudarstvo-tsivilizatsiya, ego sosedi i rodstvenniki [Original State-civilization, its Neighbours and Relatives]. *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 2023, iss. 4, pp. 44–55. (in Russ.) DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-4-44-55
- Smola K.** (Re)shaping Literary Canon in the Soviet Indigenous North. *Slavic Review*, 2023, vol. 81 (4), pp. 955–975. DOI 10.1017/slr.2023.3
- Sukhikh I. N.** Russkii literaturnyi kanon (XIX–XX vv.) [Russian Literary Canon (19th – 20th Centuries)]. St. Petersburg, RKHGA, 2016, 471 p. (in Russ.)
- Sukhikh I. N.** Russkii literaturnyi kanon XX veka: formirovanie i funktsii [Russian Literary Canon of the 20th Century: Shaping and Functions]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2016, vol. 17, iss. 3, pp. 329–336 (in Russ.)
- Zorin A. L.** Zhizn' L'va Tolstogo: Opyt prochteniya [Life of Leo Tolstoy: Reading Experience]. 2nd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2023, 248 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Лариса Валериевна Дериглазова, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 57190747013

WoS Researcher ID S-4787-2016

Анастасия Михайловна Погорельская, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57215186472

WoS Researcher ID M-1493-2016

Information about the Authors

Larisa V. Deriglazova, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 57190747013

WoS Researcher ID S-4787-2016

Anastasia M. Pogorelskaya, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57215186472

WoS Researcher ID M-1493-2016

Статья поступила в редакцию 15.09.2023;

одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 08.11.2023

The article was submitted on 15.09.2023;

approved after reviewing on 01.11.2023; accepted for publication on 08.11.2023

Научная статья

УДК 94(47).043+06

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-44-55

**Место и роль кабинет-секретаря А. В. Макарова
в процессе становления Кабинета е. и. в.
как государственного учреждения**

Марина Тазабаевна Накишова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

m-nakishova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-1663>

Аннотация

В центре внимания автора статьи – история функционирования Кабинета Петра I. Прослеживается эволюция данного государственного института от одной-единственной должности подъячего государева двора, который выполнял функции личного царского секретаря, до самостоятельного государственного учреждения с широкой сферой компетенций. На основе анализа материалов фонда Кабинета, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов, обозначается сфера компетенции кабинет-секретаря А. В. Макарова (1674–1740) и подчиненного ему органа власти. Также ставится вопрос о роли А. В. Макарова в системе государственного управления и причинах роста его политического влияния на протяжении петровского царствования.

Ключевые слова

Кабинет Петра I, А. В. Макаров, кабинет-секретарь, Петр Великий, государственное управление, государственный институт, доверие

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания МНВО РФ по теме «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», № FEUZ-2023-0018

Для цитирования

Накишова М. Т. Место и роль кабинет-секретаря А. В. Макарова в процессе становления Кабинета е. и. в. как государственного учреждения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 44–55. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-44-55

**The Status and the Role of the Cabinet Secretary A. V. Makarov
in the Process of Forming the Cabinet of His Imperial Majesty
as a State Institution**

Marina T. Nakishova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russian Federation

m-nakishova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-1663>

Abstract

This article focuses on the evolution of functionality of the Cabinet of His Imperial Majesty Peter the Great during his reign. Based on an analysis of materials from the collection of documents of the Cabinet stored in the Russian State Archive of Ancient Acts it indicates the scope of competence of the Cabinet Secretary A. V. Makarov (1674–1740) and the Cabinet of Peter the Great. The Cabinet of Peter the Great was engaged in financial support of administrative

© Накишова М. Т., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 44–55
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 44–55

projects, building activities all-around Russia, military companies, diplomatic missions and many other things. In fact, it replaced and duplicated the functions of other institutions of central or local governments, more effectively solving the tasks since its head, Cabinet Secretary A. V. Makarov, had direct access to the monarch and had stable business ties with all state institutions without exception. The author also investigates how the role of this institution in the administrative system changed over time. The study shows the evolution from one clerk position, intended to be a personal royal secretariat, to an independent state institution with a broad scope of competence. The article concludes by arguing that the political significance of the Cabinet of Peter the Great directly depended on the place of A. V. Makarov in the system of public administration. Around the turn of the 1710s and 1720s, A. V. Makarov completely monopolized the intermediary function, through which the ruler was connected with other figures and institutions.

Keywords

The Cabinet of Peter the Great, A. V. Makarov, cabinet secretary, Peter the Great, public administration, state institution, trust

Acknowledgements

The article was prepared as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the topic "Interaction of cultural and linguistic laws: the Urals in the high dynamics of processes", no. FEUZ-2023-0018

For citation

Nakishova M. T. The Status and the Role of the Cabinet Secretary A. V. Makarov in the Process of Forming the Cabinet of His Imperial Majesty as a State Institution. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 44–55. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-44-55

В 1998 г., начиная свою статью, посвященную перспективам изучения Кабинета е. и. в. в XVIII в., М. В. Бабич, известный специалист по истории государственного управления при Петре I, отмечала: «Обращаясь к истории личных императорских канцелярий XVIII в., которые современники чаще именовали кабинетами, ученые оказываются сегодня примерно в том же положении, как пытавшийся 200 лет назад оценить "его величества Кабинет" живописатель "Деяний Петра Великого". Хорошо зная "бумаги" Кабинета, И. И. Голиков пытался выразить понимание его значения в государственном управлении в образе источника "всех прочих присутственных мест", но подкрепить столь емкую формулировку мог лишь приблизительными данными о биографии секретаря преобразователя и количестве подчиненных ему служителей» [Бабич, 1998, с. 35]. По прошествии более чем 20 лет с момента публикации статьи М. В. Бабич в исторической науке мало что изменилось.

До сих пор единственным более или менее системным¹ исследованием, касающимся функционирования Кабинета в петровской России, остается книга «200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904 гг.» [1911], увидевшая свет в начале XX в.. В первых пяти главах, написанных В. Н. Строевым и П. И. Варыпаевым, были описаны обстоятельства создания должности кабинет-секретаря, обозначена сфера компетенции Кабинета, его служебный штат, статьи расходов и т. д. В дополнение к этому стоит отметить работы, авторы которых стремились обозначить положение государственного органа в общей системе управления. Так, Е. В. Анисимов прослеживает изменение «кабинетных» функций на протяжении первой трети XVIII в. и приходит к выводу, что Кабинет во многих аспектах дублировал работу высшего и центрального управления, нарушая бюрократический «регулярный» порядок [Анисимов, 1997, с. 287]. Единичные исследования посвящены жизненному пути кабинет-секретаря А. В. Макарова [Алексеев, 2001; Бантыш-Каменский, 1836, с. 277–278; Демкин, 2019; Захаров, 2011; Макаров, 1896; Павленко, 1985, с. 233–308; Поляков, 2021; Русские избранники..., 1886; Серов, 2007, с. 54–55; Шереметевский, 1889].

Соответственно, изучение специфики функционирования Кабинета е. и. в. и его места в системе управления как в период петровских реформ, так и в целом в XVIII в. сохраняет свою актуальность. Представляется необходимым интенсивное введение в науку комплексов исторических источников, отразивших деятельность Кабинета Петра I и плотно отложившихся в российских архивохранилищах, прежде всего в фонде № 9 «Кабинет Петра I и его

¹ В большинстве исторических исследований Кабинет Петра I упоминается ситуативно, при анализе деятельности других органов власти [Демкин, 2011; История Правительствующего сената..., 1911; Миллюков, 1905; Петровский, 1875].

продолжение» Российского государственного архива древних актов (РГАДА, Москва). Не претендуя на всеохватность и делая лишь первые шаги для реализации большого исследования, посвященного Кабинету Петра I, в настоящей статье сконцентрируем свое внимание на особенностях эволюции данного органа власти от единичной должности до влиятельного государственного института и роли в этом процессе кабинет-секретаря А. В. Макарова.

Учреждение Кабинета Петра I, как правило, относится исследователями к 1704 г., когда А. В. Макаров, служивший на тот момент подьячим в Ингерманландской (Ижорской) канцелярии кн. А. Д. Меншикова, был определен на службу ко двору государя и получил в свое ведомство дела, которые в дальнейшем будут названы «кабинетными». Стоит подчеркнуть, что при назначении А. В. Макарова речь шла исключительно о создании новой должности, тогда как об образовании подчиненного ему государственного института – Кабинета – умалчивалось [200-летие Кабинета..., 1911, с. XIII]. В целом практика создания органа власти, проходившего путь от одной-единственной должности до государственного учреждения, не была чем-то особенным, напротив, она являлась характерной чертой управленческих экспериментов Петра I. Как представляется, государь стремился передать наиболее важные сферы управления в руки лиц, пользовавшихся его доверием, а уже затем окружал их должностным штатом. Более того, согласно наблюдениям Н. И. Павленко, Алексей Васильевич стал именоваться кабинет-секретарем достаточно поздно: в 1708 г. он был записан как государева двора подьячий, в 1710–1713 гг. – придворный секретарь, с конца 1713 г. – кабинет-секретарь, с 1722 г. – тайный кабинет-секретарь [Павленко, 1985, с. 236]. Фактически изменения в наименовании должности маркировали рост его политического статуса и расширение кабинетного делопроизводства.

Историки не находят свидетельств о том, были ли в 1704 г. законодательно определены служебные полномочия А. В. Макарова. Алексей Васильевич при вступлении в должность не получил от царя какой-либо специальной инструкции, хотя, по мнению В. Н. Строева, имел представление, какие дела могли быть поручены его заботам [200-летие Кабинета..., 1911, с. 12–13]. Первостепенными и абсолютно доминирующими в арсенале А. В. Макарова стали функции личного царского секретаря. Предполагалось, что он возьмет под контроль все стадии царского документооборота. Не менее ответственной задачей являлось общее руководство имуществом и хозяйством монаршей семьи. В ведомстве А. В. Макарова находились значительные денежные суммы, которые оказывались вне контроля других управленческих структур и расходовались по воле монарха, минуя формальные бюрократические процедуры [Анисимов, 1997, с. 282–283]. Вкупе доступ к царской документации и заведывание его имуществом обеспечили А. В. Макарову устойчивые возможности для укрепления политического влияния.

В течение 1700-х гг. привлечение А. В. Макарова к государственным делам становилось все более интенсивным. Как отмечают исследователи, в первые годы Северной войны (1700–1721) реформаторские начинания Петра I вращались вокруг военных запросов. Вопросы гражданского управления либо откладывались на будущее, либо были подчинены потребностям военного времени. В походной жизни личная канцелярия государя перемещалась вместе с ним, став при этом прообразом домовых и военно-походных канцелярий сподвижников Петра I (Походной канцелярии А. Д. Меншикова, Б. П. Шереметева и др.) [Бабич, 2011, с. 26]. К монарху, лично участвовавшему в военных действиях, направлялось огромное количество документов, связанных с деятельностью войск, обеспечением фронта продовольствием и обмундированием, организацией постоя и т. д. Все многочисленные бумаги до того, как они попадали к государю, аккумулировал в своих руках А. В. Макаров. Постепенно Петр I стал поручать Алексею Васильевичу миссии, требовавшие от последнего не только технической передачи бумаг от адресанта к адресату, но и вовлечения в содержательную

сторону дела. В некоторых случаях ему позволялось объявлять царские указания в личной корреспонденции².

Зарождающиеся доверительные отношения между А. В. Макаровым и Петром I спровоцировали рост интереса к его персоне у других государственных деятелей [200-летие Кабинета..., 1911, с. 10–11, 45]. Прежде всего они рассматривали царского секретаря как быстрый и надежный канал передачи информации государю, посредника, способного повлиять на положительное решение дела [Павленко, 1985, с. 251–255]. Согласно Н. И. Павленко, первыми увидели выгоду в создании деловых и личных связей с А. В. Макаровым «люди его круга» (А. В. Кикин, А. М. Девиер) и «близкие ему по социальному статусу корреспонденты» (А. А. Курбатов, В. С. Ершов). Затем к его услугам стали прибегать более влиятельные вельможи – Ф. М. Апраксин, М. М. и П. М. Голицыны, В. В. Долгоруков, М. П. Гагарин [Там же, с. 249]. Самым прозорливым и дальновидным, по мнению исследователя, оказался А. Д. Меншиков, который выдвинул Алексея Васильевича на службу к Петру I и тем самым обеспечил себе благодарного «предстателя» рядом с монаршей особой.

После победной Полтавской баталии 1709 г. общий вектор государственного реформирования кардинально изменился – военные проблемы стали отходить на второй план и уступать место необходимости преобразовать гражданскую систему управления. Петр I в свойственной ему манере старался все вопросы контролировать лично, тем более, что война отнимала у него все меньше времени. На протяжении 1710–1720-х гг. документация, поступающая в царскую канцелярию, увеличивалась в геометрической прогрессии. Напрямую к государю предпочитали писать даже те государственные институции, которые с точки зрения управленческой иерархии имели других начальников. В частности, таким образом поступали губернаторы, которые регулярно посылали доношения, табели и прочую отчетную документацию не в Правительствующий Сенат, которому они непосредственно подчинялись, а к А. В. Макарову для доклада монарху [200-летие Кабинета..., 1911, с. 54]. Более того, Петр I лично маркировал роль Алексея Васильевича в документообороте, при этом освобождая себя от части обязанностей. Он принудил соратников пользоваться посредничеством А. В. Макарова, писать к нему прежде, чем обращаться к себе [Там же, с. 14–15]. В итоге «что-то докладывать, предлагать, просить лично царя мог весьма ограниченный круг людей». Для большинства обратиться к царю значило обратиться к А. В. Макарову [Анисимов, 1997, с. 283].

Загруженность А. В. Макарова государственными делами не поддавалась сравнению. Например, камер-юнкер Ф. В. Берхгольц, передавая детали повседневной жизни царского окружения, отмечал, что «Его Высочество (герцог голштинский Карл-Фридрих. – М. Н.) очень обрадовался ему (А. В. Макарову. – М. Н.), потому что он обыкновенно до того бывает занят, что его почти никогда нельзя пригласить» (Дневник камер-юнкера..., 2018, с. 376). Со временем для своевременного решения государственных задач вокруг кабинет-секретаря сложился штат канцеляристов, помогавших ему в процессе обработки документов и передачи их правителю. Штат Кабинета составляли личный помощник А. В. Макарова секретарь И. А. Черкасов и несколько подьячих [200-летие Кабинета..., 1911, с. 20–22]. Дополнительно к основному штату при Кабинете состояли курьеры, денщики и генерал-адъютанты Петра I, корреспонденты-агенты в других странах. В 1721 г. из-под пера А. В. Макарова вышла специальная должностная инструкция для кабинетных подьячих «Определение как содержать в кабинетной конторе порядок в делах». К началу 1720-х гг. историки также относят появление понятия «кабинетный счет», на который записывали те или иные государственные расходы [Анисимов, 1997, с. 284]. Подобное расширение кабинетного делопроизводства, по мнению Е. В. Анисимова, укладывалось в рамки процесса бюрократизации, отхода от традиционных, патриархальных форм функционирования самодержца [Там же, с. 283].

² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 4201. Л. 1 – 1 об.; Д. 4347; Д. 4878. Л. 19 – 19 об., 28 – 28 об.; Оп. 2. Д. 9. Л. 24–26; Д. 10. Л. 17 об. – 20 и др.

Параллельно крепло чувство доверия Петра I по отношению к А. В. Макарову. Согласно исследованию П. Н. Строева, особенному сближению монарха с его секретарем содействовали заграничные поездки 1715–1717 гг., в которых А. В. Макаров неизменно сопровождал своего покровителя. Царскую милость по отношению к кабинет-секретарю замечали даже иностранцы. Ф. В. Берхгольц в своих записках называл А. В. Макарова «большим фаворитом императора» и подчеркивал, что «в его ведении значительные суммы денег и все дела секретные и такие, о которых ничего не дается знать Сенату» (Дневник камер-юнкера..., 2018, с. 121, 376). Хотя должность кабинет-секретаря изначально предполагала, что ее не мог занимать человек, не пользующийся благосклонностью правителя, царское доверие необходимо было оправдывать ежедневно. От А. В. Макарова требовалось не только добросовестно вести дела Кабинета, но и внимательно относиться к настроениям и желаниям государя. В первую очередь политическая чуткость кабинет-секретаря проявлялась в том, как он выполнял посреднические функции при обмене корреспонденцией и каким образом выстраивал отношения с другими государственными деятелями, стремящимися через него воздействовать на решение Петра I.

Схематично путь, который проходил документ до государя и от него, можно обозначить следующим образом. Письмо, доношение или какие-либо другие материалы, предназначенные царю, поступали в Кабинет и подлежали записи в учетные книги. Нередко письмо, направленное Петру I, сопровождалось посланием лично к А. В. Макарову, в котором адресант просил доложить государю о содержании дела, передать документ в «благополучный час»³, посмотреть на его реакцию и при необходимости оказать посильное содействие. В зависимости от степени доверительности отношений, сложившихся между адресантом и Алексеем Васильевичем, письмо могло: 1) ограничиваться исключительно просьбой об уведомлении, как государь воспринял изложенные в послании сведения; 2) иметь общие указания на суть письма без подробного пересказа (в таких случаях корреспонденты уточняли: «о чем мне надлежало писать, о всем писал я пространно до царского величества, ис чего изволите сами уведомитца» [Павленко, 1985, с. 254]); 3) полностью повторять информацию, содержащуюся в обращении к царю; 4) дополнять сообщенные монарху сведения новыми деталями, которые кабинет-секретарь должен был передать или не передать по собственному разумению. Все это ставило просителя в определенную зависимость от А. В. Макарова, поскольку он определял, как, где и в каких обстоятельствах информация станет известна монарху или, наоборот, будет от него скрыта⁴.

Не вызывает сомнений тот факт, что А. В. Макаров не только технически получал и передавал царскую корреспонденцию, но и внимательно изучал ее содержание прежде, чем отправиться на аудиенцию. В фондах РГАДА сохранился комплекс недатированных записей («пунктов» / «статей») кабинет-секретаря, представляющих перечисление дел, которые следовало обсудить с Петром I или выполнить после. Так, на одном листе находим: «К Бестужеву надобно указ о лицентном зборе; о деле вейдовом; о дворе питербургском Трубецкого, что с ним делать; о медалях к папе и кардиналам; о щетах Куракина, кому их отдать; о ластовых судах; о червонных князь Борису Ивановичу, чтоб заплатит в дом ево; к Куракину писать, на что не ответствовано, также и о векселе чрез Тамеса или других, и для того ис писем выписать; о 30 червонных, что за полотно на Александре Ивановиче; о фондербурховых письмах и о деньгах за учеников и за пленных, что в Швеции были; проведать в Сибири или здесь о свинце; о должности ексекуратору; о зотовых пожитках; сказать, чтоб трактаты печатали

³ За этой формулировкой скрывалась крайне важная функция, во многом гарантировавшая успех дела. Кабинет-секретарь, находясь рядом с государем, имел возможность определить тот момент, когда монарх был в настроении рассмотреть дело. Как отмечает Н. И. Павленко, в противоположность под «неподходящим временем, способным вызвать у Петра отрицательные эмоции, вероятно, считалось то, когда царя отрывали от занятий, которыми он был увлечен» [Павленко, 1985, с. 252].

⁴ Исключительную роль А. В. Макарова в донесении информации до государя доказывает и знаменитая челобитная 1724 г., автор которой обвинял кабинет-секретаря в сокрытии от царя дел Вышнего суда [Анисимов, 1997, с. 285–287].

и для того, чтоб все скоряя збирали их; Алмазову сказать, что в Ближних Дубках огород насыпать и вкопать; о канале стрелинском князю, чтоб зачал»⁵. Поражает количество и содержательная широта вопросов, доносимых кабинет-секретарем до государя. Держать в памяти и иметь свое мнение о каждом из них – на это требовался настоящий административный талант и неординарные исполнительские способности.

Во время доклада А. В. Макаров передавал Петру I документы, которые государь хотел прочитать полностью. Остальные, надо полагать, менее значимые, он зачитывал вслух по выписанным для экономии царского времени «пунктам». Решения и рассуждения монарха относительно каждого дела фиксировались на полях в виде резолюции / «разметки». Стоит отметить, что на практике ожидание А. В. Макаровым предметного разговора с Петром I, т. е. того самого «благополучного часа», могло затянуться на достаточно продолжительное время. Причины были разнообразны – от занятости монарха другими государственными делами до его болезни. В таких случаях нетерпеливые корреспонденты писали к А. В. Макарову повторно, требуя скорейшего решения дел. Кабинет-секретарь в ответ уведомлял: «не извольте ваша светлость (А. Д. Меншиков. – М. Н.) возмечь на меня своего гнева, что сутки промешкался и того письма Его царскому величеству не объявил, что учинено выше реченого ради случая, а х тому же хотя бы я и в тот час донес, как то письмо получил, то только б прибавил болезни, а ускорить было ответ тем невозможно для того, что надобно было дожидатца почтового дня»⁶.

В исторической науке до сих пор дискутируется вопрос о том, мог ли А. В. Макаров влиять на решение государя и прислушивался ли Петр I к мнению кабинет-секретаря⁷. Как представляется, однозначный ответ вряд ли будет найден, поскольку на данный момент ученым не известен какой-либо исторический источник, прямо указывающий на безоговорочное принятие монархом мнения Алексея Васильевича. Однако, некоторые косвенные факты, прежде всего контакты кабинет-секретаря с ближайшими соратниками Петра I, позволяют говорить о крайнем внимании государя к позиции А. В. Макарова. В подобном ключе могут рассматриваться многочисленные просьбы петровских соратников оказать «предстательство», т. е. замолвить перед монархом слово, или исходатайствовать «милостивой» указ не только по государственным проблемам, но и по личным делам или спорам. Среди тех, кто в разное время пользовался протекцией А. В. Макарова, Н. И. Павленко выделял Ф. М. Апраксина, Я. В. Брюса, А. П. Волынского, М. П. Гагарина, П. А. Голицына, В. В. Долгорукова, А. А. Курбатова, А. И. Репнина, И. Ю. Трубецкого и пр. [Павленко, 1985, с. 251–265]. Наиболее ярко роль кабинет-секретаря прослеживается на примере его участия в судебном-следственных процессах А. Д. Меншикова, с которым у них сложились тесные деловые и личные связи [Накишова, 2021]. Среди корреспонденции, отправленной А. Д. Меншиковым А. В. Макарову в 1718–1725 гг., в период наибольшего морального напряжения для князя, регулярно встречаются подобные просьбы: «При сей цыдуле о чем упоминаетца, Его царскому величеству по посланному моему прошению благовременно доложить, тако ж и Ее величеству всемилостивейшей государыне царице о том же о всем о предстательстве за меня подлинно донести и исходатайствовать немедленное решение, в чем на вашу милость яко на моего благодетеля весьма благонадежен есмь, и сам я вашей милости отслужить потщусь, и в той надежде, что вы сего моего прошения не пренебрежете, пребываю вашей милости доброжелательный и к службе охотный Александр Меншиков»⁸. Надо полагать, что государственные деятели и, в особенности, изощренный в придворных играх А. Д. Меншиков

⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 101. Л. 48–49.

⁶ Там же. Ф. 198 (Меншиков Александр Данилович (1670–1729), князь, петербургский генерал-губернатор, президент Военной коллегии, генералиссимус). Оп. 1. Д. 737. Л. 26 об.

⁷ Так, Н. И. Павленко и Е. В. Анисимов отмечали значительную роль А. В. Макарова в процессе выработки и принятия политических решений [Анисимов, 1997, с. 283–285; Павленко, 1985, с. 251–265]. В противоположность Я. А. Лазарев отзывался об А. В. Макарове как о «техническом персонаже» [Лазарев, 2022, с. 148].

⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 42 – 42 об. Также см.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 39, 43 об., 65 об., 75 об., 77, 87 об. и др.

не стали бы столь упорно писать человеку, который был бы им бесполезен и не имел какого-либо влияния на государя.

После аудиенции у правителя А. В. Макаров переходил к составлению и отправке ответных посланий. Кому-то из наиболее доверенных лиц Петр I писал собственноручно. Подобные письма после записи в кабинетные книги отправлялись адресату через курьеров. В иных случаях кабинет-секретарь отвечал просителю сам, тщательно передавая царские указания и ссылаясь на его волю. Е. В. Анисимов классифицирует такую группу писем как «служебные» [Анисимов, 1997, с. 284]. Кроме того, в Кабинете на основании резолюций на «пунктах» / «статьях» составлялись проекты именных «указов-ответов»⁹. Когда текст указа был готов, А. В. Макаров снова показывал его государю, который документ или подписывал, или отправлял на доработку. В полномочия Алексея Васильевича входило объявление «кабинетных указов», т. е. составленных в Кабинете, в Сенате, на заседания которого он являлся регулярно, а при необходимости и в государственных учреждениях, к чьему ведомству постановления относились.

В зависимости от характера межличностных отношений, сложившихся между А. В. Макаровым и корреспондентом, к письму и указаниям от государя добавлялись уточняющие сведения. Например, кабинет-секретарь мог уведомить получателя о предпринятых мерах, передать детали аудиенции и реакцию государя на письмо, дать совет, как лучше действовать в сложившихся обстоятельствах, приложить копию документа, связанного с делом, рассказать об информации, полученной от других государственных деятелей и пр.¹⁰ Не были чужды ему и проявления дружеских чувств, по крайней мере на бумаге¹¹. Видя тревожность просителя, Алексей Васильевич старался его успокоить, давал надежду на скорейшее разрешение дела. Например, 9 октября 1716 г. кабинет-секретарь писал из Копенгагена: «Письма вашей светлости (А. Д. Меншикова. – М. Н.) все сюды исправно до их величеств доходят, которым оба их величества зело довольны. Дела здешния весьма отменились так, как некогда чаяли, о чем изволите усмотреть ис письма Его величества, посланнаго к вашей светлости. Зело сожалею о трудах вашей светлости, також и о понесенных убытках в отпуску сюды правянтну, матриалов и протчего»¹².

Таким образом, в конце 1710-х – 1725 г. А. В. Макаров являлся одним из наиболее влиятельных политических акторов, чье могущество основывалось на ресурсе царского доверия и посреднической функции при обмене корреспонденцией. Участие кабинет-секретаря в политической жизни государства во многом было схоже с ролью светлейшего князя А. Д. Меншикова в первые десятилетия правления Петра I [Анисимов и др., 2022, с. 57]. Представляется, что, аналогично с Александром Даниловичем, кабинет-секретарь рассматривался представителями политической элиты как наиболее быстрый и эффективный канал передачи информации монарху и, более того, как «прямой представитель и выразитель официальных мнений Петра I, исполнитель его воли» [Кочегаров, 2022, с. 116–117], к которому при случае можно обратиться за помощью и пособничеством.

Характеризуя Кабинет Петра I как государственное учреждение, нельзя не отметить, что его политическое назначение не ограничивалось лишь задачами личного царского секретариата (при всей их важности и значимости). Ведомству А. В. Макарова по воле государя были поручены несколько ключевых управленческих проектов, в том числе: организация строительных работ от Кабинета в Риге, Ревеле, Рогервике, Дубках и в царских резиденциях; содержание придворной службы; найм мастеровых из Англии, Голландии и Франции и их финансовое обеспечение; контроль за Городовой канцелярией (с 1723 г. – Канцелярией от строений); руководство Садовой конторой Б. Неронова; написание «Гистории Свейской

⁹ Термин Е. В. Анисимова.

¹⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 30 об., 41 об. – 42, 49, 59, 146, 176, 198 об. – 199, 259 об. и др.

¹¹ В историографии существует дискуссия о том, насколько искренними являлись чувства государственных деятелей, выражаемые ими в письмах при помощи этикетных формул. Об этом см.: [Анисимов и др., 2022; Полонский, 2011; 2012].

¹² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 2 – 2 об.

войны» и многое другое [200-летие Кабинета..., 1911, с. 36–38; Павленко, 1985, с. 237–238]. В рамках широкой, если не сказать необъятной, сферы компетенций Кабинет выполнял несколько функций. Во-первых, он являлся пунктом, соединявшим государственные институты, географически и статусно далекие друг от друга. Через А. В. Макарова проходили контакты должностных лиц с Петром I, передавалась информация и оглашались царские решения. Кабинет выступал пунктом связи для различных государственных учреждений, а кабинет-секретарь решал спорные вопросы, возникавшие между ними, разделял сферы компетенции, помогал вырабатывать компромиссные решения, апеллируя к мнению монарха¹³. Во-вторых, Кабинет играл значительную роль в распределении и перераспределении финансовых, материальных и человеческих ресурсов внутри общей системы управления¹⁴. И, наконец, Кабинет осуществлял общий контроль над всеми этапами реализации проектов, имевших для Петра I особое значение. Так, под его наблюдением происходило строительство петергофского и стрельнинского дворцово-парковых комплексов. А. В. Макарову предписывалось сопровождать деятельность архитекторов, подготавливать и сверять чертежи дворцов, домов и парковых комплексов, контролировать общий ход строительства, выделять средства на покупку материалов, нанимать работников, разрешать конфликты между государственными учреждениями, занятыми в строительстве, и добиваться от Петра I своевременных указаний¹⁵. В целом реализация столь глобальных управленческих проектов требовала от А. В. Макарова и его ведомства хорошей осведомленности, широких деловых и личных социальных связей, способности решать многофункциональные задачи.

Подходя к заключению, отметим, что за 1700-е – 1725 г. Кабинет Петра I как государственное учреждение претерпел значительные изменения от одной-единственной должности подъячего государева двора, по преимуществу занимавшегося царским хозяйством и ведшего его корреспонденцию, до влиятельного органа власти, имевшего свой штат, доход и сферу компетенций, не сравнимую по объему ни с одним другим государственным институтом. Кабинет заменял и дублировал функции других органов центральной или местной власти, более эффективно решая поставленные задачи по причине того, что его глава кабинет-секретарь А. В. Макаров имел прямой доступ к фигуре монарха и располагал устойчивыми деловыми связями со всеми государственными учреждениями без исключения.

Многофункциональность и политическая значимость Кабинета прямо зависели от места А. В. Макарова в системе государственного управления. А. В. Макаров к рубежу 1710–1720-х гг. практически полностью монополизировал посредническую функцию, осуществляя связь правителя с другими деятелями и институтами. Более того, если для царских фаворитов (для того же А. Д. Меншикова) вытекающая из доверительных отношений с Петром I посредническая роль может быть расценена как проявление неформальной власти¹⁶, то для А. В. Макарова осуществление посредничества являлось вполне формальной функцией, входившей в его должностные полномочия и ожидаемой от него. В дополнение кабинет-секретарь пользовался исключительным доверием царя, что делало его особенно привлекательным союзником на политической арене. Многие представители петровской политической элиты, независимо от их социального статуса, стремились заручиться поддержкой А. В. Макарова, выстроить с ним лояльные отношения и по максимуму использовать его возможности для достижения собственных целей. Алексей Васильевич, в свою очередь, также умело пользовался открывавшимися для него перспективами, увеличивая благосостояние, расширяя деловые и личные связи, закрепляясь в среде наиболее знатных, богатых и влиятельных вельмож.

¹³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 54. Л. 1304 – 1304 об.; Д. 59. Л. 1125 – 1128 об., 1130а об. – 1130б; Д. 60. Л. 229 – 229 об.; Д. 62. Л. 1314–1316 и др.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Отд. II. Д. 36. Л. 23 – 23 об., 1332–1333; Д. 40. Л. 821 – 822 об., 825 – 825 об., 834–840, 845 – 848 об.; Д. 41. Л. 441, 443; Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 10 – 11 об., 126 – 126 об.; Д. 60. Л. 543 об., 544, 555 – 555 об.; Д. 63. Л. 563–564; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 282 об.; и др.

¹⁵ Там же. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 33. Л. 13, 26; Оп. 4. Отд. II. Д. 57. Л. 227 – 227 об., 229 – 229 об., 233 – 233 об., 252 – 252 об., 269 – 269 об.; Оп. 6. Д. 48. Л. 1 и др.

¹⁶ То есть не строящейся на официальной иерархии.

Все это привело к тому, что после кончины Петра I 29 января (8 февраля) 1725 г. Кабинет е. и. в. и лично тайный кабинет-секретарь А. В. Макаров оказались одними из могущественнейших государственных институций, определивших вектор дальнейшего политического развития Российской империи.

Список литературы

- Алексеев А. И.** Архив А. В. Макарова – кабинет-секретаря Петра I в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // От Нарвы к Ништадту: петровская Россия в годы Северной войны 1700–1712 гг.: Сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 280-летию со дня заключения Ништадского мира. СПб., 2001. С. 5–7.
- Анисимов Е. В.** Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
- Анисимов Е. В., Базарова Т. А., Проскурякова М. Е.** «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 49–62. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-49-62
- Бабич М. В.** Кабинет императорского величества в XVIII в.: традиция и перспективы изучения // Вестник Челяб. гос. ун-та. 1998. № 1. С. 35–45.
- Бабич М. В.** Военно-организационная деятельность А. Д. Меншикова в материалах Российского государственного архива древних актов // Меншиковские чтения – 2011. СПб., 2011. Вып. 8. С. 21–33.
- Бантыш-Каменский Д. Н.** Словарь достопамятных людей русской земли. М.: Тип. Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии, 1836. Ч. 2. 459 с.
- Демкин А. В.** Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М.: Ин-т российской истории РАН, 2011. 258 с.
- Демкин А. В.** Русские деловые люди XVIII столетия. М.: Ломоносовъ, 2019. 192 с.
- Захаров А. В.** Макаров Алексей Васильевич // Большая российская энциклопедия. М., 2011. Т. 18. С. 505.
- История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб.: Сенатская типография, 1911. Т. 1. 736 с.
- Кочегаров К. А.** Официальные и неформальные взаимоотношения гетмана и царского правительства в эпоху Мазепы // Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург, 2022. С. 43–120.
- Лазарев Я. А.** Российская политика на Украине и русско-украинские неформальные связи после Полтавы (1709–1722) // Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург, 2022. С. 121–218.
- Макаров (Алексей Васильевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 18. С. 401.
- Милюков П. Н.** Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 702 с.
- Накишова М. Т.** Кабинет-секретарь А. В. Макаров и его роль в Почепском деле князя А. Д. Меншикова // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 18–27.
- Павленко Н. И.** Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1985. 332 с.
- Петровский С.** О Сенате в царствование Петра Великого. СПб.: Университетская типография, 1875. 360 с.
- Полонский Д. Г.** Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А. Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011: Научный альманах. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 75–93.

- Полонский Д. Г.** «Меня здесь приемлют якобы сына Вашего»: письма П. И. Ягужинского А. Д. Меншикову как источник истории отношений политиков Петровской эпохи: (Исследование и публикация) // Вестник РГГУ. 2012. № 21 (101). С. 221–232.
- Поляков И. А.** К вопросу о происхождении кабинет-секретаря Петра Великого Алексея Васильевича Макарова (1674–1740) // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 9–19.
- Русские избранники и случайные люди. Составил Георг фон-Гельбиг, секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины II, 1787–1796 // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 1–180.
- Серов Д. О.** Администрация Петра I. М.: ОГИ, 2007. 286 с.
- Шереметевский В. В.** Дела следственной о кабинете-секретаре Петра I А. В. Макарова комиссии (1732–1734) // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Т. 6. С. 37–42.
- 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. Историческое исследование. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 794 с.

Список источников

- Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / Вступ. ст. И. В. Курукина; коммент. К. А. Залесского, В. Е. Климанова, И. В. Курукина. М.: Кучково поле, Ретроспектива, 2018. 864 с.

References

- Alekseev A. I.** Arkhiv A. V. Makarova – kabinet-sekretarya Petra I v Otdel rukopisei Rossiiskoi natsionalnoi biblioteki [Archive of A. V. Makarov, Cabinet-secretary of Peter I in the Manuscript Department of the Russian National Library]. In: Ot Narvy k Nishtadtu: petrovskaya Rossiya v gody Severnoi voyny 1700–1712 gg.: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 280-letiyu so dnya zaklyucheniya Nishtadskogo mira [From Narva to Nishtadt: Petrine Russia during the Northern War of 1700–1712: A Collection of Materials from the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 280th Anniversary of the Conclusion of the Nishtadt Peace]. St. Petersburg, 2001, p. 5–7. (in Russ.)
- Anisimov E. V.** Gosudarstvennye preobrazovaniya i samoderzhavie Petra Velikogo v pervoi chetverti XVIII veka [State Transformations and Autocracy of Peter the Great in the 1st Quarter of the 18th Century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997, 331 p. (in Russ.)
- Anisimov E. V., Bazarova T. A., Proskuryakova M. E.** “Our Patron and Protector”: The Language of Correspondents of A. D. Menshikov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 49–62. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-49-62
- Babich M. V.** Voенно-organizatsionnaya deyatelnost’ A. D. Menshikova v materialakh Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov [Military Organizational Activity of A. D. Menshikov Based on the Materials of the Russian State Archive of Ancient Acts]. In: Menshikovskie chteniya – 2011 [Menshikov Memorial Readings]. St. Petersburg, 2011, vol. 8. pp. 21–33. (in Russ.)
- Babich M. V.** Kabinet imperatorskogo velichestva v XVIII v.: traditsiya i perspektivy izucheniya [Cabinet of Imperial Majesty in the 18th Century: Tradition and Prospects for Study]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 1998, no. 1, pp. 35–45. (in Russ.)
- Bantysh-Kamensky D. N.** Slovar’ dostopamyatnykh lyudei russkoi zemli [Dictionary of the Memorable People of the Russian Land]. Moscow, Tipografiya Avgusta Semena pri Imperatorskoi Mediko-khirurgicheskoi akademii, 1836, vol. 2, 459 p. (in Russ.)
- Demkin A. V.** Vnutrennyaya politika Ekateriny I i Verkhovnogo tainogo soveta [Internal Politics of Catherine I and the Supreme Privy Council]. Moscow, Institut Rossiiskoi Istorii RAN, 2011, 258 p. (in Russ.)

- Demkin A. V.** Russkie delovye lyudi XVIII stoletiya [Russian Business People of the 18th Century]. Moscow, Lomonosov Publ., 2019, 192 p. (in Russ.)
- Istoriya Pravitel'stvuyushchego senata za dvesti let. 1711–1911 gg. [History of the Governing Senate over Two Hundred Years. 1711–1911]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1911, vol. 1, 736 p. (in Russ.)
- Kochegarov K. A.** Ofitsialnye i neformalnye vzaimootnosheniya getmana i tsarskogo pravitel'stva v epokhu Mazepy [Official and Informal Relations between the Hetman and the Tsarist Government in the Mazepa Era]. In: Patrony, slugi i druz'ya. Russko-ukrainskie neformal'nye svyazi i upravlenie Getmanshchinoi v 1700–1760-kh gg. Issledovanie i istochniki [Patrons, Servants and Friends. Russian-Ukrainian Informal Relations and the Administration of the Hetmanate in the 1700–1760s. Research and Sources]. Yekaterinburg, 2022, pp. 43–120. (in Russ.)
- Lazarev Ya. A.** Rossiiskaya politika na Ukraine i russko-ukrainskie neformalnye svyazi posle Poltavy (1709–1722) [Russian Policy in Ukraine and Russian-Ukrainian Informal Relations after Poltava (1709–1722)]. In: Patrony, slugi i druz'ya. Russko-ukrainskie neformal'nye svyazi i upravlenie Getmanshchinoi v 1700–1760-kh gg. Issledovanie i istochniki [Patrons, Servants and Friends. Russian-Ukrainian Informal Relations and the Administration of the Hetmanate in the 1700–1760s. Research and Sources]. Yekaterinburg, 2022, pp. 121–218. (in Russ.)
- Makarov (Aleksii Vasil'evich). In: Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. St. Petersburg, 1896, vol. 18, p. 401. (in Russ.)
- Milyukov P. N.** Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo [The State Economy of Russia in the 1st Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1905, 702 p. (in Russ.)
- Nakishova M. T.** Kabinet-sekretar' A. V. Makarov i ego rol' v Pochevskom dele knyazya A. D. Menshikova [Cabinet Secretary A. V. Makarov and His Role in the Pochev Case of Prince A. D. Menshikov]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2021, no. 5, pp. 18–27. (in Russ.)
- Pavlenko N. I.** Ptentsy gnezda Petrova [Associates of Peter the Great]. Moscow, Mysl' Publ., 1985, 332 p. (in Russ.)
- Petrovsky S.** O Senate v tsarstvovanie Petra Velikogo [About the Senate during the Reign of Peter the Great]. St. Petersburg, Universitetskaya tipografiya, 1875, 360 p. (in Russ.)
- Polonsky D. G.** “Menya zdes' priemlyut yakoby syna Vashego”: pis'ma P. I. Yaguzhinskogo A. D. Menshikovu kak istochnik istorii otnoshenii politikov Petrovskoi epokhi: (Issledovanie i publikatsiya) [“I am accepted here like your own son”: P. I. Yaguzhinsky's Letters Addressed to A. D. Menshikov as a Source on the History of Political Relations in Petrine Epoch]. *Vestnik RGGU* [RSHU Bulletin], 2012, no. 21 (101), pp. 221–232. (in Russ.)
- Polonsky D. G.** Epistolyarnyi etiket vo vzaimootnosheniyakh A. D. Menshikova s predstaviteleyami vlastnoi elity Petrovskoi epokhi [Epistolary Etiquette in the Mutual Relations of A. D. Menshikov with Representatives of the State Elite of Petrine Epoch]. In: Menshikovskie chteniya – 2011: nauchnyi al'manakh [Menshikov Memorial Readings – 2011: Scientific Anthology]. St. Petersburg, 2011, vol. 2 (9), p. 75–93. (in Russ.)
- Polyakov I. A.** K voprosu o proiskhozhdenii kabinet-sekretarya Petra Velikogo Alekseya Vasil'evicha Makarova (1674–1740) [To the Question of the Origin of the Cabinet Secretary of Peter the Great Alexei Vasilyevich Makarov (1674–1740)]. *Istoricheskii Kur'er* [Historical Courier], 2021, no. 5 (19), pp. 9–19. (in Russ.)
- Russkie izbranniki i sluchainye lyudi. Sostavil Georg fon Gelbig, sekretar' saksonskogo posol'stva pri dvore Ekateriny II, 1787–1796 [Russian Chosen Ones and Random People. Compiled by Georg von Helbig, Secretary of the Saxon Embassy at the Court of Catherine II, 1787–1796]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1886, vol. 50, pp. 1–180. (in Russ.)
- Serov D. O.** Administratsiya Petra I [Administration of Peter I]. Moscow, OGI Publ., 2007, 286 p. (in Russ.)

- Sheremetevsky V. V.** Dela sledstvennoi o kabinete-sekretare Petra I A. V. Makarova komissii (1732–1734) [Cases of the Commission of Inquiry about A. V. Makarov, the Cabinet Secretary of Peter I (1732–1734)]. In: Opisanie dokumentov i bumag, khranyashchikhsya v moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii [Description of Documents and Papers Stored in the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. Moscow, 1889, vol. 6, pp. 37–42. (in Russ.)
- Zakharov A. V.** Makarov Aleksei Vasilevich. In: Bolshaya rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. Moscow, 2011, vol. 18, p. 505. (in Russ.)
- 200-letie Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva. 1704–1904. Istoricheskoe issledovanie [200th Anniversary of His Imperial Majesty's Cabinet. 1704–1904. Historical Study]. St. Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vilborg, 1911, 794 p. (in Russ.)

List of Sources

- Dnevnik kamer-yunkera Fridrikha Vilgel'ma Berkhgol'tsa. 1721–1726 [Diary of Camera Junker Friedrich Wilhelm Berchholtz. 1721–1726]. Ed. by I. V. Kurukin, K. A. Zalesky, V. E. Klimanov. Moscow, Kuchkovo pole Publ., Retrospektiva Publ., 2018, 864 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Марина Тазабаевна Накишова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57221801806
WoS Researcher ID ADM-0279-2022

Information about the Author

Marina T. Nakishova, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57221801806
WoS Researcher ID ADM-0279-2022

*Статья поступила в редакцию 28.11.2022;
одобрена после рецензирования 18.02.2023; принята к публикации 03.04.2023
The article was submitted on 28.11.2022;
approved after reviewing on 18.02.2023; accepted for publication on 03.04.2023*

Научная статья

УДК 261.7

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-56-70

Проект Петра Великого по защите Филадельфийской митрополии

Алексей Олегович Ястребов

Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Россия

mirofore@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4692-4810>

Аннотация

На материалах Архива внешней политики Российской империи исследованы обстоятельства миссии кефалонийца игумена Герасима Фоки, прибывшего в 1722 г. просить императора Петра I о помощи православным Венеции, у которых была отнята церковь. Переписка между Коллегией иностранных дел и Святейшим синодом доносит до нас детали рассмотрения дела и проекта помощи православным Венеции. Из материалов дела мы узнаём также о решении российского правительства открыть в республике дипломатическое представительство. Проект, имевший целью не только помощь единоверцам Италии, но и усиление влияния России на Апеннинском и Балканском полуостровах, остался нереализованным, однако в дальнейшем сотрудничество российского правительства с греками оказалось успешным, что привело к открытию консульства, а впоследствии к учреждению посольства и при нем русской церкви.

Ключевые слова

Герасим Фока, Коллегия иностранных дел, Святейший синод, Петр I, Савва Рагузинский, Мелетий Типальд

Для цитирования

Ястребов А. О. Проект Петра Великого по защите Филадельфийской митрополии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 56–70. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-56-70

Peter the Great's Project to Defend the Philadelphia Metropolitanate

Alexey O. Yastrebov

Institute for Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

mirofore@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4692-4810>

Abstract

The article uses the materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire to study the mission of Hegumen Gerasim Foka, who in 1722 came to ask Emperor Peter the Great for help to the Orthodox of Venice. For the first time, the Greek community appealed to the head of the Russian state, delegating a cleric of St. George's Church to do so. Correspondence between the College of Foreign Affairs and the Holy Synod provides details of the case and the project of assistance to the Orthodox of Venice. From the case files, we also learn about the decision of the Russian government to open a diplomatic mission in the republic. The documents contain information about the personality of Gerasim Foka, as well as about the circumstances of his life in Russia. At the same time, the project, aimed at helping the faithful of Italy and strengthening Russia's influence in the Apennines and the Balkans, remained unrealized. However, during the 18th century, the cooperation of the Russian government with the Greeks was successful, which

© Ястребов А. О., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 56–70

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 56–70

led not only to the opening of the consulate and the restitution of the orthodox church but later to the establishment of the regular embassy and the Russian chapel. The Russian consulate, which Greeks invariably headed, co-existed in parallel with the Russian embassy and continued its activities after the abolition of the Venetian Republic.

Keywords

Gerasim Foca, College of Foreign Affairs, Holy Synod, Peter the Great, Savva Raguzinsky, Meletius Tipald

For citation

Yastrebov A. O. Peter the Great's Project to Defend the Philadelphia Metropolitanate. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 56–70. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-56-70

Забота Петра Великого о единоверцах в Венеции была не единичной акцией в поддержку проживавших там греков, а константой его внешней политики. В связи с этим цель статьи состоит в том, чтобы изучить реакцию российской дипломатии на жалобы греческой церковной общины в связи с лишением ее церкви Святого Георгия. Соответственно задачами станут: во-первых, показать наличие межправославного канала связи между Венецией и Санкт-Петербургом, во-вторых, на основании имеющихся документов изучить черты личности посланника венецианской общины Герасима Фоки, в-третьих, ввести в научный оборот неизученные документы российского правительства, касающиеся планов по покровительству единоверцам не только в Италии, но и в других областях, находившихся в пределах инославных государств.

Отношения венецианской церковной общины с Российским государством были взаимозаинтересованными и, на более позднем этапе существования Филадельфийской митрополии, также взаимовыгодными. Подобные контакты известны по сношениям Руси / России с Православным Востоком, подробно изучены как дореволюционными, так и современными российскими и греческими историками, но здесь они носят свой, особый характер, поскольку речь идет о Христианском Западе, где сами греки во многом были частью европейской культуры¹.

В связи со сказанным источниковой базой работы станут в первую очередь данные не отечественных, а греческих историков Велуди [Βελούδης, 1893], Цицели [Τσιτσέλης, 1904], Мазараки [Μαζαράκης, 1843] и Лиосату [Λιυσάτου, 2022], а также материалы Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), впервые вводимые в научный оборот.

Церковь святого Георгия, которая после долгой тяжбы между перешедшим в католичество митрополитом Мелетием Типальдом и греческой общиной по решению гражданского суда в 1708 г. отошла униатам, была полем непрекращающихся пререканий между греко-католиками и православными [Γεδεών, 1913].

Жалобы на Мелетия представители общины писали неоднократно, и еще задолго до захвата им храма. Так, в 1692 г. митрополит (тогда еще только скрытый униат) посылает константинопольскому патриарху Калиннику оправдательное письмо, из которого узнаём, что члены братства уже трижды писали в Константинополь с обвинениями в его адрес [Μπόμλου-Σταμάτη, 1978, s. 99]. В 1699 г. Мелетий вновь оправдывается перед патриархом из-за присланных тому обвинений в его адрес.

В этот же период митрополита обвиняет перед патриархом его прежде доверенный человек и секретарь, проповедник, отец Илия Минякий, который прибыл в Константинополь вместе с венецианским байюлом Л. Соранцо в качестве секретаря и продолжал проповедническую и дипломатическую активность в пользу как венецианцев, так и греков [Ястребов, 2017, с. 79–80]².

В 1702 г. по совету митр. Кесарийского Хрисанфа Нотара, прибывшего из России в Константинополь и получившего точные известия о тайном католичестве Мелетия от профессора Падуанского университета Николая Комнина-Пападополи, патриарх предлагает митропо-

¹ Кроме дореволюционных исследователей (Н. Ф. Каптерева [1885] и др.), многие советские и российские историки занимались и занимаются тем же предметом, например: Б. Н. Флоря [1978; 1996], К. А. Панченко [2012], Б. Л. Фонкич [1977], В. Г. Ченцова [2010], Т. А. Опарина [2019].

² Баюйл (от лат. bajulus) – официальный титул венецианского посла в Константинополе.

литу подписать православное исповедание веры [Μλόμπου-Σταμάτη, 1978, s. 100–101]³. Тот, конечно, уклоняется и в скором времени открыто выступает с латинских позиций [Ястребов, 2020, с. 298].

В интересующем нас эпизоде мы имеем дело со второй жалобой на имя царя. Первая из них была рассмотрена Петром положительно, и в декабре 1710 г. он отправил письменное ходатайство в защиту единоверцев в Венеции [Ястребов, 2016].

Это послание помимо заботы о православных преследовало вполне утилитарные цели, а именно государь стремился к мобилизации греков и славян под российским флагом в уже начавшейся в тот момент очередной войне с Османской империей.

Вслед за отправлением письма последовало открытие российского консульства и неформальной дипломатической резидентуры, которые должны были отчасти следить за развитием ситуации с церковью, но преимущественно выполнять роль вербовочных пунктов для тех единоверцев из пределов республики или близлежащих мест, кто хотел бы принять участие во «втором фронте» войны на Балканах. В осуществимости проекта Петра убеждал Савва Рагузинский, и отчасти это удалось: полковник Милорадович во главе нескольких тысяч повстанцев из Герцеговины сражался с турками еще довольно долго, пока не перебрался в Россию [Дучич, 2009, с. 152–162]⁴.

Война, как известно, закончилась невыгодным миром, хотя по венецианским каналам российские агенты продолжали ссужать герцеговинцев деньгами и поддерживать корреспонденцию⁵. Однако вопрос с церковью решен не был.

Итак, после смерти Мелетия (1713 г.) православная община Венеции продолжала переживать тяжелые времена. Власти не хотели выпускать инициативу из рук и не позволяли вернуться православному митрополиту на филадельфийскую кафедру. Вместе с тем они не могли и навязать униатского архиерея, потому что должность была выборной, а община в абсолютном большинстве не желала избирать католика, да и Константинополь все равно бы его не утвердил. Греки стали покидать Венецию. Над приходом надзирал поставленный католиками викарий, а священники обязаны были произносить латинское исповедание веры. Церковь вышла из-под омофора православного патриарха [Βελοῦδης, 1893, s. 89–90].

О главном герое этого очерка известно мало. По списку настоятелей церкви св. Георгия он значится под 1718 г. вместе с критянином Иоанном Вувули [Βελοῦδης, 1893, s. 182; Μανοῦσακας, Σκουλάς, 1993, s. νς' εισαγωγή; Λιοσάτου, 2022]⁶.

Далее мы встречаем Герасима уже в России весной 1722 г., о чем существует дело в Коллегии иностранных дел (далее – КИД), хранящееся ныне в АВПРИ под названием «Приезд из Венеции игумена (пожалованного потом в архимандриты) кефалонитянина Герасима Фоки с жалобой на Венециан о уничтожении тамо греческой церкви, о утеснении благочестивого исповедания людей, и с прошением о посылке туда для сего дела Российского резидента, а потом отпуск его из России в его отечество»⁷.

³ Хрисанф Нотара – митрополит Кесарийский (с 1702 г.), патриарх Иерусалимский (1707–1731 гг.). Племянник патриарха Иерусалимского Досифея. Выпускник Падуанского университета, греческий церковный деятель, богослов и просветитель.

⁴ Савва (серб.: Сава) Владиславич Рагузинский – гражданин Рагузской республики, купец. Сподвижник Петра I. Состоял на русской дипломатической службе. Возглавлял русское посольство в Китай, основал город Троицкосавск, ныне Кяхта, где был заключен договор о демаркации российско-китайской границы. Действительный статский советник. Кавалер орденов святого апостола Андрея и святого Александра Невского.

⁵ Например: Архивные данные по переписке с Милорадовичем еще в июле 1712 г., т. е. год спустя после Прутского похода и окончания Балканской кампании, есть в РГАДА. См.: РГАДА. Ф. 41. Сношения России с Венецией. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 1. Рескрипты и письма от канцлера графа Головкина к агенту Коретте в Венецию. Л. 5, 13–13 об.; Там же. Ед. хр. 2. Письма агента Коретты к канцлеру графу Головкину. Л. 141 об., 147 об., 153 – 153 об.

⁶ За два года настоятельства имеется всего четыре его записи в книге венчаний.

⁷ АВПРИ. Ф. 41. Сношения России с Венецией. 1722. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 34. Краткое упоминание об его приезде см.: [Бантыш-Каменский, 1896, с. 217].

В донесении на имя синода от 22 марта 1722 г. он рассказывает, что церковь греческая в Венеции была захвачена униатами со времен митрополита Мелетия и продолжала ими удерживаться, когда он прибыл в Венецию из Кефалонии «ради домашних нужд»⁸. По его словам, он был убежден членами общины остаться и священнодействовать, ибо никто из греков не ходил в церковь, но «все сего и оного волочили, аки овцы не имущи пастыря»⁹.

Он стал служить, не поминая папы римского и используя для крещения миро, освященное константинопольским патриархом.

Герасим сообщает также, что прослужил таким образом два года: «все грецы прежде расточенны, во едину ограду паки собравшися, в церковь свою ходили, и от меня таинства принимали».

Но, конечно, не обошлось без наветов, и униатские священники подали на него жалобу латинскому патриарху Венеции, который стал формальным каноническим главой церкви св. Георгия. Затем Фока перечисляет обвинения греко-католического духовенства в его адрес, состоящие из восьми пунктов: здесь и отрицание службы на опресноках, и латинского учения о моменте пресуществления даров, и отрицание непогрешимости папы и т. п.¹⁰

Из донесших на него священников он упоминает Георгия Патуса, настоятеля храма в 1711 г., т. е. еще при Мелетии Типальде, и Спиридона Крассà, который в списке Велуди значится как раз следующим после Герасима [Βελοῦδης, 1893, s. 182].

На основании этой жалобы игумен был присужден венецианским сенатом к изгнанию, «понеже не могл меня имети во узах»¹¹. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что наказание сформулировали уже светские власти и что он, хотя признан как «еретик и римской церкви враг жесточайший»¹², не мог, по его словам, быть заключен под стражу. Если сравнить дело Герасима с делом иеромонаха Григория Сотира, афинянина (т. е. не гражданина республики), выпускника Падуанского университета, который по доносу Мелетия Типальды был передан инквизиции и в 1706 г. заключен в тюрьму на 18 месяцев, а затем выдворен за пределы страны¹³, бросается в глаза несоразмерность наказаний. Ведь иеромонах Григорий был известной личностью, за него ходатайствовал, например, Николай Комнин-Пападополи, профессор Падуанского университета, иезуит, но горячий противник Мелетия из-за его насильственного образа действий в отношении православных. Заступались за Сотира и руководители общины, ведь в тот момент церковь еще не была официально передана униатам, поэтому президент и правление братства имели вес в церковных делах. Герасим же был человеком сугубо внешним, церковь де-юре и де-факто уже была униатской, и он был гражданином республики, что развязывало руки в части репрессий против него. Однако он был «всею лишь» приговорен к выдворению из пределов города, да и то не исполнил – после приговора «жил тайно» в Венеции¹⁴.

Из своего убежища он написал прошение на имя митрополита Стефана Яворского, чтобы тот ходатайствовал перед императором о «заступлении»¹⁵. Его «письма» (именно так, во множественном числе) были им переданы через внука Саввы Рагузинского и переведены

⁸ АВПРИ. Ф. 41. Сношения России с Венецией. 1722. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 4 – 4 об.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же.

¹³ Комнин-Пападополи писал об этом деле своему ученику Хрисанфу Нотара. Григорий впоследствии основал в Афинах богословскую школу, а в 1722 г. был поставлен на кафедру митрополитов Монеувасийских. См.: [Καραθανάσης, 1975, s. 145–146].

¹⁴ АВПРИ. Ф. 41. Сношения России с Венецией. 1722. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 5.

¹⁵ Стефан Яворский (1658–1722). С 1700 г. митрополит Рязанский и Муромский, затем местоблюститель патриаршего престола. С 22 октября 1721 г. Президент Духовной коллегии (Святейшего Правительствующего Синода).

Димитрием Кантемиром¹⁶. Затем игумен прибыл в Россию лично, возможно, через Дунайские княжества и Украину, дорога через которые стала намного безопаснее после окончания Северной и Второй Море́йской войн.

Множественное число объясняется тем, что он приложил к письму еще «мемориал», являющийся пересказом письма патриарха иерусалимского Хрисанфа, которое было получено им 26 декабря 1721 г., вероятно, по дороге в Россию. В документе, помимо просьбы патриарха о заступничестве России перед лицом политики латинизации, проводившейся имперскими властями на территориях, отошедших Вене после Пожаревацкого мирного договора (1718), подтверждается личность Герасима Фоки и его статус, причем он титулуется эпитропом Святого Гроба¹⁷.

Далее в архивном деле отложились некоторые документы, свидетельствующие о подготовке ответа российских властей на беспокойство иерусалимского патриарха и игумена Фоки. В частности, сохранилось письмо гр. Головкина к Савве Рагузинскому с вопросом об организации церкви при доме резидента в Венеции¹⁸.

В деле имеется также проект указа царя Петра от 25 июля 1722 г., из которого явствует, что вопрос был обсужден в синоде в присутствии государя и в согласии с мнением сената было решено возвести Фоку в сан архимандрита Валаамского монастыря и послать в Венецию вместе с резидентом, чтобы отправлять богослужения в его домовую церковь, «доколе тоя церковь по желанию своему получат»¹⁹.

Таким образом, прошению Фоки дали ход на самом высоком уровне. Вплоть до 1722 г. (а возможно, и до 1724 г.) в Венеции существовало российское консульство, возглавлявшееся венецианским греком Дм. Боцисом. Его действия были не слишком активными, но главное, что консульство хотя и призвано было негласно заниматься политическими вопросами, было по традиции институцией сугубо коммерческой и не могло официально претендовать на решение проблем политической или религиозной жизни республики. Кроме того, Боцис был венецианским гражданином и, таким образом, изначально находился в более уязвимом положении перед властями, нежели российский порученец.

Из КИД последовали запросы Ф. М. Апраксину и К. И. Крюйсу для подбора кандидатов для отправления в Венецию в качестве резидентов²⁰. Выбор правительства пал на лейтенанта галерного флота Ивана Алексея, которому было отдано предпочтение перед другим кандидатом, унтер-лейтенантом Петром Кашкиным. Эти документы сохранились в еще одном деле АВПРИ: «Отправление (не состоявшееся) в Венецию галерного лейтенанта Ивана Алексея в чине резидента»²¹. Интересно, что в запросе было отмечено: «его императорское величество повелел по имянному своему указу отправить в Венецию резидента, выбрав из галерных офицеров российских, которые были в Венеции и по-италиански умеет, подобного тому, как Иван Неплюев, которой ныне при турецком дворе обретается»²². Действительно, Алексей (как и Кашкин) был одним из гардемарин, прибывших в 1716 г. по просьбе венецианцев для защиты Корфу [Рачинский, 1875, с. 109].

¹⁶ АВПРИ. Ф. 41. Сношения России с Венецией. 1722. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 5. Относительно внука Рагузинского тут, скорее всего, ошибка. У графа Владислава был сын Лука, 1698 г. р., но, насколько известно, у того не было детей. См.: [Дучич, 2009, с. 286–287]. Отсутствие прямых родственников прервало род Владиславичей, что сделало невозможным передачу наследства прямым потомкам. Близким и доверенным лицом был его племянник Моисей Иванович. Возможно, он и имеется здесь в виду. Димитрий Кантемир – молдавский и российский государственный деятель и ученый. Господарь Молдавского княжества (1693, 1710–1711). Светлейший князь России (1711) и Священной Римской империи (1723), российский сенатор (1721) и тайный советник (1722).

¹⁷ АВПРИ. Ф. 41. Сношения России с Венецией. 1722. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 13 об. – 14 об.

¹⁹ Там же. Л. 15 – 15 об.

²⁰ Там же. Ед. хр. 3. 1722. Отправление (не состоявшееся) в Венецию галерного лейтенанта Ивана Алексея в чине резидента. Л. 1 – 2 об.

²¹ Там же. Л. 33.

²² Там же. Л. 3 об.

Резолюция Петра об избрании резидента из галерных офицеров была поставлена на предложении коллегии еще 21 апреля, а 5 июля 1722 г. КИД избрала Алексеева, о чем имеется упоминание в документах²³. В деле отложился не датированный черновик инструкции Алексееву. В нем параграф 4 гласит: «Ему резиденту <...> домогаться у речи посполитой венецкой пристойным образом прежнюю в Венеции христианскую восточного благочестия церковь возратить, в чем ему, резиденту, прилежное и крайнее свое старание прилагать, а ежели того получить невозможно, и надежды возвращения оной церкви уже не будет, то ему, резиденту, предложить оным христианом такой к получению желания их способ, чтобы купить тамо в Венеции в пристойном месте на его резидентское имя двор, на котором ему, резиденту, построить православную церковь, в которой уже возмогут они вся по благочестию церковному исправлять и потребами довольствоватца безпрепятственно, где и епископа, выбрав, посвятить надлежит, в чем от речи посполитой венецкой спору и препятия быть нечаемо»²⁴. На этом, в сущности, проект об отправлении Алексеева в Венецию заканчивается. О его исходе узнаём из документов, касающихся отца Герасима Фоки.

Более чем через год после событий, изложенных в документах обоих дел, 25 сентября 1723 г., в деле Фоки встречаем проект указа Петра на основании челобитной архимандрита, которую тот подал 30 августа того же года в синод о том, что просит отпуску²⁵.

1 октября 1723 г. Фока вновь пишет челобитную уже на имя царя. Вероятно, это был формальный запрос, чтобы получить основание на выдачу денег на дорогу. Тут он вновь просит отпустить его домой, «видя себе во всяком забвении и не имея чем содержаться в чужестранстве будучи»²⁶. Письмо передал в КИД 20 октября 1723 г. П. А. Толстой²⁷.

Далее, 29 октября из КИД, которую Петр уполномочил подумать о денежном довольствии отъезжавшего архимандрита, в Святейший и правительствующий синод было отправлено донесение, где излагалась краткая история вопроса о приезде Фоки, о его не востребовавности в данный момент и бедственном материальном положении. Здесь же впервые раскрывается причина, по которой И. Алексеев все-таки не был отправлен в Венецию: «Понеже потом получено известие, что венецкой прежде бывшей князь умре, а по смерти оного выбран в Венеции другой князь [от которого к его императорскому величеству о избрании его в князи объявления еще донныне не было], и для того и иных причин помянутое отправление в Венецию резидента его императорского величества остановилось»²⁸. Кроме того, КИД указывает, что у них, согласно «табельному окладу», не имеется средств на оплату таких категорий приезжих. В сущности, эта отписка синоду имела целью переложить обеспечение неприкаженного греческого архимандрита на сенат, о чем неоднократно повторялось в тексте.

Наконец, история завершается указом Петра от 1 декабря 1723 г. о выдаче Герасиму паспорта и ста пятидесяти червонцев на проезд.

Так закончилась вторая попытка греческого братства Венеции «достучаться» до российского правительства.

О главном герое этой истории, отце Герасиме Фоке, как было сказано, известно очень немного. Он происходил из семьи византийской знати, осевшей на Кефалонии. Оказавшись в Венеции по случаю, не умея и не желая подстраиваться под текущую ситуацию, требовавшую от священника большой гибкости, Герасим сделался знаменем несогласных с захватом храма. Изгнание сподвигло его отправиться искать правды в Россию, где поначалу казалось, что обстоятельства были благоприятными.

²³ АВПРИ. Ед. хр. 3. 1722. Отправление (не состоявшееся) в Венецию галерного лейтенанта Ивана Алексеева в чине резидента. Л. 4 – 4 об.

²⁴ Там же. Л. 13–15.

²⁵ Там же. Ф. 41. Сношения России с Венецией. 1722. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 19 – 19 об., 22.

²⁶ Там же. Л. 21.

²⁷ Там же. Л. 23. П. А. Толстой – русский государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра Великого, один из руководителей Преображенского приказа и Тайной канцелярии, действительный тайный советник.

²⁸ АВПРИ. Ф. 41. Сношения России с Венецией. 1722. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 25–27. Скончался Джованни II Корнаро (годы правления 1709–1722), а на его место был избран Себастьяно Мочениго (годы правления 1722–1732).

Греческие историки Цицели и Мазараки вообще считали его миссию весьма успешной и утверждали, что во время своего пребывания в России он был придворным священником и даже духовником царя [Τσιτσέλης, 1904, s. 737]. Мазараки (правда, без каких-либо ссылок на источники) сообщает следующие факты. При отправлении из России Петр в знак своего расположения к Фоке подарил ему пять ценных икон с изображениями русских святых. Герасим отправился с ними в Константинополь и скончался там от чумы. Его брат Марин впоследствии продал эти иконы за триста цехинов известному коллекционеру Алессандро Грегорио Каппони, который затем оставил их в дар отцам иезуитам [Μαζαράκης, 1843, s. 37].

Если верить Мазараки, то получается, что уже, по-видимому, престарелый архимандрит поехал не на родину, а в Константинополь. Вполне вероятно в таком случае, что он пытался там представить свою миссию в России как успешную и искал для себя епископского посвящения, чтобы продолжить борьбу за восстановление православной митрополии в Италии.

Несмотря на отсутствие сведений об образовании и о дальнейшей судьбе этого игумена, важно, что он был единственным посланцем православной Венеции в священном сане, побывавшим в России.

При всех его симпатиях к единоверцам и в первом, и во втором случае с ходатайствами за венецианских греков действия царя были продиктованы обстоятельствами политического свойства.

Если послание 1710 г., формально будучи обращенным к венецианскому сенату, на деле призывало к общей борьбе греков и славян против османского владычества и в таком качестве было услышано и воспринято, то проект с отправлением резидента имел уже иной характер. Он должен был стать дипломатической акцией государства-победителя, поднявшегося на уровень империи и с этой высоты пытавшегося влиять на европейскую политику. В силу этого, во-первых, имелось в виду создать в республике полноценное дипломатическое представительство, которое, во-вторых, оказывало бы влияние на местных единоверцев – греков и славян и, как следствие, распространяло бы его оттуда на Балканы. Характерно, что обе акции – основание консульства в 1711 г. и проект дипломатического представительства в 1722 г. – осуществлялись под предлогом защиты православных греков.

Сама кандидатура резидента, военно-морского офицера, должна была прибавить веса действиям императора, который по-прежнему рассчитывал на греков и славян как в политической, так и в коммерческой сфере, а его ходатайство должно было еще выше поднять его престиж в глазах единоверцев и европейцев.

Однако, по-видимому, претензии царя показались венецианцам чрезмерными, а открытие резидентуры запоздалым – битвы отгремели, военные союзы были более неактуальными, а возможные новые волнения в среде греков пугали власти: Мочениго «не отозвался» о своем избрании²⁹.

Послесловием к неудавшемуся проекту стали рапорты Саввы Рагузинского от 5 и 11 февраля 1724 г. с предложением на место консула одного из двух кандидатов – купца Траяна Лалика и банкира Николая Кареяни³⁰. Петр «повелел спросить о нем (о Лалике. – А. Я.), греческой ли веры, и ежели греческой, то на то соизволил»³¹. Однако никаких действий в реальности предпринято не было, и работа российского консульства в Венеции возобновилась только при Екатерине II.

Нормализация же православной церковной жизни в Венеции отложилась на несколько десятилетий. Когда во главе храма будет вновь стоять Филадельфийский митрополит, в лагуне

²⁹ Проект основания полноценного посольства Венеции в России обсуждался во время войны Священной Лиги в 1697 г., и был даже назначен резидент, но по заключении Карловицкого мира необходимость в открытии дипломатической миссии отпала. См.: [Шмурло, 1894, с. 135, 253–255].

³⁰ АВПРИ. Ф. 41. Сношения России с Венецией. 1724. Оп. 1. Ед. хр. 1. Предложения в Коллегию иностранных дел надворного советника Савы Владиславича Рагузинского о рекомендации в консулы в Венецию торгового человека славянина Троиана Лалика или венецианина банкира Николая Кареяни.

³¹ Там же. Ед. хр. 3. Л. 33 об.

появится наконец и полноценный российский представитель в статусе «полномочного министра». При посольстве будет учреждена домовая церковь, которая, правда, просуществует чуть больше 10 лет.

Ниже публикуются несколько документов, касающихся приезда в Россию игумена Герасима Фоки, проекты указов императора Петра Великого, предложенные Коллегией иностранных дел, челобитная Фоки. Они хранятся в АВПРИ в ф. 41, «Сношения с Венецией», и относятся к периоду 1722–1724 гг. При подготовке текста соблюдались правила публикации исторических документов XVII–XVIII вв. Текст набран с сохранением орфографических особенностей оригинала, но вышедшие из употребления буквы алфавита заменены современными, «ъ» и «ь» в конце слов опущены. Пунктуация современная.

1. 22 мая 1722 г. – Проект указа Петра I, подготовленный в Святейшем синоде. Сообщается, что в Священной римской империи, Польше и Венеции утесняют православных.

(л. 1) Указ его величества императора и самодержца всероссийского из Святейшаго правительствующаго синода в Коллегию иностранных дел.

В прошедших числах в поданных в Святейший правительствующий синод разных персон доношениях объявлено, что в Цесарии, в Венеции и в державе цесарской и в Полше и в других странах православным, тамо обретающимся, чинится много от инославных утеснение, о чем в посланных при сем указе со оных доношений копиях имянно показано, и прешедшаго апреля в 12 день Всепресветлейший державнейший ПЕТР великий император и самодержец всероссийский, будучи в сенате, в присутствии синода и сената, по предложенному от онаго синода о таком правоверных утеснении докладу указал послать из синода в Коллегию иностранных дел указ с таким предложением, чтоб о обретающихся в Венеции христианах [о которых прибывшаго оттоле в Россию игумена Герасима доношение в синод подано] писано было из оной коллегии до кого надлежит, дабы оные христиане от инославных не были утесняемы, а ради свободного на славословие Божие имени собрания, послать бы из России в Венецию резидента, которой бы, собрав тамо православных, объявил им охранительную его Императорского Величества протекцию и домогался прежнюю в Венеции христианскую восточного благочестия церковь возвратить, а ежели того получить не возможет, и надежды возвращения оной уже не будет, то предложил бы оным христианом такой к получению желанья их способ, чтоб купить в пристойном месте // (л. 1 об.) на ево резидентское имя двор, на котором ему, резиденту, построить православную церковь, в которой уже возмогут они вся по благочестию церковная исправлять и потребами довольствоватца безпрепятственно, где и епископа, выбрав, поставить, а оному игумену удобное место в России приискать и определение учинить в синоде. Также по доношению из Далмации требенского монастыря архимандрита Леонтия оному резиденту домогаются, дабы посвященного сербским патриархом в Далмацию епископа Стефана Любибратича из Далмации не выгонять, и в законе греческаго исповедания обывателем тамошним препятия не чинить, и которые православные в княжестве мунтянском, в провинции за Олтом рекою обретающиеся монастыри приписаны суть Гробу Святому, Синайской и Афонской Горам и протчим святым местам, не были утесняемы, но всяко свободны, и как издавна обычай был, так и ныне чтоб были под властью тех, которые по времени и по преемничеству бывают патриархи иеросалимские, архиепископы синайские, и архимандриты Святыя горы, дабы они власть имели поставлять и низлагать игуменов, и щоты от них принимать по древнему обыкновению, и дабы тоя страны монастыри и церкви святыя свободны были от всяких градских платежей, и правительств, также игумены тех монастырей имели бы власть собирать доходы, которые древние их здатели мунтянские князи на милостыню определили с сел и с подданных им цыганов, и дабы оные цыгане архимандритом и игуменом своим // (л. 2) были во всем послушны, как о том дипломами княжескими

издревле уставлено и утверждено, подобным образом которое утеснение и в Трансильванской земле обитающим волохом и мунтяном издревле до архиепископа мунтянского во всяком церковном правительстве надлежащим ныне от законников западные церкви слышится, требовать сего, дабы они по древнему обыкновению были под правительством мунтянского архиепископа, и он бы полную имел власть во всяком над ними церковном правлении по правилам и уставам святыя восточныя церкви, а о утесняемых в Полще униятами православных, писать бы ис Коллегии иностранных дел ко двору королевского величества дабы оные содержаны были по мирным контрактом без утеснения и без всякого в православии препятия, о чем во охранение и крепкие термины употребить, а для лучшаго охранения послать в Полщу камисара, которой бы о таких случаях желательные, ко облегчению употреблял промыслы, а ради твердаго благочестивых в православии содержания, отправить с ним камисаром из России известную в таковых поступках духовную персону, и Коллегии иностранных дел о вышеписанном, что до действительного о ней отправления надлежит, учинить по сему его императорского величества указ, а какие меры в том употреблены, и что учинено будет, о том в святейший правительствующий синод подать доношение.

Обер-секретарь Тимофей Палехин

28 мая
1722 году
Ермолай Пасторов

Подано Маия 29 1722 Государю.

АВПРИ. Ф. 41. 1722. Оп. 1. Ед. хр. 2. Приезд из Венеции игумена / пожалованного потом в архимандриты / кефалонитянина Гарасима Фоки с жалобою на Венециан о уничтожении тамо греческой церкви, о утеснении благочестиваго исповедания людей, и с прошением о посылке туда для сего дела Российского резидента, а потом отпуск его из России в его отечество. Л. 1–2. Подлинник.

2. 22 марта 1722 – Донесение игумена Герасима Фоки в Святейший синод о положении дел в церкви святого Георгия в Венеции, о его действиях в защиту православия и о гонениях против него.

(Л. 3) Копия

Святейшему и правительствующему Синоду
Доношение

Когда оставил Восточную церковь Мелетий Апостат Филадельфийский митрополит и к латинам обратился с некоторыми в том ему согласующими священниками, тогда венецианский сенат повелел, дабы в греческой церкви, в Венеции сущей, отправлялася служба потом от тех священников, которые латинския догматы приемлют: того ради мнози, скверным прибытком привлечены, веру римскую явно исповедавшие, церковь оную хотя и взяли, однакож никтоже от греков входил в ню, но вси семо и овамо волочилися, аки овцы, не имущи пастыря. В таковом состоянии, егда я в Венецию из Кефалонии, моего отчества, пришел ради домашних нужд, тогда крайним молением от наших был прошен, во еже бы мне восприяти попечение оныя // (л. 3 об.) церкви и душ единоверных, соизволих и zelo охотно, хотя о том и ведал, что превеликое бремя и бедство надлежит мне. Темже вскоре по восприятии служения оного умолчах имя папы римскаго, которое высоким гласом и с честностию в службах церковных поминалося по обыкновению, и миро-помазанием, от патриарха константинопольскаго присланным, помазовал младенцев после крещения, что и иныи греко-латинстии священники

прежде оного употребляли, которое от папы римскаго присылалось, и да реку вкратце: вся тогда таинства и службы церковныя по обыкновению и по чину святых восточных церкви: чрез два лета подавах оттуду, помогающе Богу: вси грецы прежде рассточенны, во едину ограду паки собравшися, в церковь свою ходили, и от меня вся таинства принимали. Сего не терпяще греко-латинстии священники, Мелетия Апостата ученицы, доношение венецианскому патриарху на мене подали. Вины же которых мне причитали, сии суть // (л. 4)

1. яко нашим проповедал я литургию латинскую неистинное быти таинство, понеже во опресноках сотворенна есть;

2. яко таинство сие бывает не силою словес Господних, яже историческим весьма образом читаются, но призыванием Святого Духа и служением священника,

3. яко имя папы римскаго из диптихов откинул я и поминать его не хотел.

4. яко во западной церкви ни единого спасение есть,

5. что в неделю православия, Варлаама и Акиндина яко единомысленных латином анафематизах, Фотия же патриарха и Андроника императора, нарицах блаженными.

6. что службу святого Григория Паламы совершал.

7. что оных, которых исповедовах, первее повелевах, дабы латинския заблуждения проклинали, а потом бы разрешения принимали,

8. что папа римский погрешити может, ниже выше соборов, ниже верховный в патриархах есть, а которых папу верховным нарицают, и тому поклоняются, тех идолопоклонниками паче, нежели христианами нарицати подобает: // (л. 4 об.)

9. яко таинство елеосвящения не при самой смертной кончине подавах,

10. что латини впадают в ересь македониеву, верующе яко Святой Дух от Отца и Сына исходит,

11. что турчина некоего к нашей вере обратих противно уложению речи посполитых оных, по которому жиды или турчина веру Христову прияти хотящаго: не от греков, но от латинской церкви приимати повелевается.

12. что понеже Мелетий Апостат и греко-латинстии священники оному единомыслию от восточных церкви были извержены, того ради вся таинства от них совершаемая, глаголах быти тщетна и ни единыя же силы имущая. Сия вины мне причитались, и донесены были патриарху венецианскому, а от патриарха сенату Георгии Патусса, и Спиридон Красса греко-латинстии священники: Франциск Кулумбии, и Зосим Манзавин греко-латинстии иеродиаконы были и оглагольницы, и свидетели, которых перед самым сенатом спрашиваны, сказали и публичною присягою // (л. 5) подтвердили сия вещи быти тако: а сенат, понеже не могл меня имети во узах, того ради уставил, дабы я за границами их области умерл: яко еретик и римской церкви враг жесточайший. Потом, егда я в Венеции жил тайно, и о установлении сего Святейшаго правительствующаго синода ничтоже ведая, именем всех греков, в Венеции обитающих, писах к преосвященному митрополиту Рязанскому яко эксарху патриаршескому, со смирением онаго прося, дабы бедное церкви наша состояние преосвященному и православному нашему императору предложил, дабы его императорское величество дело сие толь благочестивое и славное и богоприятное воприят и нашу церковь от ига папешского свободил, равною славою, каковую шведский король Кароль 12 при Иосифе императоре лютеранские кирхи не оружием, не бранью, но письмами и прещениями в Германии учинил свободны. Сии мои письма до рук его преосвященства от внука господина Саввы Владиславовича, чрез котораго послал их, отданы суть. И от князя Кантемира на российской язык преведенны суть; // (л. 5 об.) Преосвященному ж нашему императору, на которого по Бозе полагаем надежду нашу, явлены ли суть или ни весьма, не ведаю; в то время папа римский Климент «12» свое мучительство мне, бедному, показать умыслил, писал письма к речи пасполитой благодарныя за толикую их ревность к церкви римской, купно ж и просил, дабы меня в руках держали и жестоко казнили, дабы такового дерзновения, потом протчих грецы не творили. Сия егда услышах и толь долго желаемого ответу не получих, тай избежах и чрез огонь и воду прешед,

к священным стопам всемилостивейшего нашего императора приидох, к которым припадая не о чем ином именем всех прошу всенижайше, токмо о прежней свободе наша церква.

На подлинном доношении помечено тако: 1722 г. марта в 22 день, написать в реэстр.

Там же. Л. 3–5 об. Подлинник.

3. 25 июля 1722 – Проект указа Петра I о решении направить в Венецию резидента с полномочиями по защите православных.

(л. 14) Указ его величества императора и самодержца всероссийского из Святейшаго правительствующаго синода в Коллегию иностранных дел.

Сего июля 23 дня.

По его императорского величества указу Святейший правительствующий синод прибывшаго из Венеции игумена Герасима Фоки прошения слушал и, согласясь с правительствующим сенатом, приговорили произвести ево, игумена, во архимандрита и именоваться ему архимандритом Валамского монастыря, которой монастырь при Ладожском озере на Валамском острове обретается, и о вышеобъявленном во архимандрита посвящении послать из синода к преосвященному Леониду архиепископу Сарскому и Подонскому его императорского величества указ и по посвящении ево во архимандрита привести ко обыкновенной присяге и потом отправить ево с указом в Коллегию иностранных дел, ис которой надлежит ему отправлену быть в Венецию с определенным тамо резидентом как для священнослужения и духовных потреб, так и ради домогательства // (л. 15 об.) обретающихся тамо православной церкви, которой тамошняа благочестивые обыватели возвращения себе требуют, а доколе тоя церковь по желанию своему получают, по то время священнослужение отправлять в домовою онаго резидента церкви, которую он на квартире своей иметь должен, и о том во оную Коллегию послать указ, и Коллегии иностранных дел о вышеписанном учинить по его императорского величества указу, а оной игумен во архимандрита посвящен и обыкновенной присяге приведен и послан во оную Коллегию.

При сем обер-секретарь синода Палехин Тимофей
Герасим Семенов

Канцелярист Иван Патре<нрзб. >

Июля 25 дня 1722 году

Там же. Л. 15–16 об. Подлинник.

4. 25 сентября 1723 – Проект указа Петра I об отпуске архимандрита Герасима Фоки обратно в Венецию³².

(л. 19) Указ его величества императора и самодержца всероссийского.

Из канцелярии Святейшаго правительствующаго синода
В ыностранныю Коллегию.

Прешедшаго Августа 30 числа сего года в доношении в Святейший синод прибывшаго из Венеции архимандрита Фоки написано, прибыл он в Санкт-Петербург за делом, которое не неизвестно и Святейшему правительствующему синоду и потому определено ему ехать из Москвы в Венецию с резидентом архимандритом, но чрез многое время не отправлен,

³² На л. 20 об приписка: «Получено в Коллегии иностранных дел в 1 окт. 1723 г.».

а ныне за тем же прибыл в Санкт-Петербург, понеже никакого о нем и доселе определения и жалования не учинено, того ради пребывает он во всеконечной скудости, отчего не имеет приюта и препитания и самая // (19 об.) дневная пища. И чтоб о том указ учинить. И сего сентября 24 дня по его императорского величества указу и по согласию Святейшаго правительствующаго синода приговору велено по оному ево архимандричьему требованию надлежащее определение по его императорского величества указом учинить в иностранной Коллегии, того ради что все иностранных государств в Великороссию прибывшие всяким определением в ведение той иностранной Коллегии; И иностранной Коллегии общеписанном учинить по его императорского величества указу.

Обер-секретарь Тихон Палехин
Василей Тишин
Канцелярист Григорей Нестеров
Сентября 25 дня
1723 году

Там же. Л. 19–19 об. Подлинник.

5. 1 октября 1723 – Челобитная архимандрита Герасима Фоки на имя императора Петра с просьбой отпустить его домой.

(л. 21) Всепресветлеишии державнейишии император и самодержец всероссийский Петр Великий, отец отечества, Государь всемилостивейишии.

Хотя меня низайшего святейишии правительствующий синод со всяким милосердием восприял, купно ж и мое прошение, на которое и всемилостивейиший указ вашего императорского величества мне объявлен, и архимандритом пожалован, но ныне, видя себе во всяком забвении и не имея, чем содержать, в чужестранстве будучи: всемилостивейишии император, всеподданно ваше величество прошу, да повелит державство ваше меня пашпортом пожаловать из своей государственной Коллегии иностранных дел, чтоб я мог в мое отечество возвратиться и тамо з бедными моими единоземцами плакать горькое наше нещастие, притом же всемилосерднейше призря на мои дневные харчи и на которые впред принужден поднести далностию такого пути монаршескою и христианнейшею своею великодушностию, да соблаговолит повелеть мене и на харчи дорожные чем удовольствовать, ибо без оной помощи буду находитьца в последнее разорение и в срамнейшую нищету, не имея чем из России выехать.

Вашего императорского величества всеподданнейший раб архимандрит Герасим Фока
1723 году октября в 1 день
Γεράσιμος Αρχιμανδρίτης ο Φωκάς

1723 октября 2 <нрзб. > сию челобитную отдал в Коллегию иностранных дел действительный тайной советник и кавалер Петр Андреевич Толстой

Там же. Л. 21. Подлинник.

Список литературы

- Бантыш-Каменский Н. Н.** Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. Т. 2. 271 с.
Дучич Й. Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I / Пер. с серб. В. Н. Соколова. СПб.: Скифия, 2009. 304 с.

- Каптерев Н. Ф.** Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, 1885. 579 с.
- Опарина Т. А.** Западный опыт греческих светских мигрантов первой половины XVII века // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 137–142.
- Панченко К. А.** Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М.: Индрик, 2012. 656 с.
- Рачинский А. В.** Первые русские гардемарины за границей в XVIII столетии // Русский Вестник. 1875. Т. 120. № 2. С. 83–110.
- Флоря Б. Н.** Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI – начало XVII в.) // Балканские исследования. М., 1978. Вып. 3. С. 57–63.
- Флоря Б. Н.** Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6. С. 174–188.
- Фонкич Б. Л.** Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв., М.: Наука, 1977. 246 с.
- Ченцова В. Г.** Икона Иверской Богоматери. (Очерки истории отношений Греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М.: Индрик, 2010. 416 с.
- Шмурло Е. Ф.** Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. // Учен. зап. Имп. Юрьевского ун-та. Юрьев, 1894. № 3. Прилож. 326 с.
- Ястребов А. О.** Ходатайство Петра I за православных Венеции как часть российской внешней политики (публ., вступ. статья, коммент. А. О. Ястребов) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1 (68). С. 123–140.
- Ястребов А. О.** Русский посол при Блистательной Порте и венецианские греки // Клио. 2017. № 2 (122). С. 78–87.
- Ястребов А. О.** Новые сведения о деятельности митрополита Мелетия Типальда на рубеже XVII–XVIII вв. // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории: к 70-летию профессора Н. С. Борисова. СПб., 2020. С. 296–306.
- Βελοῦδης Ι.** Ελλήνων ὀρθοδόξων ἀποικία ἐν Βενετία, 2 ἐκδόση, Βενετία: τυπογραφεῖον Φοῖνιξ 1893. 199 s.
- Γεδεών Μ.** Τυπάλδου, Στάη συμμορία (1686–1712). Σημείωμα περί των ἐν Βενετία θρησκευτικῶν ταραχῶν // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1913. № 33. S. 266–320.
- Καραθανάσης Α.** Η Φλαγγίνειος Σχολή της Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1975. 396 s.
- Λιοσάτου Ε.** Ἐγγραφα τῆς ἐκκλησίας των Ελλήνων ἀπὸ το Ἱστορικὸ Πατριαρχικὸ Ἀρχεῖο Βενετίας: στοιχεῖα γιὰ τον ἱερέα Γεράσιμο Φωκά, εφημέριο του Ἁγίου Γεωργίου Βενετίας (1718–1720) // Τα ἐκκλησιαστικὰ ἀρχεῖα, πηγὴ ἱστορίας καὶ πολιτισμοῦ τῆς Κεφαλониᾶς, Ἀργοστόλι Κεφαλониᾶς, 4–6 Ὀκτωβρίου 2018. Πρακτικά (Ἰακωβάτειος Βιβλιοθήκη, 5). Ληξούρι, 2022. S. 89–98.
- Μαζαράκης Α.** Βιογραφίαι των ἐνδόξων ἀνδρῶν τῆς νήσου Κεφαλληνίας. Ἐν Βενετία: Φοῖνιξ, 1843. 672 s.
- Μανούσάκας Μ., Γ. Σκουλάς Ι.** Τα ληξιαρχικά βιβλία τῆς ἐλληνικῆς ἀδελφότητος Βενετίας. Α' πράξεις γάμων (1599–1815). Βιβλιοθήκη του ἐλληνικοῦ ἰνστιτούτου Βενετίας βυζαντινῶν καὶ μεταβυζαντινῶν σπουδῶν № 13. Βενετία, 1993. 157 s.
- Μπόμπου-Σταμάτη Β.** Ἀναφορά Ἑλλήνων τῆς Βενετίας στον οἰκουμενικὸ πατριάρχη Καλλίνικο Β' γιὰ το Μελέτιο Τυπάλδο (1700) // Θησαυρίσματα. 1978. № 15. S. 98–105.
- Τσιτσέλης Η.** Κεφαλληνιακά σύμμικτα. Ἐν Ἀθήναις: Π. Λεωνῆς, 1904. Τ. 1. 951 s.

References

- Bantysh-Kamensky N. N.** Obzor vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 g.) [Review of the External Relations of Russia (until 1800)]. Moscow, Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana, 1896, 271 p. (in Russ.)

- Bobou-Stamati V.** 'Anaforá 'Ellinon tes Venetias ston oikoumenikó patriarchi Kalliniko V' gia to Meletio Typaldo (1700) [Report of the Greeks of Venice to the Ecumenical Patriarch Callinicus II about Meletius Typaldos (1700)]. *Thesaurismata*, 1978, no. 15, pp. 98–105. (in Greek)
- Chentsova V. G.** Ikona Iverskoi Bogomateri. (Ocherki istorii otnoshenii Grecheskoi tserkvi s Rossiei v seredine XVII v. po dokumentam RGADA) [Icon of the Iberian Mother of God. (Essays on the History of Relations between the Greek Church and Russia in the Middle of the 17th Century According to the Documents of RSAAD)]. Moscow, Indrik Publ., 2010, 416 p. (in Russ.)
- Duchich J.** Graf Savva Vladislavich. Serb-diplomat pri dvore Petra Velikogo i Ekateriny I. Perevod s serbskogo V. N. Sokolova [Count Savva Vladislavich. Serbian Diplomat at the Court of Peter the Great and Catherine I. Transl. from Serbian by V. N. Sokolov]. St. Petersburg, Skifiya Publ., 2009, 304 p. (in Russ.)
- Florya B. N.** Vykhodtsy iz balkanskikh stran na russkoi sluzhbe (konets XVI – nachalo XVII v.) [Natives of the Balkan Countries in the Russian Service (Late 16th – Early 17th Century)]. In: *Balkanskie issledovaniya* [Balkan Studies]. Moscow, 1978, iss. 3, pp. 57–63. (in Russ.)
- Florya B. N.** Rossiya, sambul'skie greki i nachalo Kandiiskoi voyny [Russia, Istanbul Greeks and the Beginning of the Candian War]. In: *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and Their Neighbours]. Moscow, 1996, iss. 6, pp. 174–188. (in Russ.)
- Fonkich B. L.** Grechesko-russkie kul'turnye svyazi v XV–XVII vv. [Greek-Russian Cultural Relations in the 15th – 17th Centuries], Moscow, Nauka, 1977, 246 p. (in Russ.)
- Gedeon M.** Typaldou, Stae simmoria (1686–1712). Simeíoma perí ton en Venetia thriskeftikón tarachón [Typaldou, Staís Gang (1686–1712). Note on the Religious Troubles in Venice]. *Ekklesiastiki Alitheia*, 1913, no. 33, pp. 266–320. (in Greek).
- Karathanasis A.** I Flagginieos Schole tes Venetias [The Flanginian School of Venice]. Thessaloniki, 1975, 396 p. (in Greek)
- Kapterev N. F.** Kharakter otnoshenii Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiyakh [The Nature of Russia's Relations to the Orthodox East in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Tipografiya L. F. Snegireva, 1885, 579 p. (in Russ.)
- Liosatou E.** Engrafa tis ekklesias ton Ellinon apo to Istoriko Patriarchiko Archeio Venetias: stoiceia gia ton ierea Gerasimo Foka, efimerio tou Agiou Georgiou Venetias (1718–1720) [Documents of the Greek Church from the Historical Patriarchal Archive of Venice: Information about the Priest Gerasimos Fokas, Rector of St. George Church in Venice (1718–1720)]. In: *Ta ekklesiastika archeia, pigi istorias kai politismou tis Kefalonias*. Argostoli Kefalonias, 4–6 Oktovriou 2018. *Praktika* (Iakovateios Vivliothiki, 5) [The Church Archives, Source of History and Culture of Kefalonia, Argostoli Kefalonia, October 4–6, 2018. Proceedings (Iakovateios Library, 5)]. Lixouri, 2022, pp. 89–98. (in Greek)
- Mazarakis A.** Biographiai ton endoxon andron tes nisou Kefallinias [Biographies of the Glorious Men of Cephalonia Island]. Venice, Phoenix, 1843, 672 p. (in Greek)
- Manousakas M., G. Skoulas I.** Ta lixiarxika vivlia tes ellinikes adelphotetos Venetias. A' práxeis gamon (1599–1815) [The Registry Books of the Greek Brotherhood of Venice. A' Acts of Marriages (1599–1815)]. In: *Vivliothíki tou ellinikou institútou Venetias Vyzantinón kai metabyzantinón* № 13 [Library of the Venice Greek Institute of Byzantine and Post-Byzantine Studies, no. 13]. Venice, 1993, 157 p. (in Greek)
- Oparina T. A.** Zapadnyi opyt grecheskikh svetskikh migrantov pervoi poloviny XVII veka [Western Experience of Greek Secular Migrants in the 1st Half of the 17th Century]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya* [Rus, Russia. Medieval and Modern History], 2019, no. 6, pp. 137–142. (in Russ.)
- Panchenko K. A.** Blizhnévostochnoe pravoslavie pod osmanskim vladychestvom. Pervye tri stoliatiya. 1516–1831 [Near Eastern Orthodoxy under Ottoman Rule. The 1st Three Centuries. 1516–1831]. Moscow, Indrik Publ., 2012, 656 p. (in Russ.).

- Rachinsky A. V.** Pervye russkie gardemarinny za granitse v XVIII stoletii [The First Russian Midshipmen Abroad in the 18th Century]. *Russkii Vestnik [Russian Herald]*, 1875, vol. 120, no. 2, pp. 83–110. (in Russ.)
- Shmurlo E. F.** Otchet o dvukh komandirovках v Rossiyu i za granitsu v 1892/3 i 1893/4 gg. [Report on Two Trips to Russia and Abroad in 1892/3 and 1893/4]. In: *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta [Scientific Notes of the Emperor's Yuriev University]*. Yuriev, 1894, no. 3, 326 p. (in Russ.)
- Tsitselis I.** Kefalliniaka symmiktá [Kefallinian Miscellany]. Athens, P. Leonis Publ., 1904, vol. 1, 951 p. (in Greek)
- Veloudis I.** Ellinon orthodoxon apoikia en Venetia [Hellenic Orthodox Colony in Venice]. Venice, Phoenix Publ., 1893, 199 p. (in Greek)
- Yastrebov A. O.** Khodataistvo Petra I za pravoslavnykh Venetsii kak chast' rossiiskoi vneshnei politiki (publ., vstup. stat'ya, komment. A. O. Yastrebov) [The Petition of Peter the Great for the Orthodox Christians of Venice as Part of Russia's Foreign Policy (The Introductory Article, Publication and Note by A. Yastrebov)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [St. Tikhon's University Review. Series 2: History. Russian Church History]*, 2016, vol. 68, no. 1, pp. 123–140. (in Russ.)
- Yastrebov A. O.** Russkii posol pri Blistatel'noi Porte i venetsianskie greki [Russian Ambassador to the Brilliant Porte and the Venetian Greeks]. *Klio [Clio]*, 2017, vol. 122, no. 2, pp. 78–87. (in Russ.)
- Yastrebov A. O.** Novye svedeniya o deyatelnosti mitropolita Meletiya Tipal'da na rubezhe XVII–XVIII vv. [New Information about the Activities of Metropolitan Meletius Typald at the Turn of the 17th – 18th Centuries]. In: “Vosstanet tsesar' v opustevshei zemle”: lyudi, vremya i prostanstvo russkoi istorii: K 70-letiyu professora N. S. Borisova [“Caesar will rise in deserted land”: People, Time and Space of Russian History: To the 70th Anniversary of Professor N. S. Borisov]. St. Petersburg, 2020, pp. 296–306. (in Russ.)

Информация об авторе

Алексей Олегович Ястребов, кандидат исторических наук, PhD в области философии
Scopus Author ID 57222093751
WoS Researcher ID ABB-8823-2020

Information about the Author

Alexey O. Yastrebov, Candidate of Sciences (History), PhD in Philosophy
Scopus Author ID 57222093751
WoS Researcher ID ABB-8823-2020

Статья поступила в редакцию 27.02.2023;
одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 27.07.2023
The article was submitted on 27.02.2023;
approved after reviewing on 15.05.2023; accepted for publication on 27.07.2023

Научная статья

УДК 94(47).06+94(47).07

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-71-81

Взаимодействие епархиального начальства с местной администрацией в новой Самарской губернии в 1850–1870-е годы: к вопросу о характере церковно-государственных отношений

Юрий Николаевич Смирнов

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева
Самара, Россия

smirnov195503@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4333-3230>

Аннотация

Статья посвящена взаимоотношениям светской и духовной властей в первые десятилетия Самарской губернии. Выявлен достаточно репрезентативный круг архивных и опубликованных источников по этой теме. В исследовании применены современные методы «локальной истории», «истории повседневности», междисциплинарные практики. Наличие работ, связанных с разными аспектами государственно-церковных отношений, говорит о научной значимости и общественной актуальности их изучения. Показано, что коронная администрация и епархиальное начальство в новой губернии согласовывали действия, «соработничали» при решении общезначимых социальных и культурных задач. В условиях модернизации второй половины XIX в. к сотрудничеству с ними привлекались и возникавшие элементы гражданского общества.

Ключевые слова

Россия в XIX в., Самарское Поволжье, локальная история, администрация, церковь, гражданское общество, модернизация

Для цитирования

Смирнов Ю. Н. Взаимодействие епархиального начальства с местной администрацией в новой Самарской губернии в 1850–1870-е годы: к вопросу о характере церковно-государственных отношений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 71–81. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-71-81

Interaction of the Diocesan Authorities with Local Administrations in the New Samara Province in the 1850s – 1870s: On the Question of the Nature of Church-State Relations

Yuri N. Smirnov

Samara National Research University
Samara, Russian Federation

smirnov195503@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4333-3230>

Abstract

The article studies the relationship between the secular and spiritual authorities in the first decades of Samara province (from the 1850s until the 1880s). The study utilizes various sources, both newly discovered and previously published, to shed light on this topic. It employs methods such as “local history”, “history of everyday life”, and interdisciplinary practices. Many works related to different aspects of state-church relations indicate the significance and social rele-

© Смирнов Ю. Н., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 71–81
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 71–81

vance of studying this topic. In the 19th century, the diocesan authorities at the local level had goals consistent with the intentions of the imperial administration. Due to modernization, elements of civic society were also involved in cooperating with these authorities. Even though the provincial secular and spiritual supervisors were rigidly subordinated vertically to the higher authorities at the imperial level, they were practically independent. Still, they interacted and “collaborated” in solving common problems in the fields such as education, upbringing, culture, charity, economics, and law. These authorities were united in their opposition to anything that would undermine social stability and in their desire to achieve positive cultural and social changes within the existing state orders.

Keywords

Russia in the 19th century, Samara Volga region, local history, administration, church, civil society, modernization

For citation

Smirnov Yu. N. Interaction of the Diocesan Authorities with Local Administrations in the New Samara Province in the 1850s – 1870s: On the Question of the Nature of Church-State Relations. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 71–81. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-71-81

1 января 1851 г. в Российской губернии появилась новая губерния – Самарская, а вскоре и Самарская епархия. Многие административные, хозяйственные, социально-культурные вопросы, касающиеся их создания и становления, были освещены в ряде публикаций и обобщены в сводных трудах [Якунин, 2021; История Самарского Поволжья..., 2020]. Однако недостаточно изученной остается тема взаимодействия светской и духовной властей губернии в начале их существования.

1850–1870-е гг. были временем трудов первых губернаторов и архиереев по отладке различных звеньев и сторон управления в сложной обстановке подготовки и проведения кардинальных реформ, а также двух тяжелых войн (Крымской и Русско-турецкой). Администрация Самарской губернии и епархиальное начальство старались согласовать свои практики управления. Наряду с конкретно-историческими наблюдениями над такими практиками целью данного исследования стал теоретический анализ характера церковно-государственных отношений, складывавшихся на локальном уровне.

Для оценки этих отношений нередко используется степень их близости к православному идеалу «симфонии» (в переводе с греческого буквально «созвучию» или «согласию») между «священством» и «царством». Этот принцип был сформулирован в VI в. в кодексе византийского императора Юстиниана. С юридической точки зрения он подразумевал автономии государства и церкви, «светской и духовной властей» [Мигунова, Романовская, 2013, с. 148].

«Симфония властей» применительно к различным периодам истории русской православной церкви и государственности была темой ряда исследований и публикаций, в том числе известных российских религиоведов [Шмидт, 2009] и историков [Белякова, 2013]. В авторитетном дореволюционном курсе церковного права Н. С. Суворова допускалась возможность «симфонии» церкви и государства в Российской империи при всем «неудобстве» ее применения в реальном управлении [Суворов, 2004, с. 460]. К иному заключению пришел в после-революционной эмиграции историк церкви А. В. Карташев, считавший, что церковь, безусловно, находилась не в «симфонии» с империей, а в подчинении ей [Карташев, 1996, с. 171]. С последним выводом согласны большинство и современных исследователей, и служителей Русской Православной церкви (Основы социальной концепции, 2008, с. 19, 21) [Цыпин, 2006, с. 460].

Карташев, указывая недостатки имперской системы церковно-государственных отношений, все-таки считал «синодальный» период «самым блестящим и славным в истории русской церкви», поскольку тот был отмечен множеством «подвигов и достижений» ее «талантливых, трогательных и святых по жизни лиц» [Карташев, 1996, с. 172, 179]. При любой политической форме данных отношений, как ныне также подчеркивают религиозные деятели и ученые, церковь была и остается готовой к продуктивному «сотрудничеству» со светскими властями. Прежде всего это касается сфер воспитания, образования, милосердия, но затрагивает и вызывающие обоюдный интерес вопросы управления или хозяйствования (Основы социальной концепции, 2008, с. 6, 8) [Лескин, 2007, с. 172–173]. Таким образом, для

многих современных авторов наличие и степень воплощения «симфонии» властей или «автономии» церкви в государстве вовсе не являются главными критериями оценки и обязательными условиями успешности ее социального служения, выполнения иных функций.

История Самарского края, начавшаяся с середины девятнадцатого столетия в административном отношении как бы заново, дает интересные материалы для изучения складывания конкретных форм и определения характера реального взаимодействия между органами светской и духовной власти в российской провинции. Источниковая база такого исследования представлена документами различных столичных и местных архивов, периодикой и другими опубликованными материалами. Теоретическую основу составляют современные методы «локальной» и «биографической истории», иные проверенные практикой приемы, плодотворность применения которых была показана в ряде работ об истории Самарской епархии и ее деятелях (см. [Артамонова, 2021; Климкина, 2020; Якунин, 2019] и др.). По схожему пути преимущественного описания деятельности архиереев или иных видных служителей церкви на определенной территории шло создание трудов об имперском прошлом других православных епархий, в том числе соседних с Самарской [Горлов, Боброва, 2010]. В данной статье преследовалась цель перейти от событийно-фактографического изложения к более глубокому анализу отношений церковноначалия и местной администрации на региональном уровне.

С административной точки зрения образование Самарской епархии было вторичным шагом в отношении к созданию губернии. Подчиненное положение церкви «синодального периода», включение ее в систему госучреждений проявились в полной мере в императорском указе от 19 января 1850 г. В нем создание новой епархии прямо объявлялось следствием открытия с 1 января 1851 г. Самарской губернии: «...Чтоб сообразно общему положению пределы епархии совпадали с пределами губернии» (Пятидесятилетний юбилей Самарской епархии, 1901, с. 3).

28 марта 1851 г. в Самару прибыл епископ Евсевий (Орлинский). Торжественное открытие епархии состоялось 31 марта [Алабин, 1877, с. 77–78]. Епархиальные учреждения заработали три месяца спустя после начала деятельности губернских органов управления.

Из Государственного Казначейства на содержание штатных служителей епархии (епископа с архиерейским домом, кафедрального собора и консистории) казна отпускала строго оговоренную сумму – около 5 тыс. руб. в год. Еще 4 тыс. руб. выделялось на найм помещений для епархиальных учреждений и служб (Пятидесятилетний юбилей Самарской епархии, 1901, с. 3–4).

Никаких преференций в связи с деятельностью в недостаточно освоенном и многоконфессиональном регионе у новой епархии не было. Это делалось в полном соответствии с административным статусом Самарской губернии, которую отнесли к числу «внутренних губерний Империи» с «нормальными», т. е. обычными, штатами чиновников¹.

Кроме того, из Министерства государственных имуществ для нужд самарского архиерея и его сотрудников были отведены мельница, луг и рыбные ловли, приносящие до 1500 руб. годового дохода. Небольшие лесные и луговые участки были пожертвованы архиерейскому дому от частных лиц. Однако по доходности они не шли в сравнение со средствами, полученными от правительственных учреждений [Алабин, 1877. С. 89].

Церковноначалие в Самаре было поставлено в финансовую зависимость от светских властей, но не губернского, а имперского уровня. Местная администрация не могла изменять или урезать содержание епархии, назначенное столичными ведомствами.

В свою очередь, новооткрытая консистория требовала от губернского правления и всех присутственных мест, чтобы «все светские и духовные люди» были бы «послушны и подсудны» владыке Евсевию «как своему пастырю» [Алабин, 1877, с. 76–77, 80]. Имелось в виду исправление всеми лицами православного вероисповедания христианских обязанностей и их ответственность по отнесенным к ведению церкви гражданско-семейным делам.

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 80. Д. 475. Л. 8, 12.

Из-под религиозного контроля епархии исключалось инославное население, в том числе чиновники неправославных конфессий и даже некоторые руководители местной администрации. Девять напряженных лет с мая 1853 по апрель 1862 г., отмеченных Крымской войной, подготовкой и началом крестьянской реформы, Самарскую губернию возглавляли лютеранин К. К. Грот и католик А. А. Арцимович. С их стороны не было попыток вмешательства в епархиальные дела. Первому же самарскому губернатору С. Г. Волховскому в 1851 – начале 1853 г. хватало собственных забот о создании и налаживании работы органов губернского управления. С точки зрения самостоятельности духовных властей в выполнении ими своих функций на губернском уровне ситуация была гораздо ближе к старинным православным традициям, нежели в имперском центре. Этому еще более способствовали вышеупомянутые специфические самарские условия.

Надо отметить также отсутствие конфликтов между церковной и светской властями как при губернаторах-иноверцах, так и при начальниках Самарской губернии православного вероисповедания за весь рассматриваемый нами период. Сведений о таких конфликтах нет ни в делопроизводстве, ни в источниках личного происхождения. С одной стороны, это свидетельствует о готовности руководителей обеих властей к сотрудничеству, а также об их способности улаживать возникавшие трения и противоречия вне публичного пространства. С другой стороны, четкое разграничение функций, компетенций, а также источников финансирования в значительной мере устраняло риски возможных конфликтов.

Что касается «соработничества» церковных и светских властей в достижении общественно важных целей, то наиболее очевидным оно было в области образования. А. В. Карташев подчеркивал благотворное значение имперского периода особенно для развития духовного образования и науки, православной книжности и журналистики [Карташев, 1996, с. 177]. Епископ Евсевий лично уделял большое внимание религиозному просвещению, будучи церковным писателем – автором книги «О воспитании детей в духе христианского благочестия» (1844).

В 1852 г. в Самаре начало работать духовное училище для сыновей священников и церковнослужителей. Его первым ректором стал протоиерей Иоанн (Халколиванов). Подобно епископу Евсевию, он был воспитанником Московской духовной академии и оставил труды по христианскому просвещению и благотворительности, на которые до сих пор ссылаются православные иерархи². Владыка Евсевий назначил Халколиванова первоприсутствующим членом консистории и кафедральным протоиереем³. На этих должностях отец Иоанн оставался до своей кончины в 1882 г.

В стране, вступившей на путь модернизации, православные пастыри выступали не только как церковные, но и как общественные деятели. Согласимся с авторами, которые включают в число добровольных ассоциаций, ставших основой складывания гражданского общества в позднеимперской России, и те организации, что были связаны с церковью [Миронов, 2018, с. 817]. Халколиванов на общественных началах являлся деятельным членом многих комитетов (статистического, народного здравия, оспенного, холерного, по строительству кафедрального собора), миссионерского общества, духовных попечительств о бедных и в пользу сирот⁴.

Протоиерей был также членом комитета по изысканию средств к открытию училища для девиц духовного звания. После начала работы Самарского епархиального женского училища в 1865 г. Халколиванов стал председателем комитета по его управлению [Алабин, 1877, с. 88, 124, 147, 150, 155]. В училище обучались дочери и будущие жены священников, многие из

² Филарет (Вахромеев), митрополит. Милосердие: богословие и жизнь Православной Церкви (на примере Белорусского Экзархата Московского Патриархата) // Сайт памяти митрополита Филарета (Вахромеева), Первого Патриаршего Экзарха всея Белоруссии. URL: <http://www.church.by/resource/Dir0301/Dir0302/Page2817.html/> (дата обращения 08.01.2023).

³ ГАРГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7204. Л. 73 об., 74 об., 77 об.

⁴ Там же. Л. 75 об., 76 об., 78 об., 79 об., 80 об.

воспитанниц получили профессиональную подготовку как домашние и школьные учительницы. Пример отца Иоанна подтверждает тезис о том, что в XIX в. вопросы «становления гражданского общества» и развития народного просвещения «тесно смыкаются» [Artamonova, 2016, с. 902–903].

В 1858 г. в Самаре открылась духовная семинария. Начало ей было положено при епископе Феофиле (Надеждине). Он сменил владыку Евсевия в начале 1857 г. (Пятидесятилетний юбилей Самарской епархии, 1901, с. 6–7)

Самарские архиереи оказывали помощь школам всех уровней в подборе образованных священников, которые могли вести уроки Закона Божьего. Законоучителям в начальных школах зачастую приходилось брать на себя преподавание и других, а иногда и всех предметов. Нередко они отказывались от жалованья для того, чтобы материально поддержать школы. Их благотворительность проявлялась и в других формах. Так, при открытии в 1857 г. первого в Самаре женского приходского училища законоучителем в нем стал священник Михаил (Ястребов), предоставивший под школу собственный дом (Местные известия, 1858, с. 1). Он предварительно отремонтировал здание, чтобы создать благоприятные условия учителям и ученикам, о чем лично просил губернатор К. К. Грот ⁵.

Ястребов относился к числу образованных и активных в общественном плане служителей церкви. После выпуска из Казанской духовной академии он, служа с 1851 г. в храмах Самары, участвовал в работе организаций общественной направленности, в том числе в трудное военное время, за что был награжден бронзовым крестом «В память войны 1853–1856 годов» ⁶.

В многочисленные прямые обязанности губернаторов управление школьным делом не входило. Однако К. К. Грот был из числа тех руководителей, кто воспринимал заботу о народном образовании не столько служебным, сколько нравственным долгом [История Самарского Поволжья..., 2020, с. 258–259]. Официально же по школьным вопросам духовные власти общались непосредственно с училищным начальством губернии и учебного округа. Эта структура находилась под управлением Министерства народного просвещения (в отличие от губернской администрации, подведомственной Министерству внутренних дел). Тесное взаимодействие церковного и школьного руководства наглядно иллюстрируется примером назначения законоучителя в открытую в 1856 г. Самарскую гимназию. В тщательном подборе кандидатов на эту должность в первую среднюю школу губернии участвовали и попечитель Казанского учебного округа В. П. Молоствов, и заведующий губернской дирекцией училищ А. П. Пономарев, и ректор Казанской духовной академии Агафангел, и самарский епископ Евсевий ⁷.

Взаимодействие церкви, администрации и общественности в Самарской губернии заметно проявлялось в критических ситуациях и при подъеме патриотических настроений. Так было в Крымскую войну 1853–1856 гг. при оказании помощи как военным, так и пострадавшему гражданскому населению. В ходе подготовки Крестьянской реформы церковь освящала труды по ее разработке, а при отмене крепостного права в 1861 г. доносила в народ решения властей [Там же, с. 33, 51, 56–57].

Заметной активизации «сорботничества» церковных и светских властей в Самаре до середины 1860-х гг. не наблюдалось. Во-первых, происходила быстрая ротация начальников губернии, с мая 1862 по август 1865 г. на этом посту сменилось три чиновника (Н. А. Замятин, Н. П. Мансуров, Б. П. Обухов). Во-вторых, губернаторов заботило проведение, прежде всего, целой чреды реформ гражданского управления, суда и финансов. Именно в Самаре 28 февраля 1865 г. прошло первое в России губернское земское собрание [Там же, с. 89]. Церкви, в свою очередь, надо было выстраивать отношения с новыми органами земского

⁵ ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7483. Л. 5 – 5 об., 11 – 11 об.

⁶ Там же. Д. 7412. Л. 35 об. – 38.

⁷ Там же. Д. 7204. Л. 66 – 66 об., 105, 160, 162; Д. 7214. Л. 45 об. – 46.

и городского самоуправления, а также с различными общественными организациями, число которых быстро росло.

На голодные 1873–1874 годы и Балканский кризис второй половины 1870-х гг. пришлось архиерейское служение в Самаре Герасима (Добросердова). Оно началось в январе 1866 г. после кончины епископа Феофила [Алабин, 1877, с. 82]. Святитель Герасим, память которого совершается церковью в день Собора Сибирских святых (23 июня по новому стилю), окончил Иркутскую семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. Он известен как церковный оратор, писатель, автор воспоминаний и дневников.

В своих речах епископ Герасим предпочитал образно называть Россию «Новым Израилем», а российского императора – «свотильником Нового Израиля» (Герасим, 1867, с. 173). В свое время религиозные метафоры «Нового Израиля» и «Нового Иерусалима» противопоставил «Третьему Риму» как тезису государственно-политическому патриарх Никон [Шмидт, 2009, с. 118]. Пользуясь образом «Нового Израиля», Герасим выказывал сочувствие взглядам бывшего патриарха. Не случайно среди святых мест, куда самарский владыка духовно и физически стремился, он упоминал Новоиерусалимский монастырь (Герасим, 1880, с. 297). В обители, устроенной Никоном, который был привержен идее «симфонии» духовной и светской властей, та нашла самое зримое воплощение в искусстве.

Новый собор Самары, задуманный владыкой, было решено посвятить празднику Воскресения по образцу главных храмов древнего и Нового Иерусалима. Спасение Александра II от покушения террориста Каракозова 4 апреля 1866 г. совпало день в день с подачей епископом прошения о возведении этого собора, что было признано знамением свыше и помогло ускорить возведение храма. Император лично пожертвовал 2000 руб. на постройку. В 1871 г. Александр II с сыновьями собственноручно заложил камни в его стены [Якунин, 2019, с. 15].

В строительство собора включился сразу после назначения самарским губернатором Г. С. Аксаков, который весь срок пребывания в этой должности (с января 1867 до декабря 1872 г.) поддерживал духовные и культурные начинания епископа. Учитывая принадлежность губернатора к знаменитой семье с глубокими религиозными и национальными традициями (отец – писатель С. Т. Аксаков, братья – славянофилы К. С. и И. С. Аксаковы), его взаимодействие с епархией и архиереем объяснялось не только служебным статусом, но и внутренними убеждениями.

Сам мастер печатного слова, епископ Герасим поддержал развитие самарской журналистики. В 1867 г. появился журнал «Самарские епархиальные ведомости», его корреспондентами и авторами преимущественно были лица духовного сословия, включая владыку. На страницах журнала, как показано исследователями, «власть, церковь и общество Самарской губернии демонстрировали единство, выступая с различными прогрессивными инициативами» [Климкина, 2020, с. 75].

Прибывший в Самару в декабре 1872 г. на смену Г. С. Аксакову губернатор Ф. Д. Климов оказался не способен принять должные меры борьбы с голодом, разразившимся в 1873 г. Не критикуя открыто губернские власти, владыка Герасим стремился реально помочь нуждающимся. Осенью 1873 г. он посетил уезды, пострадавшие от неурожая, и предложил немедленно начать сбор средств на нужды голодающих, первым внеся «свою посильную лепту» (Обозрение епархии..., 1873, с. 433, 439). Взносы поступали от разных лиц и учреждений как из Самарской губернии, так и из-за ее пределов, в том числе от императора Александра II и Святейшего Синода. Было получено до 170 тыс. руб., которые были потрачены на помощь пострадавшим через специально созданный при консистории комитет. Помимо сделанного этим комитетом, многие священники тратили личные средства и сами собирали пожертвования деньгами и хлебом для голодающих прихожан [Якунин, 2019, с. 16–17]. Пример архипастыря, раздавшего свое имущество пострадавшим, стимулировал органы управления, общественные организации и доброты активизировать борьбу с последствиями неурожая.

Меняющиеся под воздействием модернизации условия требовали не только согласия между властями, но и учета голоса гражданского общества. Настроить такое созвучие получалось не всегда. Показательно закрытие воскресных школ, возникших в результате массового движения интеллигенции и учащейся молодежи в 1859–1862 гг., которое напугало власти размахом и подозрениями в неблагонадежности участников. Ректор Самарской семинарии архимандрит Серапион (Маевский) уподобил их «саду, которого не насаждал Отец Небесный», а потому обреченному на искоренение (Открытие воскресной школы..., 1867, с. 10). В 1866 г. епископ Герасим предпринял попытку заново создать воскресные школы в губернии исключительно силами духовенства и семинаристов (Что делается..., 1867, с. 188–191).

Самым ярким деянием местной общественности, совершенным совместно духовной и светской властями, стало создание в 1876 г. Самарского знамени для южных славян, боровшихся за независимость. В 1877 г. оно было отправлено болгарским ополченцам. Владыка Герасим, освятив в Самаре этот символ всероссийского звучания и будущую государственную реликвию Болгарии, украшенную иконописными изображениями Иверской Богоматери, святых просветителей Кирилла и Мефодия, передал знамя для доставки на берега Дуная городскому голове Е. Т. Кожевникову и одному из гласных городской Думы П. В. Алабину [История Самарского Поволжья..., 2020, с. 226–228]. После выполнения этой миссии добровольно оставшись на Балканах, Алабин был привлечен к работе русской военно-гражданской администрации и назначен первым губернатором Софии в 1878 г. Во многом благодаря успешной работе самарского общественного деятеля и администратора вместе с помощниками-болгарами именно этот город стал столицей нового славянского государства [Артамонова, 2019, с. 224].

Приверженность к православным традициям у прибывшего из России губернатора была более заметной, чем у обитателей будущей болгарской столицы. Так, задуманное и начатое Алабиным в 1878 г. обустройство сакрального места памяти мучеников за веру там, где был казнен герой освободительной борьбы «апостол свободы» Васил Левски, обернулось установкой в 1895 г. болгарскими властями и общественностью монумента в европейской секулярной традиции, лишенного конфессиональных признаков, в том числе православного креста⁸.

Алабин многое делал для сохранения памятников церковного зодчества и православных святынь Болгарии. Его усилия по развитию народного образования и открытию публичной библиотеки в Софии преследовали также цели православного просвещения. Интересны сами попытки губернатора, прибывшего из Самары, опереться на религиозные традиции в его гражданской службе неподалеку от Царьграда-Константинополя, откуда на Русь пришло христианство и где возникла идея «симфонии властей» как формы церковно-государственного взаимодействия.

На Балканский кризис второй половины 1870-х гг. приходится губернаторство П. А. Бильбасова, активно содействовавшего вместе с епархией общественным инициативам и правительственным акциям в поддержку борьбы южных славян на независимость. Бильбасов управлял губернией с июня 1875 по октябрь 1878 г. Сменивший его А. Д. Свербеев находился во главе губернии дольше всех других коллег (до конца 1891 г., т. е. более 13 лет), поэтому в данной статье затрагивается только начало его губернаторства.

Свербеев, как до него Грот, относился к числу тех администраторов, которые охотно и добровольно принимали на себя заботы о народном образовании. Не оставлял он без внимания и школы духовного ведомства. Так, посетив 22 февраля 1879 г. новое здание епархиального женского училища, Свербеев отметил, что состояние школы «делает честь» самарскому духовенству и епископу Серафиму (Протопопову) (Классика самарского краеведения,

⁸ Стоянов И. Паметникът на Апостола в София // Паметникът. 120 години от откриването. Издание на Фондация „Васил Левски“ и Общобългарски комитет „Васил Левски“. Юли, 2015. URL: levskifoundation.files.wordpress.com/2014/01/pametnik_120y.pdf (дата обращения 08.01.2023).

2019, с. 76–77). Тот был переведен на место покинувшего Самару Герасима (Добросердова) в конце 1877 г. Владыка Серафим действительно уделял много внимания обучению дочерей духовенства [Якунин, 2021, с. 43]. Его пребывание в Самаре продолжалось до кончины в январе 1891 г., практически совпав с губернаторством Свербеева.

Владыка Серафим поддерживал не только традиционное образование, но и новшества модернизационного характера. Так, он горячо приветствовал открытие в Самаре реального училища, созданного по настоянию тех родителей, кто хотел дать детям техническую или естественнонаучную подготовку. На его открытии в 1880 г. перед тем, как благословить собравшихся и освятить школу, епископ заявил, что ученые заслужили такую же незабвенную память, как отцы церкви и ее святые. Он выразил при этом надежду, что молодежь, встававшая на стезю освоения науки и техники, извлечет «пользу для себя и для общества из неслетных богатств нашей земли и природы» (Историческая записка..., 1891, с. 38).

Слова архипастыря оказались пророческими. Из выпускников этого училища вышло много инженеров, архитекторов, ученых, в том числе будущий создатель плана ГОЭЛРО Г. М. Кржижановский и нобелевский лауреат, выдающийся химик Н. Н. Семенов. Епископ Серафим был не одинок среди православных деятелей, соединявших веру в Бога и в научно-технический прогресс. А. П. Херувимов, первый директор реального училища, наладивший его успешную работу, также возглавлял Алексиевское братство, нацеленное на распространение религиозного просвещения [Артамонова, 2021, с. 37, 39].

На три начальных десятилетия существования Самарской губернии и епархии пришлось деятельность первых губернаторов и архиереев, отладка различных звеньев и сторон местного светского и церковного управления. Чтобы адекватно отвечать на возникавшие вызовы и проблемы, администрация губернии и епархиальное начальство согласовывали свои действия по ряду общественно значимых вопросов. Жестко подчиняясь по вертикали вышестоящим властям на имперском уровне, светские и духовные органы на местах были практически независимы друг от друга, имели четко очерченный функционал, но взаимодействовали, «соработничали» друг с другом и общественностью при решении значимых социальных и культурных задач, насколько это позволяли общероссийские и локальные условия.

Список литературы

- Алабин П. В.** Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара: Губ. тип., 1877. 744 с.
- Артамонова Л. М.** Голоса из Болгарии 1870-х годов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2 (26). С. 221–227.
- Артамонова Л. М.** Деятели народного образования и духовного просвещения: А. П. Херувимов в Самаре (XIX – начало XX в.) // *Вестник Самар. ун-та. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27, № 3. С. 36–42.
- Белякова Е. В.** «Симфония властей», или «Свободная церковь в правовом государстве»: русские дискуссии начала XX в. // *История: Электрон. науч.-обр. журн.* 2013. № 7 (23) URL: <http://history.jes.su/s207987840000628-9-1> (дата обращения 02.06.2023).
- Горлов Г. Е., Боброва О. Ю.** Духовная нива Оренбуржья. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2010. 272 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней.* 2-е изд., испр. и доп. / Гл. ред. П. С. Кабытов. Самара: Слово, 2020. Т. 2. 480 с.
- Карташев А. В.** Русская церковь периода империи // *Карташев А. В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления.* М., 1996. С. 168–182.
- Климкина Э. В.** Отражение личности епископа Самарского и Ставропольского Герасима (Добросердова) в церковной периодике // *Национальное культурное наследие России: региональный аспект: Материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф.* Самара, 2020. С. 74–77.

- Лескин Д. Ю. Византийский идеал «симфонии» двух властей и его влияние на формирование церковно-государственных отношений в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2007. Т. 25, № 1–2. С. 157–173.
- Мигунова Т. Л., Романовская Л. Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3-2. С. 147–150.
- Мионов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.
- Суворов Н. С. Учебник церковного права. М.: Зерцало, 2004. 477 с.
- Цыпин В. А. Государственная церковь // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 197–202.
- Шмидт В. В. Скрижали «Симфонии»: Воскресенский монастырь Нового Иерусалима – стяжание Града Небесного // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. Т. 27, № S2. С. 115–125.
- Якунин В. Н. Роль правящих архиереев в становлении и развитии Самарской епархии в 1851–1917 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (52). С. 9–25.
- Якунин В. Н. Самарская епархия Русской православной церкви в 1851–1917 гг.: положение, устройство, деятельность, храмостроительство и духовное просвещение // Поволжский вестник науки. 2021. № 4 (22). С. 41–47.
- Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. 2016. № 41-2 (3). С. 899–907.

Список источников

- Герасим (Добросердов), епископ. Выдержки из моих воспоминаний. Поездка в Москву 1868 г. августа 16–29 // Астраханские епархиальные ведомости. 1880. № 19. С. 294–298.
- Герасим (Добросердов), епископ. Речь, произнесенная 7 апреля 1866 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1867. № 7. С. 173–174.
- Историческая записка о Самарском реальном училище имени Императора Александра Благословенного (1880–1890 гг.). Самара: Тип. Новикова И. П., 1891. 168 с.
- Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 6. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева. Самара: Слово, 2019. 268 с.
- Местные известия. Самара // Самарские губернские ведомости. Ч. неоф. 1858. № 29. С. 1.
- Обозрение епархии Его Преосвященством Преосвященнейшим Герасимом, епископом Самарским в сентябре и октябре 1877 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1873. № 22. С. 433–439.
- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2008. 176 с.
- Открытие воскресной школы при Самарской Семинарии // Самарские епархиальные ведомости. 1867. № 1. С. 10–13.
- Пятидесятилетний юбилей Самарской епархии. Самара: Тип. Самар. дух. консист., 1901. 85 с.
- Что делается в Самарской воскресной школе? // Самарские епархиальные ведомости. 1867. № 7. С. 188–191.

References

- Alabin P. V. Dvadsatipyatiletie Samary kak gubernskogo goroda [The Twenty-fifth Anniversary of Samara as a Provincial City]. Samara, Gubernskaya Tipografiya, 1877, 744 p. (in Russ.)
- Artamonova L. M. Deyatel' narodnogo obrazovaniya i dukhovnogo prosveshcheniya: A. P. Khe-ruvimov v Samare (XIX – nachalo XX v.) [Worker of Public Education and Spiritual Enlight-

- enment: A. P. Kheruvimov in Samara (19th – early 20th Century)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara University. History, Pedagogic, Philology], 2021, no. 27 (3), pp. 36–42. (in Russ.)
- Artamonova L. M.** Golosa iz Bolgarii 1870-kh godov [Voices from Bulgaria of the 1870s]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2019, no. 2, p. 221–227. (in Russ.)
- Artamonova L. M.** Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye Gody*, 2016, no. 41–2 (3), pp. 899–907.
- Belyakova E. V.** “Simfoniya vlastei” ili “svobodnaya tserkov’ v pravovom gosudarstve”: russkie diskussii nachala XX v. [“The symphony of authorities” or “the free Church in the legal state”: Russian Discussions in the Beginning of the 20th Century]. *Istoriya* [History], 2013, vol. 4, no. 7 (23). URL: <http://history.jes.su/s207987840000628-9-1> (accessed: 06/02/2023). (in Russ.)
- Gorlov G. E. Bobrova O. Yu.** Dukhovnaya niva Orenburzh’ya [Spiritual Field of Orenburg Region]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel’stvo, 2010, 272 p. (in Russ.)
- Kabytov P. S.** (ed.). *Istoriya Samarskogo Povolzhya s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day]. 2nd ed. Samara, Slovo Publ., 2020, vol. 2, 480 p. (in Russ.)
- Kartashev A. V.** Tserkov’. Istoriya. Rossiya [Church. History. Russia]. In: Kartashev. A. V. Stat’i i vystupleniya [Articles and Speeches]. Moscow, 1996, pp. 168–182. (in Russ.)
- Klimkina E. V.** Otrazhenie lichnosti episkopa Samarskogo i Stavropol’skogo Gerasima (Dobroserdova) v tserkovnoi periodike [Reflection of the Personality of Bishop Gerasim (Dobroserdov) of Samara and Stavropol in Church Periodicals]. In: Natsional’noe kul’turnoe nasledie Rossii: regional’nyi aspekt. Materialy VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [National Cultural Heritage of Russia: Regional Aspect. Proceedings of the 8th All-Russian Scientific-Practical Conference]. Samara, 2020, pp. 74–77. (in Russ.)
- Leskin D. Yu.** Vizantiiskii ideal “simfonii” dvukh vlastei i ego vliyanie na formirovanie tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii v Rossii [Byzantine Ideal of the “Symphony” of Two Authorities and Its Influence on the Formation of Church-State Relations in Russia]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2007, vol. 25, no. 1–2, pp. 157–173. (in Russ.)
- Migunova T. L., Romanovskaya L. R.** “Simfoniya vlastei” kak printsip vzaimootnoshenii mezhdu tserkov’yu i gosudarstvom [“The Symphony of Powers” as the Principle of Relations between the Church and the State]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2013, no. 3-2, pp. 147–150. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: From Tradition to Modernity]. 2nd ed. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2018, vol. 3, 912 p. (in Russ.)
- Shmidt V. V.** Skrizhali “Simfonii”: Voskresenskii monastyr’ Novogo Ierusalima – styazhanie Grada Nebesnogo [Tablets of the “Symphony”: Resurrection Monastery of New Jerusalem – Acquisition of the City of Heaven]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2009, vol. 27, no. S2, pp. 115–125. (in Russ.)
- Suvorov N. S.** Uchebnik tserkovnogo prava [Textbook of Church Law]. Moscow, Zertsalo Publ., 2004, 477 p. (in Russ.)
- Tsylin V. A.** Gosudarstvennaya tserkov’ [State Church]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2006, vol. 12, pp. 197–202. (in Russ.)
- Yakunin V. N.** Rol’ pravyashchikh arkhieerev v stanovlenii i razvitii Samarskoi eparkhii v 1851–1917 gg. [The Role of the Ruling Archbishops in the Formation and Development of the Samara Diocese in 1851–1917]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], 2019, no. 4 (52), pp. 9–25. (in Russ.)
- Yakunin V. N.** Samarskaya eparkhiya Russkoi pravoslavnoi tserkvi v 1851–1917 gg.: polozhenie, ustroistvo, deyatel’nost’, khramostroitel’stvo i dukhovnoe prosveshchenie [Samara Diocese of

the Russian Orthodox Church in 1851–1917: Position, Structure, Activity, Church Building and Spiritual Enlightenment]. *Povolzhskii vestnik nauki* [*Povolzhsky Bulletin of Science*], 2021, no. 4 (22), pp. 41–47. (in Russ.)

List of Sources

- Chto delaetsya v Samarskoi voskresnoi shkole? [What is Being Done at the Samara Sunday School?]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti* [*Samara Diocesan Journal*], 1867, no. 7, pp. 188–191. (in Russ.)
- Gerasim (Dobroserdov), bishop.** Rech', proiznesennaya 7 aprelya 1866 g. [Speech Delivered on April 7, 1866]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti* [*Samara Diocesan Journal*], 1867, no. 7, pp. 173–174. (in Russ.)
- Gerasim (Dobroserdov), bishop.** Vyderzhki i moikh vospominanii. Poezdka v Moskvu 1868 g. avgusta 16–29 [Extracts from My Memoirs. Trip to Moscow 1868 August 16–29]. *Astrakhan-skie eparkhial'nye vedomosti* [*Astrakhan Diocesan Journal*], 1880, no. 19, pp. 294–298. (in Russ.)
- Istoricheskaya zapiska o Samarskom real'nom uchilishche imeni Imperatora Aleksandra Blagoslovennogo (1880–1890 gg.) [Historical Note on the Samara Real School Named after Emperor Alexander the Blessed (1880–1890)]. Samara, Tipografiya Novikova I. P., 1891, 168 p. (in Russ.)
- Klassika samarskogo kraevedeniya. Antologiya. Vyp. 6. Dnevnik i vospominaniya samarskogo gubernatora Aleksandra Dmitrievicha Sverbeeva [Classic of Samara Local History. Anthology. Iss. 6. Diary and Memoirs of Samara Governor Alexander D. Sverbeev]. Samara, Slovo Publ., 2019, 268 p. (in Russ.)
- Mestnye izvestiya. Samara [Local News. Samara]. *Samarskie gubernskie vedomosti* [*Samara Provincial Records*], nonofficial pt., 1858, no. 29, p. 1. (in Russ.)
- Obozrenie eparkhii Ego Preosvyashchenstvom Preosvyashchenneishim Gerasimom, episkopom Samarskim v sentyabre i oktyabre 1877 g. [Review of the Diocese by His Eminent Grace Gerasim, Bishop of Samara in September and October 1877]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti* [*Samara Diocesan Journal*], 1873, no. 22, pp. 433–439. (in Russ.)
- Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii, 2008, 176 p. (in Russ.)
- Otkrytie voskresnoi shkoly pri Samarskoi Seminarii [Opening Sunday School at Samara Seminary]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti* [*Samara Diocesan Journal*], 1867, no. 1, pp. 10–13. (in Russ.)
- Pyatidesyatiletnii yubilei Samarskoi eparkhii [The Fiftieth Anniversary of the Samara Diocese]. Samara, Tipografiya Samarskoi dukhovnoi konsistorii, 1901, 85 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Юрий Николаевич Смирнов, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 7202651974
WoS Researcher ID B-1752-2017

Information about the Author

Yuri N. Smirnov, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 7202651974
WoS Researcher ID B-1752-2017

Статья поступила в редакцию 05.07.2023;
одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 25.09.2023
The article was submitted on 05.07.2023;
approved after reviewing on 11.09.2023; accepted for publication on 25.09.2023

Научная статья

УДК 94(47).081/083(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-82-94

Организация пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX веков

Инна Николаевна Мамкина

Забайкальский государственный университет

Чита, Россия

Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

Аннотация

Обобщены сведения об учреждении пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX в. Пограничные комиссарства возникали по мере формирования границы по ходатайству генерал-губернаторов и осуществляли дипломатическое взаимодействие с китайскими чиновниками и населением приграничной полосы. Их деятельность зависела от региональных особенностей, объем полномочий регулировался дополнительными инструкциями. Пограничные комиссарства являлись необходимым условием мирного характера взаимоотношений между российскими и китайскими подданными, между жителями приграничной полосы, обеспечивали в определенной мере социальную стабильность.

Ключевые слова

Россия, Китай, Дальний Восток, государственная граница, дипломатия, пограничные комиссары, взаимодействие

Для цитирования

Мамкина И. Н. Организация пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 82–94. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-82-94

Establishing Border Commissariats on the Russian-Chinese Border in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries

Inna N. Mamkina

Trans-Baikal State University

Chita, Russian Federation

Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

Abstract

In the mid-19th century, the Russian government started pushing forward the implementation of a policy to move its population eastward. This was done to strengthen the country's position in the East and required coordination with China to establish state borders. The legal formalization of the boundaries resulted in the development of new mechanisms of border diplomacy for further interaction between both countries. However, there has been relatively little study of the approaches and tools used in Russian-Chinese diplomacy during this time. This article summarizes the history of establishing border commissariats on the Russian-Chinese border in the 2nd half of the 19th – early 20th cen-

© Мамкина И. Н., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 82–94

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 82–94

ture. The study is carried out using the narrative, structural, and functional method, the method of variance, and normative comparison. As a result, it finds out that in the 2nd half of the 19th century, diplomatic functions were shared between the Governor-General, border commissars, and diplomatic officials reporting to the Governor-General. The border commissar was a civil position of the Ministry of Foreign Affairs and was represented by a civilian with the rank of state adviser. The Commissioner's powers were subordinated to and supervised by the Far East region's Governor-General (military position), who overlooked diplomatic relations. Four border commissariats were set up in the Transbaikalian, Amur, South Ussuri and Uryankhay regions. The author concludes that there was no unified system of border commissariats. Although the commissars shared professional duties, they acted independently and dealt with foreign policy issues specific to their region. Overall, the commissars' activities helped maintain socio-political stability in the Eastern border regions of the Russian Empire.

Keywords

Russia, China, Far East, state border, diplomacy, border commissioners, cooperation

For citation

Mamkina I. N. Establishing Border Commissariats on the Russian-Chinese Border in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 82–94. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-82-94

Присоединение к России Сибири ознаменовало начало длительного процесса освоения и интеграции в российское общеимперское пространство новых территорий. Административно-территориальное устройство восточных владений формировалось по мере их включения в состав России, заселения и экономического развития. Медленное проникновение русских поселенцев на Дальний Восток обусловило подвижность восточной границы Российской империи на протяжении длительного времени. В 1822 г. сибирские реформы М. М. Сперанского заложили новую административную основу Сибири, поделив ее на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. Административное устройство Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, включившего в свой состав Енисейскую и Иркутскую губернии, Якутскую область, Троицкосавское пограничное управление, Охотское и Камчатское управления продолжало совершенствоваться на протяжении XIX в.

Рост населения, экономическое развитие сибирского региона обусловили ряд экспедиций для уточнения сведений о восточной окраине империи. Результаты экспедиций Л. Ф. Миддендорфа (1844–1845 гг.), Н. Х. Агте (1849–1850 гг.), Г. И. Невельского (1849 г.) позволили сделать вывод о стратегической важности восточной окраины. В середине XIX в. российское правительство усилило процесс продвижения русского населения на восток. Вместе с тем правовая основа восточных рубежей российского государства после подписания Нерчинского договора в 1689 г. нуждалась в согласовании и дальнейшем закреплении государственной границы между Китаем и Россией.

По условиям Нерчинского договора к России отошли земли по левой стороне р. Аргунь. Территории к востоку от р. Горбицы и югу от хребта Большой Хинган оговаривались весьма условно, граница определялась в общих чертах, при этом часть территории к северу от Амура оставалась не разграниченной и признавалась нейтральной (Русско-китайские отношения..., 1958, с. 9–11). Со временем русские, китайские, корейские поселенцы расселились в пределах неразграниченной территории, осуществляя ее совместное использование на протяжении десятилетий.

Дальнейшее оформление российско-китайской границы связано с заключением в 1727 г. российским дипломатом С. Л. Рагузинским Буринского и Кяхтинского договоров. Россия закрепила за собой территории севернее от хребта Шабин Дабага и до горы Абагайту в верховьях Аргуни (Там же, с. 17–28). В совокупности Нерчинский, Буринский и Кяхтинский договоры устанавливали государственную границу лишь на части приграничных территорий – к западу от р. Горбицы. Восточные же территории по течению Амура и Уссури до Тихого океана не имели установленной государственной границы между Россией и Китаем.

Поражение Китая в Первой (1840–1842 гг.) и Второй (1856–1860 гг.) опиумных войнах привело к подписанию им серии неравноправных договоров с европейскими державами. Эти договоры, превращая Китай в полуколонию, открывали дорогу Великобритании, США,

Франции в Азиатско-Тихоокеанский регион, что заметно беспокоило российское правительство. Отсутствие четко обозначенной границы между Россией и Китаем в Приамурье осложняло положение России на Дальнем Востоке. Появление в пределах неразграниченной территории третьей стороны в лице европейских держав для России было крайне не желательным. В марте 1820 г. министр иностранных дел К. В. Нессельроде, министр финансов Д. А. Гурьев, министр внутренних дел В. П. Кочубей на совместном совещании выступили за употребление всех возможных средств, «дабы удалять иностранцев от восточных берегов Сибири» (Внешняя политика..., 1978, с. 344). В 1850-х гг. правительство утвердило проект Н. Н. Муравьева об учреждении Забайкальской (11 июля 1851 г.), Приморской (31 октября 1856 г.) и Амурской (20 декабря 1858 г.) областей. До образования Приамурского генерал-губернаторства (1884 г.) Приморская область и часть Амурской в официальных документах именовались Южно-Уссурийским краем.

Решение пограничного вопроса продолжилось подписанием Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров между Россией и Китаем. По Айгунскому договору территории по левому берегу Амура до впадения в него р. Уссури становились владением России. Пекинский договор подтвердил границу по Амуру и оформил дальнейшее разграничение. Граница устанавливалась по р. Уссури и Сунгача, оз. Ханка, р. Беленхэ (Тур) и далее по горному хребту к устью р. Хубиту (Хубту, Ушагоу) и от этого места «по горам, лежащим между р. Хуньчунь и морем до р. Тумыньцзян»¹. Таким образом, Россия официально закрепила за собой Северное Приамурье, Уссурийский край и Приморье. В соответствии с договорами была установлена и нанесена на карты государственная граница между Россией и Китаем.

Установление государственной границы обусловило необходимость учреждения специальных механизмов приграничной дипломатии для дальнейшего взаимодействия России и Китая.

Начиная со второй половины XIX в. исследователи рассматривали историю дипломатической службы на востоке Российской империи в основном в контексте изучения торгово-экономических и внешнеполитических взаимоотношений России и Китая, не уделяя при этом внимания организации и деятельности пограничных учреждений, обеспечивавших дипломатическое и иное взаимодействие российской и китайской сторон непосредственно на приграничных территориях. Исключение представляют «Записка...» советника Троицко-Савского пограничного правления Г. А. Сычевского [1875], в которой на основе нормативных документов описываются административные аспекты организации пограничной территории после заключения Кяхтинского договора 1727 г., и исследование Б. Г. Курца [1929], содержащее некоторые сведения о создании института пограничных комиссаров по итогам заключения того же Кяхтинского договора.

С конца XX в. исследовательский интерес к имперскому периоду российской истории значительно возрос, в том числе актуализировалась тема российско-китайских приграничных отношений до 1917 г. Появились первые специальные исследования о зарождении и функционировании дипломатических служб на Дальнем Востоке. На основе архивных материалов Г. И. Саркисова изучила отдельные аспекты организации пограничного комиссарства в Кяхте в XVIII в. Публикации этого автора богаты биографическими сведениями и фактическими данными [Саркисова, 2014]. О кяхтинских пограничных комиссарах упоминается в публикациях А. И. Петрова [2009] и А. В. Малановой [2011].

Более широкое освещение получила деятельность пограничного комиссара Южно-Уссурийского края. Е. И. Нестерова [2018] уделила внимание биографии первого комиссара В. Д. Овандера. В статьях И. В. и Д. И. Шмониных [2015; 2016] собраны обобщающие сведения о деятельности комиссаров Южно-Уссурийского края. Ю. А. Павлов [2007] обобщил данные о кадровых военных, занимавших гражданскую должность пограничных комиссаров на Дальнем Востоке. Его исследование содержит биографические сведения о шести офице-

¹ Дополнительный договор между Россией и Китаем. Пекин, 2/14 ноября 1860 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. URL: <https://istmat.org/node/27125> (дата обращения 16.12.2022).

рах Приамурского генерал-губернаторства. А. В. Соколенко [2015] исследовал сотрудничество пограничных комиссаров с российскими разведывательными службами на Дальнем Востоке. В. А. Василенко [2013] описывает противоречия между чиновниками переселенческого комитета, пограничным начальником и пограничным комиссаром в Урянхайском крае, раскрывая еще один аспект деятельности представителей дипломатической службы.

В целом, отметим, что современные исследования положили начало изучению российских дипломатических служб и механизмов на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. Однако их совокупность не дает целостного представления о системе дипломатической службы на востоке Российской империи. Вопрос о механизмах китайского направления российской дипломатии остается малоизученным. Учитывая данное обстоятельство, мы считаем необходимым дать общий обзор истории организации пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX в.

Источниковой базой исследования послужили делопроизводственные документы, выявленные в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва) и Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК, Чита), а также международно-правовые акты, уже введенные в научный оборот и неоднократно опубликованные в разного рода изданиях.

Юридическое закрепление границы требовало проведения демаркационных работ, установления пограничных знаков и постов, а также решения проблемы взаимодействия властей и населения на приграничной территории. Как отмечалось в докладе чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе (1904 г.), принцип совместного пользования долинами рек Амурского бассейна «вполне естественно и глубоко проник в сознание местных жителей»². В Приамурском крае осели выходцы из Китая – «зазейские маньчжуры». Русское население пользовалось сенокосными, охотничьими, рыболовными, пахотными угодьями на правом берегу Амура, заходя вглубь Маньчжурии на сотню верст [Мамкина, Гусевская, 2019, с. 112]. Проведение демаркационной полосы ограничило совместное использование территорий китайским и русским поселенцами.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что процесс освоения Россией азиатских владений обусловил учреждение специальных органов власти, не типичных для административной системы, действующей на исконно русской территории. Специфика управления восточными окраинами Российской империи неоднократно становилась предметом изучения историков (см., например: [Ерошкин, 1968; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., 2018; Ремнев, 1995]). Ярко проявилась она и в организации дипломатической службы. На Дальнем Востоке длительное время отсутствовали консульские учреждения Министерства иностранных дел. Полномочия официальных дипломатических служб изначально (еще с XVII в.) возлагались на местную администрацию. В частности, в первом российско-китайском договоре, подписанном в Нерчинске в 1689 г., упоминались «порубежные воеводы», уполномоченные разрешать «ссоры меж порубежными жителями» и «чинить казнь жестокую» за разбои или убийства (Русско-китайские отношения..., 1958, с. 9–11). Во второй половине XIX в. дипломатические функции распределялись между генерал-губернатором, пограничными комиссарами и чиновниками по дипломатической части при генерал-губернаторах.

Появление должностного лица, уполномоченного на ведение дипломатических сношений с Китаем, связано с подписанием Кяхтинского договора 1727 г., определившего правила и порядок русско-китайской торговли, которая должна была осуществляться на р. Кяхте, протекавшей рядом с границей. По сведениям советника Троицко-Савского пограничного правления Г. А. Сычевского, С. Л. Рагузинский составил специальную инструкцию, регламентирующую деятельность по охране границы, организации торговли и взаимодействию с китайской стороной [Сычевский, 1875, с. 29]. Инструкция предписывала неукоснительное соблюдение российско-китайских соглашений, «дабы двору китайскому не дать причины

² ГАЗК. Ф. 1-об. Оп. 1. Д. 15500. Л. 21.

к разорванию мира, нарушению корреспонденции и коммерции, испровержению границы, которая в сем деле главнейшая» [Сычевский, 1875, с. 29].

Для строительства и обустройства торговой слободы на р. Кяхту были направлены капитан Федор Княгинкин и переводчик Алексей Третьяков. На последнего также возлагались обязанности по взаимодействию с китайской стороной. В инструкции, составленной С. Л. Рагузинским, четко говорилось о том, что «указом же определен селенгинский дворянин Алексей Третьяков вместо дьяка, от российской стороны против китайского джаргучея, для того что он, Алексей, человек не без ума, и не токмо мунгальскому языку доволен, но и отчасти китайской разумеет» [Там же]. Третьяков вел переговоры с китайской стороной, принимал участие в разрешении спорных вопросов между купцами, в целом отвечал за взаимодействие с китайцами, что позволяет говорить о дипломатическом статусе его должности. Вместе с тем статус самой должности в российской административной системе остался неясным.

Для ведения всех пограничных дел и установления контроля над приграничным взаимодействием после подписания Кяхтинского договора была учреждена Селенгинская пограничная канцелярия. Пограничная стража осуществляла охрану государственной границы, контролировала российско-китайский торг, обеспечивала правопорядок в приграничной полосе. Кяхтинский переводчик, служащий «вместо дьяка от российской стороны», назначался и подчинялся начальнику Селенгинской пограничной канцелярии [Там же, с. 46].

В 1729 г. состоялись первые российско-китайские торги в Кяхтинской слободе (Кяхте), прошедшие без особого размаха. В торге приняли участие всего 4 китайских и 10 русских торговцев [Попов, 2013, с. 26]. С отменой в 1762 г. государственной монополии на торговлю пушниной значение Кяхты как торгового центра возросло [Мишакова, 2011, с. 48]. Превращение Кяхты в центр российско-китайской торговли требовало соответствующего управления и контроля. В 1783 г. на смену Селенгинской пограничной канцелярии учреждается Троицкосавская обер-комендантская канцелярия, замененная в 1797 г. Троицкосавской пограничной канцелярией, находившейся в подчинении Иркутского гражданского губернатора [Там же]. Названные канцелярии осуществляли непосредственное руководство охраной государственной границы и взаимодействовали с китайской стороной.

В середине XIX в. Кяхта оставалась вовлеченной в российско-китайскую торговлю, объемы которой возрастали. В контексте административно-территориальных преобразований Восточной Сибири генерал-губернатор Н. Н. Муравьев инициировал учреждение в Кяхте градоначальства [Малыгина, 2017, с. 89]. 20 июня 1851 г. в новом штате градоначальства была учреждена должность пограничного комиссара. В 1852 г. исполняющим обязанности пограничного комиссара назначен, а в 1854 г. утвержден в должности А. И. Деспот-Зенович [Маланова, 2011, с. 7].

9 февраля 1863 г. Государственный Совет утвердил инструкцию пограничному комиссару, составленную военным губернатором Забайкальской области. По инструкции пограничный комиссар относился к государственным гражданским должностям Министерства иностранных дел и замещался гражданским лицом с чином не ниже статского советника. Комиссар подчинялся военному губернатору Забайкальской области, однако вопросы дипломатического характера курировались генерал-губернатором Восточной Сибири. Пограничный комиссар имел в подчинении двух переводчиков с монгольского языка. Он получал 1 500 руб. в год жалования, 1 500 руб. дополнительно на питание («столовые» деньги), 500 руб. на разъезды и 1 000 руб. на текущие расходы. Жалование переводчиков составляло 600 руб. в год на каждого. Для ведения официальной переписки, текущей документации в смете были заложены средства на канцелярские расходы комиссарства в размере 1 000 руб.³ Итого на годовое содержание комиссарства казна выделила 6 700 руб.

³ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 2. Л. 3 об.

Смета не предусматривала расходы на жилье, поскольку купечество Кяхты выделило средства на строительство специального помещения для работы и проживания пограничного комиссара⁴. По этому поводу А. И. Петров отмечал, что кяхтинский пограничный комиссар стремился «достойно выглядеть в глазах китайских гостей» [Петров, 2009, с. 5], а кяхтинское купечество жертвовало деньги охотно и не мелочилось.

При обсуждении полномочий комиссара члены Госсвета подчеркнули, что должность учреждается «для сношения с дзаргучеем⁵ Кяхтинского Маймачена и заведования собственными пограничными делами в Кяхтинской слободке»⁶. Предел полномочий ограничивался непосредственно Кяхтой и ее окрестностями. Комиссару вменялось в обязанности осуществлять выдворение китайских подданных, незаконно находившихся на территории Российского государства без документов и не совершивших противоправных действий; разбирать ссоры между русскими и китайцами; рассматривать вопросы о долгах, финансовых претензиях представителей с русской и китайской сторон; содействовать передаче скота, зашедшего за демаркационную полосу; помогать розыску и передаче на родину русских преступников, совершивших преступления в Китае; осуществлять контроль над исполнением наказаний китайских подданных в Китае за совершенные преступления в пределах российской территории; «сохранять доброе согласие» между местными жителями с обеих сторон; противодействовать контрабанде спирта (другие товары не упоминались – примеч. автора); выдавать паспорта и торговые свидетельства для русских и китайских подданных; составлять статистический отчет по оптовой торговле России и Китая, осуществляемой через Кяхту; собирать сведения «о нуждах местной торговли», давать заключения по ней; отправлять государственную почту в Пекинскую миссию⁷ и содействовать отправке курьеров; осуществлять паспортный контроль над иностранцами из других азиатских и европейских держав⁸.

Инструкция закрепляла довольно широкий и разноплановый круг административных и дипломатических полномочий. На практике деятельность пограничного комиссара в Кяхте в большей степени носила дипломатический характер, способствовала поддержанию дружеских взаимоотношений с китайскими властями и осуществлению контроля пересечения русской границы иностранными подданными⁹.

В 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков ходатайствовал перед Особым совещанием по делам Приамурского края¹⁰ об учреждении должности пограничного комиссара по аналогии с Кяхтой. После длительного обсуждения предложений М. С. Корсакова Особое совещание весной 1869 г. приняло решение об учреждении должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, окончательно утвержденное мнением Государственного Совета 12 ноября 1869 г.¹¹

Полномочия пограничного комиссара распространялись на территорию Южно-Уссурийского края. За основу его должностных обязанностей была взята инструкция кяхтинского комиссара, но при этом статус южно-уссурийского комиссара был выше. Если комиссар в Кяхте мог вступать во взаимоотношения лишь с дзаргучеем, то его южно-уссурийский коллега приравнялся к Нингутскому фудутуну, обладавшему более высоким статусом, чем дзаргучей¹², и имел право вступать во взаимодействие с властями Гириной и Хэйлуцзян-

⁴ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 2. Л. 3 об.

⁵ Дзаргучей – китайский чиновник, осуществляющий административные и судебные функции.

⁶ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3.

⁷ Русская духовная миссия в Пекине (Пекинская духовная миссия) – церковно-политическое представительство Российской церкви и государства, действовавшее в Пекине в XVII–XX вв.

⁸ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3–5.

⁹ Там же. Д. 2, 42, 77, 85.

¹⁰ Особое совещание по делам Приамурского края, орган под председательством генерал-адмирала великого князя Константина, курировавший вопросы управления и развития Приамурского края с 1864 по 1884 г. Образован по инициативе императора Александра II.

¹¹ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3.

¹² Фудутун – должностное лицо в Китае, пользовался правами губернатора провинции.

ской провинций [Нестерова, 2018, с. 120]. Комиссар Южно-Уссурийского края подчинялся военному губернатору Приморской области, но по дипломатическим вопросам – напрямую генерал-губернатору Восточной Сибири.

Первым южно-уссурийским комиссаром в 1870 г. назначили Василия (Вильгельма) Дмитриевича (Эдуардовича) Овандера [Там же, с. 123]. По состоянию здоровья Овандер не смог продолжить службу, и в 1871 г. временно исполнял обязанности комиссара надворный советник Филиппович (его имя и отчество выяснить не удалось). С 27 августа 1873 г. назначение на эту должность получил Николай Гаврилович Матюнин, прослуживший в ней более 30 лет. 18 сентября 1899 г. его сменил Евгений Тимофеевич Смирнов. В 1912 г. пограничным комиссаром назначен Никита Дмитриевич Кузьмин, остававшийся в должности до 1922 г. [Шмонин И. В., Шмонин Д. И., 2016, с. 208].

Полномочия южно-уссурийского комиссара неоднократно пересматривались. В 1879 г. генерал-губернатор Восточной Сибири П. А. Фредерикс ввел в действие на два года «Дополнительные инструкции южно-уссурийскому комиссару» и «Инструкцию для исполнения кордонной службы на границе с Маньчжурией в Южно-Уссурийском крае». Круг обязанностей комиссара включал в себя визирование и статистический учет проездных документов китайских и корейских подданных, пересекавших российскую границу; выдачу документов русским подданным для поездки в Китай; «сношение с соответствующими учреждениями ради законного удовлетворения требований китайских властей»¹³. Кроме того, он должен был заниматься сбором сведений о политической и экономической ситуации в Китае и Корее, а также сотрудничеством с пограничной стражей в рамках обеспечения безопасности на государственной границе. Нередко пограничные комиссары являлись резидентами пограничной, военной и внешней разведки на Дальнем Востоке, что налагало на них дополнительные обязанности [Шмонин И. В., Шмонин Д. И., 2015, с. 127].

В феврале 1895 г. генерал-губернатор Приамурского края С. М. Духовской в очередной раз пересмотрел содержание инструкции. В деятельности южно-уссурийского пограничного комиссара появились полномочия, связанные с охраной границы. Дипломатия отходила на второй план перед необходимостью укрепления слабо охраняемой и протяженной государственной границы. С 1889 г. под руководством пограничного комиссара осуществлялась охрана государственной границы на участке от р. Туманган, впадающей в Японское море на юге края, до станции Графское [Соколенко, 2015, с. 154].

В 1896 г. на совместном заседании Государственного совета, департамента законов и департамента государственной экономии по ходатайству Приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского обсуждался вопрос об учреждении еще одной должности пограничного комиссара – в Амурской области. Необходимость ее появления С. М. Духовской аргументировал тем, что, во-первых, со строительством Транссибирской железной дороги и разработкой золотых приисков в российском Приамурье стало появляться все больше китайцев, искавших работу, во-вторых, актуализировалась необходимость установления контроля над проживавшими на левом берегу Амура «заязскими маньчжурами»: «оказывается нужным наблюдать за этим пришлым элементом, регулировать отношения между выходцами из Небесной империи и местными жителями, свидетельствовать заключение между ними сделки и договоры»¹⁴. Отметим, что «наблюдение» за «заязскими маньчжурами» было продиктовано их административной автономностью и отказом подчиняться российским властям¹⁵.

В сложившейся практике должность пограничных комиссаров на востоке страны занимали гражданские лица, что существенно затрудняло поиск кандидатов, соответствовавших установленным требованиям. «Для облегчения замещения учреждаемой должности» участники вышеупомянутого совещания приняли решение о допуске к ней военных чинов¹⁶.

¹³ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Л. 70.

¹⁶ Там же. Л. 3.

По данным Ю. А. Павлова, на Дальнем Востоке должность пограничного комиссара в разное время занимали шесть офицеров, среди них, в частности, был и автор первого в России учебника корейского языка Н. Д. Кузьмин [Павлов, 2009, с. 106].

15 апреля 1896 г. штат пограничного комиссарства Амурской области утвердили по образцу уже существующих. На содержание комиссара из казны выделялось 4500 руб. в год, переводчика китайского языка – 2 300 руб. в год, переводчика монгольского языка – 1 200 руб. в год, на канцелярские расходы – 1 000 руб.¹⁷. Комиссар подчинялся Амурскому губернатору, а по дипломатическим вопросам взаимодействовал с Приамурским генерал-губернатором. Местом пребывания комиссарства власти определили Благовещенск. 26 августа 1898 г. генерал-губернатор Н. И. Гродеков утвердил должностную инструкцию, принципиально не отличавшуюся от уже существовавших¹⁸. Первым пограничным комиссаром в Амурской области был назначен Б. Л. Громбчевский [Там же].

Деятельность пограничного комиссара сосредоточилась в основном на осуществлении паспортно-визового контроля передвижения русских, китайцев и корейцев в пределах пограничной территории. Комиссар принимал участие в рассмотрении судебных тяжб между жителями приграничных территорий России, Китая и Кореи, стоял на страже интересов русских подданных, проживавших на китайской приграничной территории [Соколенко, 2016, с. 154]. Штат амурского пограничного комиссарства включал три подразделения. Отдел регистрации, состоявший в разное время из пяти – девяти служащих, занимался учетом пребывающих иностранцев. В отделе впервые в пограничной практике перехода государственной границы ввели фотографирование китайцев и корейцев. Паспортный отдел в составе пяти человек занимался выдачей иностранцам документов для передвижения по российской территории, оформлял документы на принятие в российское подданство. Трое служащих «канцелярии китайского квартала» осуществляли сношение с китайским населением, проживавшим в Благовещенске, оказывали «содействие полиции»¹⁹. В период навигации по местным рекам в штат добирались помощники из-за увеличения числа азиатов, переходивших границу в поисках работы в летний период²⁰.

Поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. привело к значительному увеличению числа китайцев, стремившихся осесть в приграничной полосе. По мнению приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергерера, после войны Китай, «получив по Портсмутскому договору обратно Маньчжурию, жаждет ее закрепить за собою на вечные времена»²¹. Следуя этой цели, китайские власти интенсивно заселяли приграничные районы Маньчжурии, что усиливало миграцию китайцев, искавших работу. В 1907 г. из-за наплыва японцев, китайцев и корейцев амурский пограничный комиссар ходатайствовал об увеличении числа служащих. В июне 1909 г. в штат комиссарства были приняты переводчики японского и корейского языков²².

Учреждение еще одного пограничного комиссарства было связано со стремлением России вовлечь в сферу своих интересов Урянхайский край – северо-западный район Китая, где преимущественно проживали урянхайцы, позднее более известные как тувинцы.

Еще в 1882 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин ходатайствовал об учреждении должности пограничного комиссара в Урянхайском крае. Однако российские власти ходатайство посчитали преждевременным. После революции в Китае ситуация кардинально изменилась. В июне 1912 г. в Министерстве иностранных дел были подготовлены «Материалы для инструкции урянхайскому комиссару». В окончательном виде «Инструкция

¹⁷ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 42. Л. 3 об.

¹⁸ Там же. Д. 2. Л. 70.

¹⁹ Там же. Л. 2 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Л. 26.

должностным лицам управления Усинского пограничного округа и Урянхайского края» была утверждена 29 июня 1914 г.²³

Инструкция распространялась на территорию Урянхайского края и примыкавшего к нему Усинского пограничного округа, образованного в составе Енисейской губернии. В 1885 г. круг лиц, которые должны были руководствоваться положениями инструкции, включал: «комиссара по делам Урянхайского края и его управление; усинского пограничного начальника и его помощников; чинов Переселенческого управления, командированных главноуправляющим землеустройством и земледелием»²⁴. По инициативе министра иностранных дел С. Д. Сазонова должность комиссара по делам Урянхайского края приравнивалась по статусу и полномочиям к должности пограничного комиссара, чтобы «не вызвать нарекания со стороны самого Китая, так и со стороны других государств (Японии, Америки, Англии), имеющих существенные интересы на Дальнем Востоке» [Василенко, 2013, с. 31]. Статус пограничного комиссара позволил избежать претензий со стороны китайских властей. Кроме этого Россия получила возможность осуществлять в Урянхайском крае пророссийскую деятельность. Вместе с тем объем полномочий урянхайского комиссара существенно превышал полномочия остальных пограничных комиссаров, осуществлявших деятельность на Дальнем Востоке России.

Урянхайский комиссар исполнял «общее руководство и надзор за деятельностью всех лиц, находящихся в составе управления данной местностью»²⁵; противодействовал провозу через границу запрещенных товаров (спирт, оружие, опиум, порох); принимал меры к возвращению угнанного за границу скота; составлял отчеты о состоянии торговли на вверенной ему территории; выдавал проездные документы для лиц, пересекавших государственную границу; осуществлял руководство полицией²⁶. В инструкции отмечалась особая обязанность «вести сношения с туземным населением сего края»²⁷.

Оценивая круг полномочий урянхайского пограничного комиссара, согласимся с исследователем В. А. Василенко в том, что в 1913 г. в Урянхайском крае (будущей Туве) были внедрены механизмы российского влияния в лице пограничного комиссара и подчиненных ему должностных лиц [Василенко, 2016, с. 230]. В целом, ссылаясь на исследования ряда авторов, необходимо отметить, что деятельность урянхайского пограничного комиссара дала положительные результаты [Василенко, 2013; 2016; Кузьмин, 2018; Суходолов, Кузьмин, 2016]. В 1914 г. по ходатайству урянхайских родов Тува приняла российский протекторат [Василенко, 2016, с. 236].

Подводя итог, отметим, что появление комиссарств тесно связано с определением государственных границ между Россией и Китаем. С установлением границы вопросы, связанные с жизнедеятельностью населения приграничной полосы двух государств, нуждались в регулировании дипломатическими средствами. Одним из решений стало учреждение должности пограничного комиссара со штатом переводчиков. По мере усиления российско-китайского взаимодействия увеличивался штат, изменялись полномочия комиссарств, приспосабливаясь к региональным потребностям либо внешнеполитическому курсу российской власти. При этом единой системы пограничных комиссарств так и не сложилось. Комиссарства, схожие по должностным инструкциям и штатам, действовали независимо друг от друга, решая внешнеполитические задачи конкретного региона. Кяхтинский комиссар был сосредоточен на осуществлении порядка организации торговли с Китаем в Кяхте. У южно-уссурийского комиссара преобладали охранные функции. Амурский комиссар осуществлял преимущественно миграционный учет прибывавших китайских и корейских подданных. Урянхайский

²³ Инструкция должностным лицам управления Усинского пограничного округа и Урянхайского края. URL: <https://www.prlib.ru/item/465347> (дата обращения 16.12.2022).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

комиссар проводил пророссийскую политику, взаимодействуя с местными властями Урянхайского края.

Вместе с тем основной задачей всех пограничных комиссаров являлись сглаживание пограничных конфликтов и установление добрососедских отношений с Китаем. Их деятельность, направленная на поддержание мирных взаимоотношений между российскими и китайскими подданными, между жителями приграничной полосы, способствовала обеспечению социально-политической стабильности в пограничных районах на восточных окраинах Российской империи.

Список литературы

- Василенко В. А.** Отношения стран «Центральноазиатского треугольника» по «Урянхайскому вопросу» (1911–1914 гг.) // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века. Улан-Батор; Иркутск, 2016. Т. 1. С. 216–240.
- Василенко В. А.** Пограничный комиссар в Туве в 1913 году: назначение, проблемы, противостояние // Научные исследования Тувы. 2013. № 4. С. 29–38.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.** Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: Отгиск, 2018. Т. 2. 416 с.
- Ерошкин Н. П.** История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1968. 368 с.
- Кузьмин С. Л.** Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в. // Oriental Studies. 2018. № 3 (37). С. 2–13.
- Курц Б. Г.** Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. 158 с.
- Маланова А. В.** Кяхтинское градоначальство и А. И. Деспот-Зенович // Молодой ученый. 2011. № 9. С. 163–167.
- Малыгина О. А.** Кяхтинское градоначальство – особый административный проект Забайкальского трансграничья (вторая половина XIX в.) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 88–91.
- Мамкина И. Н., Гусевская Н. Ю.** Реализация геополитических интересов Российской империи в приграничных районах Северной Маньчжурии после боксерского восстания // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2019. Вып. 9, ч. 2. С. 112–116.
- Мишакова О. Э.** Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник БГУ. 2011. № 7. С. 46–50.
- Нестерова Е. И.** Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х – начало 70-х годов XIX века) // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 118–125.
- Павлов Ю. А.** Офицеры – пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 1. С. 105–109.
- Петров А. И.** Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 3–13.
- Попов И. В.** Торговля России и Китая через Кяхту и Маймачен // MONGOLICA. СПб., 2013. Т. 11. С. 28–36.
- Ремнев А. В.** Самодержавие и Сибирь. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 252 с.
- Саркисова Г. И.** «Во уважение отличного усердия... к службе и в пользу государства подвигов» (архивные материалы о пограничном комиссаре В. К. Игумнове и его семье) // Исторические события в жизни Китая и современность: Материалы V Всерос. науч. конф. Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН (Москва, 30–31 октября 2019 г.). М., 2019. С. 42–46.

- Саркисова Г. И.** Некоторые аспекты формирования кадровой политики коллегии иностранных дел на китайском направлении во второй половине XVIII в. (по архивным материалам) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т. 19, № 19. С. 359–379.
- Соколенко А. В.** Участие пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в борьбе с деятельностью иностранных разведок на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Грамота. 2015. № 10 (60), ч. 2. С. 152–157.
- Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В.** Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии. Иркутск: Изд-во Байкал. ун-та, 2016. 312 с.
- Сычевский Г. А.** Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Саввского пограничного правления Сычевским в 1846 г. М.: Имп. об-во истории и древностей рос. при Московском ун-те, 1875. 300 с.
- Шмонин И. В., Шмонин Д. И.** Исторические аспекты обеспечения безопасности дальневосточных границ России в начале XX в. // Россия и АТР. 2015. № 4 (90). С. 121–129.
- Шмонин И. В., Шмонин Д. И.** Деятельность управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае по защите национальных интересов Российской империи // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 206–217.

Список источников

- Внешняя политика России XIX – начало XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия вторая. 1815–1830 гг. М.: Госполитиздат, 1978. Т. 3 (11). 344 с.
- Русско-китайские отношения 1689–1916 г. М.: Вост. лит., 1958. 137 с.

References

- Dameshek L. M., Dameshek I. L.** Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.) [Siberia in the System of Imperial Regionalism (1822–1917)]. Irkutsk, Ottisk, 2018, vol. 2, 416 p. (in Russ.)
- Eroshkin N. P.** Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [History of Pre-revolutionary Russian State Institutions]. Moscow, Vysshaya shkola, 1968, 368 p. (in Russ.)
- Kuzmin S. L.** Uryankhaiskii vopros i mongolo-tuvinskii otnosheniya v nachale XX v. [Uriankhai Issue and Mongolia-Tuvan Relations in the Early 20th Century]. *Oriental Studies*, 2018, no. 3 (37), pp. 2–13. (in Russ.)
- Kurts B. G.** Russko-kitaiskie otnosheniya v XVI, XVII i XVIII stoletiyakh [Russian-Chinese Relations in the 16th, 17th and 18th Centuries]. Kharkov, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy, 1929, 158 p. (in Russ.)
- Malanova A. V.** Kyakhtinskoe gradonachal'stvo i A. I. Despot-Zenovich [Kyakha City Municipality and A. I. Despot-Zenovich]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2011, no. 9, pp. 163–167. (in Russ.)
- Malygina O. A.** Kyakhtinskoe gradonachal'stvo – osobyi administrativnyi proekt Zabaikal'skogo transgranich'ya (vtoraya polovina XIX v.) [Kyakha City Municipality: A Special Administrative Project to Transform the Trans-baikal Transboundary Area (The 2nd Half of the 19th Century)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2017, no. 12, pp. 88–91. (in Russ.)
- Mamkina I. N., Gusevskaya N. Yu.** Realizatsiya geopoliticheskikh interesov Rossiiskoi imperii v prigranichnykh raionakh Severnoi Man'chzhurii posle bokserskogo vosstaniya [The Realization of the Geopolitical Interests of the Russian Empire in the Border Areas of the Northern Manchuria after the Boxers' Uprising]. In: Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: Materialy IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Russia and Chi-

- na: History and Perspectives of Cooperation: Proceedings of the 9th International Scientific-Practical Conference]. Blagoveshchensk, 2019, iss. 9, pt. 2, pp. 112–116. (in Russ.)
- Mishakova O. E.** Kyakhta: ot karavannoi trgovli do porto-franko. Iz istorii torgovykh otnoshenii Rossii i Kitaya v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Kyakhta: From Caravan Trade to Free Port. From the History of Trade Relations between Russia and China in the 18th – 1st Half of the 19th Century]. *Vestnik BGU [Bulletin of the BSU]*, 2011, no. 7, pp. 46–50. (in Russ.)
- Nesterova E. I.** Yuzhno-Ussuriiskoe pogranichnoe komissarstvo: ot proekta do realizatsii (konets 60-kh – nachalo 70-kh godov XIX veka) [Administration of Boundary Commissioner in the South Ussuri Region: from Project to Implementation (Late 60s – Early 70s of the 19th Century)]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*, 2018, no. 5, pp. 118–125. (in Russ.)
- Pavlov Yu. A.** Ofitsery – pogranichnye komissary na Dal'nem Vostoke (konets XIX – nachalo XX v.) [Boundary Commissioners of the Far East (the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries)]. *Vestnik DVO RAN [Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences]*, 2009, no. 1, pp. 105–109. (in Russ.)
- Petrov A. I.** Kitaitsy v Kyakhte (1727–1917 gg.) [Chinese in Kyakhta (1727–1917)]. *Vestnik DVO RAN [Bulletin of the FEB RAS]*, 2009, no. 1, pp. 3–13. (in Russ.)
- Popov I. V.** Torgovlya Rossii i Kitaya cherez Kyakhtu i Maimachen [Trade of Russia and China through Kyakhta and Maymachen]. *MONGOLICA*. St. Petersburg, 2013, vol. 11, pp. 28–36. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Samoderzhavie i Sibir' [Autocracy and Siberia]. Omsk, OmSU Press, 1995, 252 p. (in Russ.)
- Sarkisova G. I.** “Vo uvazhenie otlichnogo userdiya... k sluzhbe i v pol'zu gosudarstva podvigo” (arkhivnye materialy o pogranichnom komissare V. K. Igumnove i ego sem'e) [“In respect of excellent diligence... for service and feats benefiting the state” (Archival Materials about the Border Commissar V. K. Igumnov and His Family)]. In: *Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost': Materialy V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii Tsentra noveishei istorii Kitaya i ego otnoshenii s Rossiei IDV RAN* [“Historical Events in China's Life and Modernity”: Proceedings of the 5th All-Russian Scientific Conference of the Center of Modern History of China and its Relations with Russia of IFE RAS]. Moscow, 2019, pp. 42–46. (in Russ.)
- Sarkisova G. I.** Nekotorye aspekty formirovaniya kadrovoi politiki kollegii inostrannykh del na kitaiskom napravlenii vo vtoroi polovine XVIII v. (po arkhivnym materialam) [Russia's Board of Foreign Affairs in the 2nd Half on the 18th Century: Some Aspects of the Forming of the Personnel Policy in Chinese Direction (on Archival Materials)]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, 2014, vol. 19, no. 19, pp. 359–379. (in Russ.)
- Sokolenko A. V.** Uchastie pogranichnykh komissarov Priamurskogo general-gubernatorstva v bor'be s deyatelnost'yu inostrannykh razvedok na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale XX v. [Participation of the Border Commissars of the Amur Governorate-General in the Fight against the Activities of Foreign Intelligence Services in the Russian Far East in the Beginning of the 20th Century]. *Gramota [Diploma]*, 2015, no. 10 (60), pt. 2, pp. 152–157. (in Russ.)
- Sukhodolov A. P., Kuzmin Yu. V.** Mongoliya i russko-mongol'skie otnosheniya pervoi poloviny XX veka: problemy istorii i istoriografii [Mongolia and Russian-Mongolian Relations of the 1st Half of the 20th Century: Problems of History and Historiography]. Irkutsk, Izdatel'stvo Baikal'skogo universiteta, 2016, 312 p. (in Russ.)
- Sychevsky G. A.** Istoricheskaya zapiska o kitaiskoi granitse, sostavlenaya sovetnikom Troitsko-Savvskogo pogranichnogo pravleniya Sychevskim v 1846 g. [Historical Note on the Chinese Border, Compiled by the Adviser of the Troitsko-Savva Border Board Sychevsky in 1846]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1875, 300 p. (in Russ.)
- Shmonin I. V., Shmonin D. I.** Deyatel'nost' upravleniya pogranichnogo komissara v Yuzhno-Ussuriiskom krae po zashchite natsional'nykh interesov Rossiiskoi imperii [Activities of Ad-

ministration of Boundary Commissioners Office in the South Ussuri Region for Protection of National Interests of the Russian Empire]. *Rossiya i ATR [Russia and the Pacific]*, 2016, no. 4, pp. 206–217. (in Russ.)

Shmonin I. V., Shmonin D. I. Istoricheskie aspekty obespecheniya bezopasnosti dal'nevostochnykh granits Rossii v nachale XX v. [Historical Aspects of Providing Security of Russia's Far Eastern Borders in the Early 20th Century]. *Rossiya i ATR [Russia and the Pacific]*, 2015, no. 4 (90), pp. 121–129. (in Russ.)

Vasilenko V. A. Pogranichnyi komissar v Tuve v 1913 godu: naznachenie, problemy, protivostoyanie [Border Commissioner in Tuva in 1913: Appointment, Problems, Confrontation]. *Nauchnye issledovaniya Tuvy [Scientific Research of Tuva]*, 2013, no. 4, pp. 29–38. (in Russ.)

Vasilenko V. A. Otnosheniya stran «Tsentral'noaziatskogo treugol'nika» po «Uryankhaiskomu voprosu» (1911–1914 gg.) [“Central Asian Triangle” Countries' Positions Regarding the “Urianhai question” (1911–1914)]. In: Kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii v pervoi polovine XX veka [Conceptual Questions of Russian-Mongolian Relations in the 1st Half of the 20th Century]. Ulan-Bator, Irkutsk, 2016, pp. 216–240. (in Russ.)

List of Sources

Vneshnyaya politika Rossii XIX – nachalo XX veka. Dokumenty Rossiiskogo Ministerstva inostrannykh del. Seriya vtoraya. 1815–1830 gg. [Russia's Foreign Policy in the 19th – Early 20th Century. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Series 2. 1815–1830]. Moscow, Gospolitizdat, 1978, vol. 3 (11), 344 p. (in Russ.)

Russko-kitaiskie otnosheniya 1689–1916 g. [Russian-Chinese Relations 1689–1916]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1958, 137 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Инна Николаевна Мамкина, доктор исторических наук, доцент
WoS Researcher ID U-4596-2017

Information about the Author

Inna N. Mamkina, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
WoS Researcher ID U-4596-2017

*Статья поступила в редакцию 13.03.2023;
одобрена после рецензирования 23.04.2023; принята к публикации 12.05.2023.
The article was submitted on 13.03.2023;
approved after reviewing on 23.04.2023; accepted for publication on 12.05.2023*

Научная статья

УДК 327.2+93/94

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-95-107

Начало формирования военно-медицинской службы русской армии в Туркестанском крае в 60-е годы XIX века

Ольга Петровна Кобзева¹
Тимур Туляганович Раишев²

^{1,2} Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
Ташкент, Республика Узбекистан

¹ kobzeva1975@internet.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9992-5999>

² timur.raishev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7086-5032>

Аннотация

Анализируется состояние местной медицины перед завоеванием Российской империей среднеазиатского региона. Исследуются факторы, приводившие к заболеваниям и смертности в русских войсках, среди которых выступают окружающие условия (климат, водные ресурсы, неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка), а также эпидемические болезни, такие как: различные виды лихорадки, тифа, дизентерия, глазные болезни и др. Делается вывод, что в 60-е гг. XIX в. на территории Туркестанского края имперскими властями была заложена основа системы военного здравоохранения, получившая в дальнейшем развитие в создании военно-медицинской инфраструктуры в рамках Туркестанского военного округа во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова

Российская империя, Туркестан, округ, военные, медицина, нормативная база, госпитали, лазареты, врачи, эпидемии

Для цитирования

Кобзева О. П., Раишев Т. Т. Начало формирования военно-медицинской службы русской армии в Туркестанском крае в 60-е годы XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 95–107. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-95-107

The Beginning of Formation of the Military Medical Service of the Russian Army in the Turkestan Region in the 1860s

Olga P. Kobzeva¹, Timur T. Raishev²

^{1,2} Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan
Tashkent, Republic of Uzbekistan

¹ kobzeva1975@internet.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9992-5999>

² timur.raishev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7086-5032>

Abstract

The history of the military medical service in Turkestan during the imperial period has yet to be thoroughly studied. This article aims to analyze the formation of the military healthcare system in Central Asia during the 1860s based on various approaches and methods and a wide range of archival materials, regulatory legal acts, historical sources, and scientific literature. The research delves into the state of traditional medicine in the region before the Russian con-

© Кобзева О. П., Раишев Т. Т., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 95–107
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 95–107

quest, examines the issues of adapting Russian troops to local climate conditions during the Turkestan campaigns, and analyzes the activities of military medical ranks, and the process of establishing military medical institutions in the Turkestan region, and later, in the Turkestan General-Governorship (Turkestan Military District). The study concludes that by the end of the 1860s, the military medicine system was established in the Turkestan Region, which includes regulations, military medical institutions such as hospitals, semi-hospitals (polu-gospitals), infirmaries (lazarets), and personnel to assist not only the servicemen of the Russian army but also the local population.

Keywords

Russian empire, Turkestan, district, military, medicine, regulatory framework, hospitals, infirmaries, doctors, epidemics

For citation

Kobzeva O. P., Raishev T. T. The Beginning of Formation of the Military Medical Service of the Russian Army in the Turkestan Region in the 1860s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 95–107. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-95-107

Изучение общей истории России и Туркестанского края имперского периода и формирование объективного, правдивого представления о тех событиях являются важной задачей ученых-историков и туркестановедов обеих стран. Актуальность темы нашего исследования продиктована необходимостью более тщательного изучения истории создания в Туркестане системы военного здравоохранения и ее функционирования в первые годы нахождения военных контингентов Российской Императорской армии в Средней Азии.

Теоретико-методологической базой исследования стали труды ученых в области медицины (см. [Болкунов, 1975]), а также истории Туркестана, военной истории (см., например, работы S. Hohmann [2009], А. Ю. Безугольного и др. [2012], С. Б. Шадмановой [2017], И. В. Волкова [2020]). В кандидатской диссертации В. Ф. Болкунова – директора Музея здравоохранения Республики Узбекистан имени К. С. Заирова исследуются такие актуальные вопросы, как санитарно-эпидемиологическая обстановка в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в., холерные эпидемии и борьба с ними в крае (1872–1917 гг.). Особое внимание хотелось бы уделить работе французского доктора социальных наук Софи Оманн (Sophie Hohmann). Данное исследование рассматривает процесс становления российской военно-медицинской политики и сравнивает ее с опытом других стран мира. В коллективной монографии А. Ю. Безугольного, Н. Ф. Ковалевского, В. Е. Ковалева рассматривается эволюция военно-окружной системы Российской империи за период 1862–1918 гг. В этом исследовании также приводятся данные по военным округам, в частности по Туркестанскому военному округу, касающиеся военной медицины. В работе профессора С. Б. Шадмановой содержатся данные по состоянию сферы медицины в среднеазиатском регионе накануне завоевательных походов России, по различным видам заболеваний и способам их лечения, а также уделено внимание развитию русской медицины в крае. В докторской диссертации И. В. Волкова исследованию системы здравоохранения Туркестанского края отведен целый параграф, посвященный созданию медицинской службы в регионе и ее функционированию до 1917 г.

Использование комплексного и междисциплинарных подходов при изучении политики императорской России в Туркестанском крае во многом облегчило задачу исследования, так как позволило не только привлечь данные исторических источников, очерки современников, но и использовать законодательные документы, а также отчеты и статистику, касающиеся военных и медицинских учреждений. Кроме этого были применены такие методы научного познания, как: принцип историзма, последовательности, ситуационный анализ, который позволил выявить основное содержание имперской колониальной политики в области здравоохранения в Туркестане, структурно-диахронический метод, с помощью которого удалось проследить эволюцию, произошедшую в развитии медицины в Туркестане в рассматриваемый период. Для углубления в суть политики, проводимой в области военной медицины, использовался компаративный метод. Сравнению подвергается медицина доколониального и имперского периодов. Проблемно-хронологический метод позволил реконст-

руировать последовательность происходивших исторических событий, а историко-географический – точно выделить территорию российско-туркестанского взаимодействия в сфере военного здравоохранения. В результате рационального использования данных методологических установок статья получила прочный научно-теоретический фундамент.

Источниковедческую базу для написания статьи составили вещественные и письменные источники. До наших дней сохранились многообразные материальные источники, такие как: различные скальпели, металлические инструменты, с помощью которых табибы удаляли ришту, ланцеты, разные емкости, где хранились лекарственные снадобья или извлеченная из человека ришта и др. Наличие данного материала позволяет нам говорить о достаточно высоком уровне развития народной медицины, традиции которой сохранились еще с периода «Мусульманского Ренессанса», времен Авиценны, хранящиеся в фондах Музея здравоохранения РУз имени К. С. Заирова и Музея Бухарского Арка. Была применена видовая классификация письменных источников: использованы законодательные акты (нормативно-правовые акты, положения, касающиеся становления и функционирования здесь системы военного здравоохранения), делопроизводственные документы (хранящиеся в фондах Национального архива Республики Узбекистан (НАУз) и относящиеся к рассматриваемому историческому периоду (60-е гг. XIX в.)), в частности нами были привлечены материалы из следующих фондов НАУз: И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), И-17 (Сырдарьинское областное правление), И-1396 (Штаб Туркестанского военного округа), Всеподданнейшие отчеты Военного министерства, Главного Госпитального комитета, областные отчеты; мемуарные (воспоминания путешественников, очерки очевидцев и современников событий); историографические источники (диссертационные материалы и научные статьи), в том числе хранящиеся в диссертационном и депозитарном фондах Государственной научной медицинской библиотеки Министерства здравоохранения Республики Узбекистан.

Целью исследования стало выявление специфических во временно-пространственном измерении и особой географической среде для Туркестанского края факторов, повлиявших на формирование российской военной медицины. Задачами являются: анализ состояния народной медицины в Средней Азии до прихода в регион Российской империи, с отсылкой, с одной стороны, к уникальному многовековому опыту народов Средней Азии, а с другой стороны, появлению причин, повлиявших на стагнацию и отсталость в данной сфере. В связи с этим была поставлена задача изучить этапы формирования нормативно-правовой базы российской военно-медицинской службы в Туркестанском крае, показать сложный процесс становления военного здравоохранения в 60-е гг. XIX в. и недостатки, проявившиеся в особенностях местных природно-климатических условий, негативно влиявших на здоровье расквартированных на территории Туркестанского края российских военных, в постоянной нехватке финансирования отрасли и, самое важное, в недостатке качественных квалифицированных кадров (от врачей до повитух).

Хронологические рамки ограничены 60-ми гг. XIX в., поскольку именно в данный исторический период формируются основы военно-санитарной медицины края.

Научная новизна исследования заключается в следующем: изучено состояние народной медицины на территории Средней Азии накануне завоевания, отмечается ее отставание от передовых достижений европейской науки того периода; история Туркестанского края изучается как история имперской политики России в области военного здравоохранения, непосредственно с ее целями, стратегическими задачами, а также имевшими место недостатками; доказано, что военное продвижение императорской России в среднеазиатский регион, в результате чего здесь был образован Туркестанский военный округ (ТуркВО), на постоянной основе расквартированы российские военные части, а также в целях сохранения здоровья военнослужащих ввиду неблагоприятной санитарно-гигиенической обстановки Туркестанского края (природно-климатические факторы), пагубно отражавшейся на здоровье военных, послужили толчком к созданию здесь системы медико-санитарной службы и законодательной базы для нее; на основе применения видовой классификации источников ком-

плексно исследованы вопросы формирования системы военного здравоохранения в Туркестанском крае в 60-е гг. XIX в., что, безусловно, будет способствовать восполнению до сих пор остающихся многочисленных «белых пятен» в общей истории России и стран центрально-азиатского региона.

До начала завоевания Туркестанского края Российской империей во второй половине XIX в. на этих территориях не существовало профессиональной системы медицинского обслуживания. Медицинские услуги в то время осуществлялись методами народной медицины, вобравшей в себя приемы доисламской и средневековой исламской традиций. Основными врачами были: табибы, джаррахи (хирурги), риштачи (хирурги, удалявшие ришту – гвинейскую червь), синикчи (травматологи), доя (повивальные бабки), зулукчи (гирудотерапевты). Основными лекарствами выступала продукция растительного, животного происхождения, различные минералы, сборы и др.

Многие растения привозились из стран Востока: из Индии – тамаринд (индийский финик) от ожирения, из Аравии – сану (александрийский лист), который применяли против запора, из Китая и Тибета везли мумие, также снадобья доставляли из Персии и Афганистана [Шадманова, 2017, с. 121].

Наружно применялись змеиная кожа, порошки из ящериц, желчь кабанов, медвежье и тигровое сало. В лечении практиковалась доисламская медицина с выраженным тотемистическим характером (когти тигра, клыки кабана, камни) и методы исламской традиции – талисманы с записями молитв из Корана (дуа-гумар) (Шишов, 1904, с. 380–381, 391).

Таким образом, санитарная обстановка в среднеазиатском регионе оставляла желать лучшего. Например, российский горный инженер Т. С. Бурнашев, посетивший в 1794–1795 гг. Бухарский эмират, писал о распространении в Бухаре таких заболеваний, как волосатик (*Gordius aquaticus*) – ришта, лихорадка, любострастная болезнь (сифилис) (Путешествие от Сибирской линии..., 1818, с. 92–95). А в 1800 г. по поручению императора Павла I он вместе с горным чиновником М. С. Поспеловым посетил Ташкент, где описал, что в городе распространены оспа, горячка и любострастная болезнь (Путешествие от Сибирской линии..., 1819, с. 157). Знаменитый путешественник А. Вамбери указывал в качестве причин распространения в регионе различной заразы климатический фактор и некачественную воду (Вамбери, 2003, с. 146).

«Большой знаток Туркестана генерал Н. И. Корольков писал о том, что местные жители обычно обращались за помощью к местным “врачам-табибам”, которые их лечили такими снадобьями, что они или уродовались на всю жизнь, или же преждевременно умирали» [Волков, 2020, с. 235].

Сенатор Ф. К. Гирс в своем ревизионном отчете писал следующее: «Туземная медицина... довольно успешно борется с помянутыми болезнями, употребляя для того средства и весьма оригинальные хирургические приемы, как например вытягивание ришты из человеческого тела. Туземные врачи несколько не подходят к так называемым знахарям коренной России; они обладают, по-своему, весьма значительным запасом практических медицинских сведений, доставшимся Средней Азии от арабов в период цветущего состояния их владычества в этой стране. Имена и сочинения Гиппократ, Авиценны и Аверроэса небызвестны врачам-туземцам. В библиотеках их, по всему вероятно, находится порядочный запас медицинских сведений, а в помещениях туземных врачей, служащих вместе с тем аптеками, хранится значительное количество мало или совершенно неизвестных ученому миру лекарств» (Гирс, 1884, с. 164). Но услуги таких врачей были не доступны простому народу, ими пользовались ханы с семьями, элита и богатое сословие.

По результатам ревизии Гирс предлагал туркестанским медикам и местной администрации уделить большее внимание изучению данного вида медицины и фармакологии.

Тем не менее, с началом «туркестанских походов» императорская армия России столкнулась здесь с довольно неблагоприятными окружающими природными условиями: резко-

континентальный климат, недостаток питьевой воды, антисанитарные условия, в которых приходилось нести службу войскам.

В частности, полковник Генерального штаба Л. Ф. Костенко отмечает в своем отчете «континентальность и сухость» климата Туркестанского края. Также он описывал, что на всей территории Туркестанского округа погода отличалась резкими переходами при смене не только времен года, но и дня и ночи (Костенко, 1880, с. 293).

Во время этих походов российским войскам пришлось столкнуться не только с противником из плоти и крови, а также с абстрактным, но куда более значительным «врагом», таким как антисанитария, различные заразные заболевания в войсках, приводившим к смерти. К примеру, среди военнослужащих в 1864 г. встречались такие заболевания, как катаральная, гастричная горячки, лихорадка, дизентерия, воспаление глаз, желтуха и др.¹

В своем рапорте от 16 июня 1865 г. командующему Оренбургским линейным батальоном № 6 старший лекарь этого батальона Надворжик писал, что на пути следования из Оренбургской крепости наблюдались случаи заболевания «тифозной горячкой», число больных дошло до 20 чел. Главными причинами заболеваемости батальонный лекарь указал две: а) «резкая перемена в температуре воздуха, обозначенная дневным жаром и холодными ночами»; б) «молодость нижних чинов (от 18 до 20 лет), не привычных переносить степной поход, и климат совершенно различный от климатов, в котором они жили до сих пор»². Им были предложены рекомендации в целях недопущения распространения указанных заболеваний³.

За период 1868–1872 гг. в туркестанских войсках были распространены такие эпидемические заболевания, как цинга, горячка, разные виды тифа, холера (ввезенная из Британской Индии) (Костенко, 1875, с. 70). Основными направлениями, по которым осуществлялось проникновение этих заболеваний в пределы Туркестанского края, были караванные тропы и почтовые тракты, через которые Россия вела внешнюю торговлю с Афганистаном, Персией (Ираном) и Индией [Болкунов, 1975, с. 44].

В данной ситуации, трудности адаптации войск к местным природным условиям, отсутствие гигиенических и санитарных условий в периоды походов и местах дислокации войск, приводившие к многочисленной заболеваемости, требовали от военного командования создания в Туркестанском крае системы военно-санитарной медицины.

Безусловно, создание системы военного здравоохранения на среднеазиатской территории не было одномоментным. Как отмечает в диссертации И. В. Волков, «приобщение коренного населения нашего региона к благам российской медицины началось уже в 50-х гг. XIX в., еще до того, как территории Средней Азии официально стали частью Российской империи» [2020, с. 236]. Военные медики, служившие в фортах Сырдарьинской линии, предоставляли медицинскую помощь автохтонному населению, однако она не была консолидированной [Там же].

9 февраля 1861 г. в Петербурге приняли «Положение о правах и обязанностях Старшего Доктора при Командующем Сырдарьинской линией». Согласно 1-му и 2-му параграфам данного нормативного акта, в военно-административном отношении он подчинялся командующему линией, а в медицинском – штаб-доктору отдельного Оренбургского корпуса. Старший доктор постоянно находился при командующем линией. Круг служебно-административных обязанностей данного чиновника был довольно разнообразен, например он соединял в себе должности дивизионных докторов в регулярных войсках и старших врачей в казачьих войсках (ПСЗ-II, 1863, т. 36, с. 82). Из § 4 следует, что ему были подчинены все военно-медицинские специалисты, работавшие на Сырдарьинской военной линии (врачи, их помощники, фармацевтические и ветеринарные чиновники) (ПСЗ-II, 1863, т. 36, с. 84).

¹ НАУз. Ф. И-17. Оп. 1. Ед. хр. 2887. Д. 1. Л. 1–2.

² Там же. Ед. хр. 28891. Д. 3. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об. – 2.

В § 3 рассматриваемого закона определялись обязанности старшего доктора. В случае крупных экспедиций, рекогносцировок, когда командующий линией выступал в поход, старший доктор тоже находился при отряде, он заведовал транспортом для больных и раненых, лечил их и даже оперировал (ПСЗ-II, 1863, т. 36, с. 83–84).

В марте 1862 г. в фортах № 1 и Перовский Сырдарьинской линии были учреждены должности акушерок (ПСЗ-II, 1865, т. 37, с. 254–255). Таким образом, первые начинания были сделаны, но, тем не менее, мы не можем говорить еще о какой-либо системности в тот период.

На новом этапе, 6 августа 1865 г., когда военно-окружная система охватывает и азиатскую территорию Российской империи, были созданы Кавказский, Оренбургский, Западно- и Восточно-Сибирский военные округа (ПСЗ-II, 1867, т. 40, с. 851). Тогда же, согласно «Временному Положению об управлении Туркестанской областью» (которая была образована 25 января того же года), данную военно-административную единицу передали в ведение командующего Оренбургским военным округом (ПСЗ-II, 1867, т. 40, с. 876–881).

Говоря о системе здравоохранения в Туркестане, необходимо отметить, что она изначально была подчинена военному ведомству в отношении не только военнослужащих и переселенцев, но и коренных жителей [Волков, 2020, с. 237].

Во «Временном Положении об управлении Туркестанской областью» военно-медицинской части отводилось важное значение. Так, согласно данному акту военный губернатор в отношении врачебной части распоряжался через особых лиц, заведующих данными частями в области; в отношении госпитальных учреждений, он исполнял обязанности и пользовался правами инспектора госпиталей в округе; мог представлять к наградам заведующего медицинской частью (ПСЗ-II, 1867, т. 40, с. 877).

Настоящее «Временное Положение» наделяло заведующего медицинской частью Туркестанской области обязанностями и правами старшего доктора бывшей Сырдарьинской линии, на основании приложения к ст. 1649 кн. 2 ч. 1 «Свода военных постановлений». Он подчинялся окружному военно-медицинскому инспектору, однако состоял в ведении военного губернатора Туркестанской области (ПСЗ-II, 1867, т. 40, с. 879).

В сентябре того же года был расширен медицинский штат в военных укреплениях Туркестанской области Чимкент, Мерке, Токмак и др. Так, например, в Чимкенте были добавлены должности главного лекаря и двух старших ординаторов, управляющего аптекой, старшего и младшего фельдшеров, старшего и младшего аптекарских учеников по одному человеку. В Мерке, Токмаке, Арыси и Чулак-Кургане добавили по одному старшему ординатору и по одному фельдшеру, а штат полугоспиталя в форте Перовский дополнили должностью главного лекаря по примеру полугоспиталя в форте № 1 (ПСЗ-II, 1867, т. 40, с. 961). В результате большой необходимости в городах области, где жило наибольшее количество семейных офицеров и нижних чинов, в акушерской помощи 1 марта 1866 г. высочайше утвержденным положением Военного совета в Туркестанской области были учреждены две должности повивальной бабки – акушерки (ПСЗ-II, 1868, т. 41, с. 219).

1867 г. стал знаковым, поскольку именно тогда впервые в Туркестанском крае происходит полномасштабная интеграция среднеазиатского пространства в российскую военно-окружную систему. В результате продолжавшихся реформ в военно-административном устройстве Российской империи в 1867 г. были образованы Туркестанское генерал-губернаторство и Туркестанский военный округ. Соответственно это нашло свое отражение и в военно-медицинской системе.

Единоначалие в Туркестанском военном округе принадлежало местному генерал-губернатору, которому присваивалось звание командующего войсками округа (ПСЗ-II, 1867, т. 39, с. 701; 1871, т. 42, с. 1159). Документы свидетельствуют о том, что командующий войсками ТуркВО обладал теми же правами и обязанностями, которые были определены Общим положением от 6 августа 1864 г. для этих лиц. Так, согласно пункту 11 данного Положения командующий войсками округа «...заботится об охране здоровья войск, следит за благо-

устройством военных госпиталей и лазаретов и в случае появления эпидемических и заразных заболеваний принимает надлежащие меры к прекращению их» (ПСЗ-II, 1867, т. 39, с. 701). Однако в связи с особым положением края список военных полномочий командующего войсками ТуркВО был расширен.

По рекомендации военного министра Д. А. Милютина командующим войсками в Туркестанский военный округ и одновременно генерал-губернатором края был назначен генерал-адъютант Константин Петрович фон Кауфман 1-й⁴, возглавлявший до этого Виленский военный округ.

Военно-окружное управление Туркестанского военного округа составляли те же отделы, как и в других округах империи: военно-окружной совет; окружной штаб; окружное интендантское управление; окружное артиллерийское управление; окружное инженерное управление; окружное военно-медицинское управление, но с одним отличием – ТуркВО «не полагалось иметь Окружного Инспектора Госпиталей, эту обязанность исполняли Военные Губернаторы Сырдарьинской и Семиреченской областей» (ПСЗ-II, 1871, т. 42, с. 1159).

Окружной штаб Туркестанского военного округа был учрежден на общих основаниях (ПСЗ-II, 1871, т. 42, с. 621). Он состоял из трех отделений: строевое, инспекторское, хозяйственное. Последнее занималось «...удовлетворением войск предметами... медицинского довольствия, а также по довольствию войск от земства» (ПСЗ-II, 1867, т. 39, с. 714).

Снабжение войск и госпиталей деньгами, вещами и продовольствием было возложено на окружное интендантское управление, возглавляемое интендантом округа. Оно состояло из вещевого, продовольственного, денежного отделений (ПСЗ-II, 1867, т. 39, с. 716). В отношении данного управления ТуркВО применялись «без изменений» Положение от 6 августа 1864 г. и Дополнение к нему от 6 августа 1865 г. (ПСЗ-II, 1871, т. 42, с. 621).

Военно-медицинское управление ТуркВО также являлось частью военно-окружного управления. Оно возглавлялось военно-медицинским инспектором округа, учреждалось на общих основаниях. На него возлагались надзор за исполнением всех гигиенических и врачебно-полицейских мер в войсках, наблюдение за надлежащим уходом за больными во врачебных учреждениях округа, снабжение войск и военных госпиталей потребностями медицинского ведомства, наблюдение за военно-ветеринарной частью (ПСЗ-II, 1867, т. 39, с. 736). Также управление заведовало медицинской частью Семиреченского казачьего войска и местного населения в округе (ПСЗ-II, 1871, т. 42, с. 621). Здесь военно-медицинский инспектор руководствовался общим Положением, «действуя во всех случаях через Старших Докторов, состоящих в Областных Штабах» (ПСЗ-II, 1871, т. 42, с. 1161).

В состав совета управления входили: помощник военно-медицинского инспектора, по медицинской части, помощник по фармацевтической части, окружной ветеринарный врач, канцелярия (ПСЗ-II, 1867, т. 39, с. 736). Ввиду того, что это управление заведовало не только военно-медицинской частью, а также военно-народной, штат его был значительно больше по сравнению с числом войск и лечебных учреждений в округе (ПСЗ-II, 1871, т. 42, с. 622).

Для военно-медицинского инспектора ТуркВО порядок объезда военно-медицинских учреждений округа и предоставление отчетности был такой же, как в Оренбургском и Сибирских военных округах (ПСЗ-II, 1871, т. 42, с. 1161). Все предметы ведения, обязанности, права, подчиненность и отношения окружного Инспектора госпиталей возлагались на военных губернаторов областей (ПСЗ-II, 1871, т. 42, с. 1161).

В проекте «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» (1867 г.) существовал целый раздел № VII под названием «Устройство медицинской части». В параграфе 387 этого документа говорилось, что главный медицинский надзор в Туркестанском крае осуществлял медицинский инспектор ТуркВО. По штату в каждом уезде края полагалось иметь уездного врача и повивальную бабку. Они должны были принимать и лечить местное население, выдавать бесплатные лекарства, за счет ассигнований из казны. Согласно

⁴ НАУз. Ф. И-1396. Оп. 2. Ед. хр. 299. Л. 96–97.

параграфу 383 вышеуказанного документа местный уездный врач был ответственен за распространение оспопрививания среди коренного населения края [Ахметжанова, 2013, с. 58]. Это лишний раз подтверждает, что здравоохранение, в том числе и его гражданская часть, в данном регионе находилось в ведении российских военных.

Как отмечает французский исследователь Sophie Hohmann, до прибытия первых гражданских врачей из Санкт-Петербурга в 1878 г. многие медицинские должности в Туркестанском крае оставались вакантными [Hohmann, 2009, p. 322].

После образования ТуркВО было решено должности повитух, служивших здесь ранее, «не упразднять впредь до утверждения положения и штатов о Туркестанском генерал-губернаторстве...»⁵.

До 1868 г., когда в Туркестане был введен проект положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями от 11 июля 1867 г., медицинскую помощь населению в лазаретах и полугоспиталях при фортах и укреплениях оказывали военные медики.

Из описания оказания медицинской помощи населению в этот период в фортах и укреплениях (форт № 1 (Казалинск), Перовск, Туркестан, Аулие Ата, Ташкент) российским историком, этнографом и исследователем Туркестанского края А. И. Добросмысловым (Добросмыслов, 1912, с. 33, 97–98, 152, 179; 1912, с. 323) выделяется характерная общая черта: медпомощь оказывалась врачами, состоявшими при разных воинских частях, военных лазаретах и полугоспиталях.

По сообщениям А. И. Добросмылова, военный лазарет в городе Чимкенте открыт лишь в 1868 г. (Добросмыслов, 1912, с. 197), однако 15 июня 1865 г. было высочайше утверждено положение военного совета «Об учреждении пяти лазаретов на Кокандской передовой линии». Согласно пункту 1 данного акта на Кокандской линии учреждались «пять лазаретов в крепости Чимкенте на 4 офицера, 200 нижних чинов и 10 солдатских жен и в укреплениях Мерке, Токмак, Чулак-Кургане на 20 чел. нижних чинов в каждом» (ПСЗ-II, 1867, т. 40, с. 651).

После учреждения в Туркестане военного округа и прибытия в край К. П. фон Кауфмана в 1868 г. в Ташкенте было открыто первое лечебное заведение – Ташкентский военный лазарет (Добросмыслов, 1912, с. 326). Согласно рапорту военного губернатора Сырдарьинской области от 27 апреля 1868 г. за № 2348, для постройки лазарета было решено выкупить сады, находившиеся на Саларе за Саперными казармами, принадлежавшие пятерым местным жителям: Мирбаба Мулла Тшканову, Азмамету Астенджелапу, Ибрагиму Касымову и его товарищу Ирали Ширбеку, Мир Салихану Таупахану⁶. На покупку садов было испрошено 2 067 руб. серебром⁷.

По мере строительства Ташкентского лазарета в 1869 г. выяснилось, что выкупленной территории на постройку госпитальных зданий недостаточно и что необходимо выкупить в казну «смежный сад со всей под ним землей у Ташкентских жителей Таш-Мухаммед Баженбаева и Амир Мухамед Баженбаева. Сад этот владельцы согласны уступить казне со всею под оным землею и заборами за семьсот рублей»⁸. Необходимо отметить тот факт, что деньги за проданные участки владельцы получали в срок, о чем свидетельствует расписка Баженбаева в получении из инженерного управления 700 руб. серебром, приложенная к рапорту начальника г. Ташкента от 16 ноября 1869 г. за № 4972⁹.

В 1870 г. этот лазарет был преобразован в Ташкентский военный госпиталь второго класса на 415 кроватей [Раишев, 2021, с. 112], находился он на улице Госпитальной, около железнодорожного вокзала.

⁵ НАУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 25. Л. 2, 3.

⁶ Там же. Ф. И-1. Оп. 16. Ед. хр. 95. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 8 – 8 об.

⁹ Там же. Л. 14–15.

В Семиречье в г. Верном в 1869 г., а позже и в остальных городах области были устроены приемные покои с небольшим числом кроватей для больных сифилисом и другими заразными болезнями, для которых домашнее лечение было неудобно (Обзор Семиреченской области, 1883, с. 65–66).

2 мая 1868 г. войска российской императорской армии заняли г. Самарканд. В июне того же года вблизи Самарканда был развернут военный госпиталь. Военные врачи были очень загружены и изредка, в порядке частной практики, оказывали медицинскую помощь гражданскому населению [Арипова, 1980, с. 727–728].

Таким образом, в 1870 г. в округах Российской империи насчитывалось 82 госпиталя (включая полугоспитали с числом мест менее 100), с общим числом мест в них 27 614. Наибольшее количество госпитальных заведений имели «прифронтовые» Кавказский и Туркестанский военные округа (соответственно 23 и 14) [Безугольный и др., 2012, с. 250–251]. Соответственно в ТуркВО из 14 госпитальных учреждений были: 1 госпиталь 2-го класса, 3 госпиталя 1-го класса и 10 полугоспиталей. Число же госпитальных мест в округе составляло в указанный год 1 597. Общее количество больных, пользовавшихся услугами в госпиталях Туркестанского округа, было 11 101 чел. (Отчет Главного Военно-госпитального комитета..., 1872, с. 1–3) Но нужно также учесть то, что представленные данные не показывают полной картины, так как в тот год не были доставлены сведения по шести госпиталям и полугоспиталю Семиреченской области.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Накануне включения Средней Азии в российское имперское пространство на ее территории медицинские услуги в основном оказывались населению посредством народной медицины, методами, основанными на доисламских и исламских традициях. Необходимо подчеркнуть, что во второй половине XIX и вплоть до начала XX в. параллельно с медициной европейского образца в «туземной» части городов и сельской местности продолжала практиковаться народная медицина, в связи с чем местное население изначально предпочитало пользоваться услугами табибов. Это было связано, во-первых, с недоверием, с отсутствием образования, слухами, распускаемыми в обществе в отношении русских врачей, и, во-вторых, с тем обстоятельством, что первые военные врачи, прибывшие в Туркестанский край вместе с войсками, были мужчины (женщины занимали должности повитух, первые женщины-врачи прибывают в край лишь в 80-е гг. XIX в.), и со строгими канонами ислама в отношении женщин-мусульманок. Все это создавало проблемы пользования женским населением благами российской медицины. Справедливости ради нужно отметить, что впоследствии чиновники имперской администрации, в частности сенатор Ф. К. Гирс, отмечали успехи и даже полезность местной медицины и предлагали изучать местный медицинский, фармацевтический опыт, сохранившийся еще с античного периода и времен Авиценны, не известный даже мировому ученому сообществу.

С началом военных действий возникла проблема адаптации военнслужащих российской императорской армии к окружающим условиям, которые российские солдаты не могли выносить: местному климату (резкой перемене погоды в течение суток и сезонов года), отсутствию качественной питьевой воды, санитарно-бытовых и гигиенических норм в местах расквартирования войск и в походное время, что часто приводило к большому числу заболеваний и смертности от таких болезней, как горячка, лихорадка, холера, различные виды тифа и другие опасные инфекции, с многими из которых российские врачи столкнулись впервые (пришта, пендинская язва и др.).

Все это требовало от российского командования и руководства действий по формированию системы военно-санитарной медицины для оказания медпомощи не только военным, но и местному населению Туркестана. За период 1861–1867 гг. была создана нормативно-правовая база военного здравоохранения, в которой в полной мере обозначались принципы функционирования медицинской системы в Туркестане, ее особенности, права и обязанности

чиновников и медиков, а также вопросы материально-технического снабжения военно-медицинских учреждений.

Имперские власти уделяли большое внимание созданию военно-лечебных учреждений (лазаретов, полугоспиталей, госпиталей). В каждом военном укреплении Сырдарьинской и Новококандской линий, а позже Туркестанской области функционировали подобные учреждения. После создания в 1867 г. Туркестанского военного округа и одноименного генерал-губернаторства увеличилось строительство таких заведений. Так, в 1868 г. в крае были открыты первые лечебные заведения: в Ташкенте – Ташкентский военный лазарет, который в 1870 г. был преобразован в военный госпиталь, в городе Самарканде – военно-полевой госпиталь, а в 1869 г. в городе Верном Семиреченской области созданы приемные покои (амбулатории). При госпиталях открывались аптеки, снабжавшие военных и местное население лекарствами, лаборатории для проведения анализов.

Создание военно-медицинских заведений дало толчок формированию кадровой политики в области военной медицины. Как удалось проследить, в соответствии с потребностями каждой определенной территории и в целом региона в лазаретах и госпиталях учреждались должности докторов, лекарей, повивальных бабок (акушеров), ординаторов, провизоров, а также ветеринарных врачей. Важной задачей имперских властей в области военно-медицинской политики была борьба с различными видами эпидемий, например эпидемией холеры, а также распространение оспопрививания среди местного населения.

Из вышесказанного можно заключить, что в 60-е гг. XIX в. в Туркестанском крае формируется система военной медицины, основанная на российской системе военного здравоохранения.

Продолжение изучения данной темы представляется нам важным и перспективным, так как даст возможность по-новому взглянуть на политику Российской империи в Туркестанском регионе и будет способствовать созданию новой дискуссионной, рабочей платформы для ученых-историков, работников архивов России, Узбекистана, государств Центральной Азии, а также коллег из дальнего зарубежья по работе с архивными материалами и источниками имперского периода, касающимися вопросов истории развития военного здравоохранения.

Список литературы

- Арипова Т. У.** Медицинская помощь населению Самаркандской области накануне Великого Октября // Материалы II Всесоюзного съезда историков медицины. Итоги и перспективы исследований по истории медицины. Ташкент, 1980. С. 727–730.
- Ахметжанова А. Т.** Реформы Российской империи 60–90-х годов XIX века в Казахстане. Алматы: Казах. нац. ун-т им. аль-Фараби, 2013. 222 с.
- Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев В. Е.** История военно-окружной системы в России 1862–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2012. 758 с.
- Болкунов В. Ф.** История борьбы с холерой в Туркестанском крае (1872–1924 гг.): Дис. ... канд. мед. наук. Ташкент, 1975. 195 с.
- Волков И. В.** Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии: Дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2020. 513 с.
- Раишев Т. Т.** Из истории Туркестанского военного округа (1867–1914 гг.). Ташкент: TAMADDUN, 2021. 168 с.
- Шадманова С. Б.** Медицина и население Туркестана: традиции и новации (конец XIX – начало XX вв.) // Историческая этнология. 2017. Т. 2, № 1. С. 119–139.
- Hohmann S.** La médecine moderne au Turkestan russe : un outil au service de la politique colonial // Cahiers d'Asie centrale. 2009. No. 17/18. P. 319–352.

Список источников

- Вамбери А.** Путешествие по Средней Азии. М.: Вост. лит., 2003. 320 с.
- Гирс Ф. К.** Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884. 463 с.
- Добросмыслов А. И.** Города Сырдарьинской области. Казалинск, Перовский, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Ташкент: Эл.-паров. типо-лит. А. О. Порцева, 1912. 204 с.
- Добросмыслов А. И.** Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Эл.-паров. типо-лит. О. А. Порцева, 1912. 520 с.
- Костенко Л. Ф.** Туркестанские войска и условия их бытовой походной и боевой жизни // Военный сборник. 1875. Т. СIII. С. 61–82.
- Костенко Л. Ф.** Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1880. Т. 1. 452 с.
- Обзор Семиреченской области за 1882 год. Верный: Тип. Семиреч. обл. правления, 1883. 78 с.
- Отчет Главного Военно-госпитального комитета за 1870 год // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1870 год. СПб., 1872. С. 1–22.
- ПСЗ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб.: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канц., 1863. Т. 36. 1057 с.; 1865. Т. 37. 832 с.; 1867. Т. 39. 973 с.; 1867. Т. 40. 991 с.; 1868. Т. 41. 1079 с.; 1871. Т. 42. 1206 с.
- Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году // Сибирский вестник. 1818. Ч. 3. С. 75–110.
- Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 году // Сибирский вестник. 1818. Ч. 4. С. 111–180.
- Шишов А.** Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент: Типо-лит. В. М. Ильина, 1904. Т. 11. 496 с.

References

- Akhmetzhanova A. T.** Reformy Rossiiskoi imperii 60–90-kh godov XIX veka v Kazakhstane [Reforms of the Russian Empire in the 1860s – 1890s in Kazakhstan]. Almaty, Kazakhskii natsional'nyi universitet imeni Al-Farabi, 2013, 222 p. (in Russ.)
- Aripova T. U.** Meditsinskaya pomoshch' naseleniyu Samarkandskoi oblasti nakanune Velikogo Oktyabrya [Medical Assistance to the Population of the Samarkand Region on the Eve of the Great October]. In: Materialy II Vsesoyuznogo s'ezda istorikov meditsiny. Itogi i perspektivy issledovaniy po istorii meditsiny [Proceedings of the 2nd All-Union Congress of Medical Historians. Results and Prospects of Research on the History of Medicine]. Tashkent, 1980, pp. 727–730. (in Russ.)
- Bezugolny A. Yu., Kovalevsky N. F., Kovalev V. E.** Istoriya voenno-okruzhnoi sistemy v Rossii 1862–1918 gg. [History of the Military District System in Russia 1862–1918]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2012, 758 p. (in Russ.)
- Bolkunov V. F.** Istoriya bor'by s kholeroi v Turkestanskom krae (1872–1924 gg.) [The History of the Fight against Cholera in the Turkestan Region (1872–1924)]. Diss. Cand. Med. Sci. Tashkent, 1975, 195 p. (in Russ.)
- Hohmann S.** La médecine moderne au Turkestan russe: un outil au service de la politique colonial. *Cahiers d'Asie centrale*, 2009, no. 17/18, pp. 319–352.
- Raishev T. T.** Iz istorii Turkestanskogo voennogo okruga (1867–1914 gg.) [From the History of the Turkestan Military District (1867–1914)]. Tashkent, TAMADDUN, 2021, 168 p. (in Russ.)
- Shadmanova S. B.** Meditsina i naselenie Turkestana: traditsii i novatsii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Medicine and the Population of Turkestan: Traditions and Innovations (Late 19th –

Early 20th Centuries)]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology], 2017, vol. 2, no. 1, pp. 119–139. (in Russ.)

Volkov I. V. Istoricheskie aspekty tsivilizatsionnoi politiki tsarskoi Rossii v Srednei Azii [Historical Aspects of the Civilizational Policy of Tsarist Russia in Central Asia]. Diss. Doc. Hist. Sci. Bishkek, 2020, 513 p. (in Russ.)

List of Sources

Dobrosmyslov A. I. Goroda Syrdar'inskoi oblasti. Kazalinsk, Perovskii, Turkestan, Aul'e-Ata i Chimkent [Cities of the Syrdarya Region. Kazalinsk, Perovsky, Turkestan, Aulie-Ata and Chimkent]. Tashkent, Elektro-parovaya tipo-litografiya O. A. Portseva, 1912, 204 p. (in Russ.)

Dobrosmyslov A. I. Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskii ocherk [Tashkent in the Past and Present. Historical Essay]. Tashkent, Elektro-parovaya tipo-litografiya O. A. Portseva, 1912, 520 p. (in Russ.)

Girs F. K. Otchet revizuyushchego po Vysochaishemu poveleniyu Turkestanskii krai tainogo sovetnika Girsy [The Auditor's Report of Privy Councillor Girs, on the Highest Command, Turkestan]. St. Petersburg, 1884, 463 p. (in Russ.)

Kostenko L. F. Turkestanskii voiska i usloviya ikh bytovoi pokhodnoi i boevoi zhizni [Turkestan Troops and the Conditions of their Everyday Camp and Combat Life]. *Voennyi sbornik* [Military Collection], 1875, vol. CIII, pp. 61–82. (in Russ.)

Kostenko L. F. Turkestanskii krai. Opyt voenno-statisticheskogo obozreniya Turkestanskogo voennogo okruga. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii [Turkestan Region. The Experience of the Military-statistical Review of the Turkestan Military District. Materials for Geography and Statistics of Russia]. St. Peterburg, Tipografiya i Chromolitografiya A. Transhelya, 1880, vol. 1, 452 p. (in Russ.)

Obzor Semirechenskoi oblasti za 1882 god [Overview of the Semirechensk Region in 1882]. Verny, Tipografiya Semirechenskogo oblastnogo pravleniya, 1883, 78 p. (in Russ.)

Otchet Glavnogo Voennogo-gospital'nogo komiteta za 1870 god [Report of the Main Military Hospital Committee for 1870]. In: Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1870 god [The All-Depth Report on the Actions of the War Ministry for 1870]. St. Petersburg, 1872, pp. 1–22. (in Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection]. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1863, vol. 36, 1057 p.; 1865, vol. 37, 832 p.; 1867, vol. 39, 973 p.; 1867, vol. 40, 991 p.; 1868, vol. 41, 1079 p.; 1871, vol. 42, 1206 p. (in Russ.)

Puteshestvie ot Sibirskoi linii do goroda Bukhary v 1794 i obratno v 1795 godu [Journey from the Siberian Line to the City of Bukhara in 1794 and Back in 1795]. *Sibirskii vestnik* [Siberian Herald], 1818, pt. 3, pp. 75–110. (in Russ.)

Puteshestvie ot Sibirskoi linii do Tashkenta i obratno v 1800 godu [Journey from the Siberian Line to Tashkent and Back in 1800]. *Sibirskii vestnik* [Siberian Herald], 1819, pt. 4, pp. 111–180. (in Russ.)

Shishov A. Sarty. Etnograficheskoe i antropologicheskoe issledovanie. Sbornik materialov dlya statistiki Syrdar'inskoi oblasti [Sarts. Ethnographic and Anthropological Research. Collection of Materials for Statistics of the Syrdarya Region]. Tashkent, Tipo-litografiya V. M. Il'ina, 1904, vol. 11, 496 p. (in Russ.)

Vambery A. Puteshestvie po Srednei Azii [Travels in Central Asia]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2003, 320 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Ольга Петровна Кобзева, доктор исторических наук, профессор
Тимур Туляганович Раишев, базовый докторант (PhD)

Information about the Authors

Olga P. Kobzeva, Doctor of Sciences (History), Professor
Timur T. Raishev, PhD Student of History

*Статья поступила в редакцию 11.01.2023;
одобрена после рецензирования 12.03.2023; принята к публикации 17.05.2023
The article was submitted on 11.01.2023;
approved after reviewing on 12.03.2023; accepted for publication on 17.05.2023*

Научная статья

УДК 94(510).09:2

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-108-119

Практики взаимодействия мусульманских общин Степного края с органами государственной власти (вторая половина XIX – начало XX века)

Юлия Александровна Лысенко

Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

iulia_199674@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Аннотация

Анализируются практики коммуникации мусульманских общин Степного края с органами власти Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Источниками исследования выступили материалы делопроизводства, выявленные в ЦГА РК и РГИА. Отмечается, что в компетенцию властных структур входили вопросы открытия мечетей, мектебов, религиозных обществ, паломничества к святым местам. Их решение осуществлялось на основе подачи казахами-мусульманами прошений или ходатайств. В начале XX в. казахские общины продвигали вопрос об открытии Духовного мусульманского правления в Степном крае. Механизмы его решения стали петиционные кампании, Особые и Частные межведомственные совещания с участием представителей казахов-мусульман.

Ключевые слова

Российская империя, Степной край, власть, мусульманские общества, коммуникации, этноконфессиональная политика

Благодарности

Работа выполнена за счет средств гранта РНФ (проект № 23-28-01369)

Для цитирования

Лысенко Ю. А. Практики взаимодействия мусульманских общин Степного края с органами государственной власти (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 108–119. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-108-119

Practices of the Interaction of Muslim Communities of the Steppes with the Government (The 2nd Half of the 19th – Early 20th Century)

Yuliya A. Lysenko

Altai State University
Barnaul, Russian Federation

iulia_199674@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Abstract

Based on the records of the central and local government of the Russian Empire, stored in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and Russian State Historical Archive, the article analyzes the aspects and practices of interaction between the authorities and Muslim communities of the Steppe Region in the 2nd half of the 19th – early

© Лысенко Ю. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 108–119

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 108–119

20th century. Unlike the Orthodox population living in this administrative-territorial division, whose spiritual life was controlled by the officials assigned by the Holy Synod, Muslims were in the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs. Hence, the regional administration and several central ministries were directly involved in solving the problems of the spiritual life of Muslims of the Steppes. The competence of these authorities included establishing new parish organizations and constructing the worship places, founding confessional schools and religious and charitable societies, and organizing the believers' pilgrimage to holy places. The legislation regulating the decision-making process for such tasks required submitting a petition to the local authorities, followed by their step-by-step consideration and then resolution. The central aspect of communication between the governing bodies and the Muslim communities was the establishment of the Spiritual Board in the Steppe region. The Kazakh population filed countless petitions to the central government during the first Russian Revolution of 1905–1907. As a result of the petition campaign, the practice of holding special and private meetings with the participation of representatives from authorities and Muslim communities of the region emerged. As sources evidence, when making decisions concerning the Muslims of the Steppe Region, local administrations relied on the trends in ethno-confessional policy implemented by the central government. Therefore, quite often, outcomes did not benefit the local Muslim population. However, in other aspects, the communication between the authorities and the Muslim communities can be characterized as constructive.

Keywords

Russian Empire, Governor-Generalship of the Steppes, power, Muslim societies, communications, ethno-confessional policy

Acknowledgements

The research is supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01369

For citation

Lysenko Yu. A. Practices of the Interaction of Muslim Communities of the Steppes with the Government (The 2nd Half of the 19th – Early 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 108–119. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-108-119

Как известно, реформы 60–80 гг. XIX в. в Российской империи сопровождались усилением социальной мобильности населения, активизацией и политизацией общественной жизни, формированием элементов гражданского общества – партий и объединений. Активное участие в данных процессах принимали этноконфессиональные группы страны. Следствием становилось усложнение практики коммуникации власти и общества, направленных на конструктивное решение тех или иных проблем.

Степной край, присоединение которого к России завершалось в 60-е гг. XIX в., включался в орбиту имперских социальных трансформаций. При этом следует отметить, что в регионе преобладало мусульманское население, представленное казахами, татарами, башкирами и некоторыми другими этносами. По данным первой всероссийской переписи 1897 г., в Уральской области удельный вес мусульман от общей численности населения составлял 74,15 %, в Тургайской – 90,99 %, Акмолинской – 64,43 %, Семипалатинской – 89,71 %¹. Поэтому «исламский вопрос» являлся одним из приоритетных в системе администрирования Степного края.

В рамках Временного положения об управлении в степных областях 1868 г. была сформирована специфическая модель регулирования жизни мусульманских общин Степного края. Так, татарские общества данного региона остались в юрисдикции Оренбургского мусульманского духовного собрания – общеимперского органа управления мусульманским населением страны, созданного еще в конце XVIII в. Казахские религиозные общины изымались из его ведения и передавались в компетенцию МВД, на региональном уровне – военным губернаторам областей и степному генерал-губернатору. Это обстоятельство предопределило активное включение властных структур в процесс взаимодействия с мусульманским населением Степного края.

Практики коммуникации органов власти Российской империи с различными социальными группами достаточно детально представлены в исторической литературе. В ней отмечается, что происходило поэтапное развитие центральных и региональных структур, нацеленных на взаимодействие с обществом [Гражданская идентичность..., 2007; Миронов, 2009; Гайдученко, 2014; Ремнев, 2015; Савичева, 2020; Лыскова, 2007]. Анализируются различные фор-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 603. Л. 14 об. – 15.

маты работы власти – как с отдельными гражданами, так и с общественными объединениями, – которые представляли собой «столкновения разного рода имперских, национальных, социальных, экономических и культурных практик» [Ремнев, 2004]. Отдельное внимание в историографии уделяется истории Особых межведомственных и Частных совещаний, собиравшихся, в том числе, для решения духовных аспектов развития мусульманских общин с привлечением их представителей [Хасаншин, 2020; Плахотник, 2020].

Вопросы взаимодействия органов власти с казахскими мусульманскими общинами Степного края во второй половине XIX – начале XX в. в исторической литературе представлены фрагментарно. Отдельные аспекты и механизмы данной коммуникации рассматриваются в контексте исследований этноконфессиональной политики Российской империи в регионе [Ланда, 1995; Каппелер, 1996; Исхаков, 2004; Лысенко и др., 2014]. Настоящее исследование представляет попытку восполнить данный историографический пробел.

Для подготовки статьи привлекались материалы делопроизводства центральных и региональных органов государственной власти – МВД, Канцелярии Степного генерал-губернатора и военных губернаторов Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Среди них: межведомственная переписка, отчеты о работе Особых и Частных совещаний, всеподданнейшие отчеты степного генерал-губернатора, прошения, ходатайства и петиции казахского населения, протоколы заседаний областных правлений и присутствий, мнения отдельных чиновников по запрашиваемым вопросам. Основной массив источников выявлен в РГИА и ЦГА РК и впервые вводится в научный оборот. Кроме этого привлекались делопроизводственные материалы, опубликованные в документальных сборниках. В статье использовался историко-генетический метод, позволивший определить спектр проблем духовной жизни казахского населения Степного края. Историко-сравнительный метод позволил выявить практики взаимодействия органов власти и мусульманских общин исследуемого региона, зафиксировать системность и коммуникативность действий имперской власти и общественных сил в их решении.

Последовательное распространение на протяжении второй половины XIX в. на мусульманское общество Степного края общеимперского законодательства, регламентировавшего духовную сферу, способствовало установлению новых практик его взаимодействия с центральными и региональными властными структурами. Их спектр определялся своеобразием данного законодательства, для которого, как отмечают исследователи, «было характерно наличие значительного количества правовых норм, которые принято считать ограничительными» [Лысенко и др., 2014, с. 144].

Так, по Временным положениям об управлении степными областями 1868 и 1891 гг., мусульманские общины региона были разделены по этническому признаку. Вопросы открытия татарскими обществами новых мечетей, мектебов и медресе, назначения в них мулл и мудари́сов, как указывалось выше, оставались в ведении Оренбургского мусульманского духовного собрания².

Казахские мусульманские общины по Положениям 1868 и 1891 гг. стали подведомственны МВД и военным губернаторам степных областей. На должность волостного муллы избирались только казахи, при этом утверждались и устранялись от должности решением военных губернаторов областей. Их число ограничивалось – по Положениям разрешалось иметь в каждой волости по одному мулле. Они также отстранялись от ведения метрических книг, рассмотрения брачных и семейных дел, которые передавались в ведение народного бийского суда, обязаны были выплачивать налоги и нести повинности наравне с остальным населением. Вмешательство мулл в названные дела расценивалось как самовольное присвоение власти [Лысенко, 2019].

Строительство мусульманских культовых учреждений в Акмолинской и Семипалатинской областях осуществлялось после официального разрешения со стороны Степного гене-

² РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 634. Л. 1 об.

рал-губернатора, в Уральской и Тургайской – Министерства внутренних дел. Законодательно ограничивался рост численности мечетей, их разрешалось иметь не более одной на волость. Мусульманские общины обязывались содержать мечети и духовных лиц³.

Ограничительные тенденции законодательства в сфере регламентации духовной жизни казахского населения объективно способствовали росту его этнического сознания, усилению процессов этнической интеграции и осознанию своей конфессиональной принадлежности к мусульманам Российской империи. Поэтому на протяжении второй половины XIX в. фиксировались процессы исламизации казахского общества, что выражалось в активизации его стремлений к открытию новых мечетей, мектебов, совершению паломничества к святым местам. В практической плоскости это нашло выражение в установлении постоянной коммуникации с властными структурами Степного края, основной формой ее взаимодействия стали прошения.

Как свидетельствуют архивные данные, наибольшее количество прошений мусульманских казахских обществ в 70–90-е гг. XIX в. было связано с открытием новых мечетей и назначением в них мулл. Согласно ст. 99 Степного положения от 1891 г. возведение мечетей в Акмолинской и Семипалатинской областях санкционировалось степным генерал-губернатором. Устав строительный 1893 г. устанавливал процедуру данной санкции. Мусульманскому обществу необходимо было представить приговор / решение, в котором подтверждалась его готовность возводить здание мечети на собственные средства, как и содержать муллу при ней. Законом также предусматривалось, что в проектируемой к открытию мечети «должно быть прихожан не менее 200 чел. м. п.». Строительство мечети разрешалось в тех регионах, где не проживали новокрещенные христиане, бывшие мусульмане. Просители в рамках Устава строительного должны были с пакетом документов в канцелярию степного генерал-губернатора предоставить план будущей мечети, подписанный областным архитектором. Для этого в Российской империи были разработаны и изданы типовые планы мечетей, распространенные в регионах с проживанием мусульманского населения.

Делопроизводственные документы МВД свидетельствуют о том, что региональные власти до конца XIX в. достаточно часто «ввиду постоянного стремления правительства к ограничению дальнейшего развития исламизма среди казахов не признавало возможным удовлетворять» ходатайства об открытии мечетей в аулах. Это порождало массовое строительство мечетей в степи без официального разрешения властей. По факту выявления незаконного строительства мечетей, военные губернаторы назначали «служебное разбирательство», по результатам которого составлялся акт. На его основании губернатор принимал решение о закрытии мечети, о чем он был обязан извещать мусульманскую общину⁴.

В начале XX столетия от контроля за процессом строительства мечетей отказались. Это было связано с либерализацией жизни российского общества в постреволюционный период. Кроме того, у региональной администрации отсутствовала возможность контроля процесса строительства мечетей. Поэтому в практике Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД имели место случаи, когда в Уральской и Тургайской областях разрешалось беспрепятственное строительство второй мечети в одной волости⁵.

Центральные органы власти были вынуждены также принимать участие в разбирательствах нестандартных ситуаций, связанных с открытием мечетей и медресе. Так, в октябре 1905 г. через военного губернатора Тургайской области А. А. Ломачевского к министру внутренних дел с докладной запиской обратились представители казахов Тургайской области Баймухаммед Наурузбаев, Бермухаммед Алдаиаров и Ильджан Уразов. В ней они жаловались на региональную администрацию и нарушения ею прав казахов «в совершении общественного богослужения в частновладельческих молитвенных домах и опечатания полицией подобных заведений». Ссылаясь на пункт 6 Высочайшего указа 12 декабря 1904 г. «о приня-

³ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1383. Л. 32; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 624. Л. 69–81.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 631. Л. 168 – 169 об.

⁵ Там же. Оп. 133. Д. 499. Л. 142 – 143 об.

тии мер к установлению в религиозном быту иноверцев всякого прямо в законе не установленного стеснения», уполномоченные от казахской мусульманской общины «ходатайствовали о предписании Тургайскому областному начальству не препятствовать казахам совершать общественные молитвы в молельнях и молитвенных домах, не опечатывать их и не привлекать за это к ответственности»⁶.

ДДДИИ МВД для уточнения сведений, изложенных в ходатайстве, обратился к военному губернатору Тургайской области с просьбой о разъяснении ситуации. Через месяц, в декабре 1905 г. А. А. Ломачевский представил ответ, в котором подтвердил все перечисленные в ходатайстве случаи как «имевшие место». При этом военный губернатор подчеркивал, что в своих действиях он придерживался указаний МВД и действовал в рамках установленного законодательства⁷.

Ответ А. А. Ломачевского не удовлетворил ДДДИИ МВД. В июле 1906 г. Департамент сделал запрос в Министерство юстиции о правомочности действий региональной администрации⁸. В конце сентября 1906 г., после анализа полученного заключения, Департамент направил военному губернатору Тургайской области А. А. Ломачевскому итоговое решение по ходатайству казахов Тургайской области Баймухамеда Наурузбаева, Бермухамеда Алдиярова и Ильджана Уразова. В нем подчеркивалось, что региональная администрация действовала в рамках закона и предписаний МВД, поэтому жалоба признавалась необоснованной». Заключение ДДДИИ МВД направлялось просителям⁹.

В Акмолинской и Семипалатинской областях решение об открытии новых мечетей, согласно действующему законодательству, принимал степной генерал-губернатор. Однако казахская мусульманская община имела возможность обжаловать это решение в вышестоящей инстанции – МВД или Правительственном сенате. Примером может служить история с преобразованием мечети г. Акмолинска в соборную. В 1898 г. ее прихожане – татарская мусульманская община – обратились с прошением к военному генералу Акмолинской области¹⁰. В марте 1899 г. военный губернатор признал ходатайство «не заслуживающим внимания», на том основании, что данный вопрос не входит в его сферу администрирования. В 1902 г. аналогичное прошение было направлено степному генерал-губернатору Н. Сухотину, который также «не признал возможным удовлетворить означенное ходатайство»¹¹.

После этого мусульмане Акмолинска через своего доверенного А. Рябова направили жалобу в Правительственный сенат «на отказ акмолинского военного губернатора и степного генерал-губернатора в удовлетворении ходатайства о переименовании мечети из простой в соборную». Правительственный сенат, как свидетельствуют архивные данные, дважды рассматривал поступившее прошение-жалобу – в 1902 и 1906 гг. Окончательное решение Правительственного сената по данному прошению выявить не удалось. Судя по архивным документам, в 1906 г. оно было принято и доверенному А. Рябову поручалось довести его до мусульман мечети г. Акмолинска. Однако выяснилось, что А. Рябов еще в 1905 г. выехал из страны в Маньчжурию¹².

Прошения паломников-казахов о выдаче заграничных паспортов для поездки в Мекку и Медину также стали одной из распространенных форм их взаимодействия с региональной администрацией. Как свидетельствуют материалы делопроизводства, масштабы обращений в местные органы власти с ходатайствами о выдаче заграничных паспортов увеличивались на протяжении второй половины XIX в. В 1901 г. степным генерал-губернатором было выдано

⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 631. Л. 137 – 137 об.

⁷ Там же. Л. 168 – 169 об.

⁸ Там же. Л. 171 – 171 об.

⁹ Там же. Л. 222 – 223 об.

¹⁰ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 989. Л. 2 – 3 об.

¹¹ Там же. Л. 9 – 9 об.

¹² Там же. Л. 6.

224 разрешения на паломничество мусульман Акмолинской области, 156 паспортов паломникам Семипалатинской области.

Процедура получения загранпаспорта регламентировалась на законодательном уровне. Первоначально требовалось согласие аульного общества на паломничество своего сородича к святым местам. Поскольку путешествие занимало продолжительное время, аульное общество должно было подтвердить обязательства по выплате за паломника всех налогов. После получения такого согласия составлялось прошение от одного человека или группы лиц на имя уездного начальника с просьбой о выдаче загранпаспорта. Далее прошения поступали в областные правления, проводилась проверка просителей на предмет «благонадежности имперской власти»: имелись ли случаи их участия в антиправительственных действиях или иных нарушениях / преступлениях. Для региональных властей также важно было понимать, имеются ли у просителей средства на совершение длительного путешествия, проживание в святых местах и возвращение. После процедуры проверки личностей, прошения направлялись в канцелярию Степного генерал-губернатора. Военные губернаторы областей в сопроводительном письме главе региона представляли заключение о благонадежности просителя и отсутствии препятствий к паломничеству¹³.

Для оформления заграничного паспорта в уездных канцеляриях казахи выплачивали госпошлину в размере 10 руб. После получения загранпаспорта в канцелярии степного генерал-губернатора оформлялась расписка, в которой паломники обязывались совершить поездку по определенному российским законодательством маршруту «морским путем через черноморские порты Российской империи» и «возвратиться в пределы той же империи также морским путем не иначе, как через Феодосию»¹⁴.

Анализ делопроизводственной документации канцелярии Степного генерал-губернатора позволяет сделать вывод о своевременном рассмотрении прошений от казахов-паломников и выдаче им загранпаспортов в указанные в прошениях сроки. Отказы делались в том случае, если областная администрация находила препятствия к совершению поездки. Но таких дел встречено в архивах в небольшом количестве. Принятие прошений о паломничестве уездными правлениями Степного края было приостановлено лишь однажды, в конце 90-х гг. XIX в., что было связано с эпидемией чумы на Ближнем Востоке¹⁵.

В начале XX в. среди мусульманского населения Степного края усиливались процессы их интеграции в общеимперское мусульманское движение. События Первой русской революции и последовавшие выборы в Первую Государственную думу, значительно активизировали деятельность мусульманских общин региона в сфере расширения их религиозных прав и устранения правовых ограничений в духовной жизни.

Важным результатом революционных событий 1905–1907 гг. стало утверждение 4 марта 1906 г. императором Николаем II Временных правил об обществах и союзах. Правила упрощали процедуру регистрации общественных, в том числе религиозных, организаций. Согласно ст. 2 для этого не требовалось правительственного разрешения, достаточно было обратиться к региональным органам власти. Мусульмане Степного края активно использовали данные возможности, что способствовало интенсификации их отношений с местной администрацией.

Так, в январе 1908 г. на имя губернатора Тургайской области И. М. Страховского поступило заявление от жителей Актюбинска с просьбой о регистрации мусульманского просветительно-благотворительного общества. Инициатива открытия общества принадлежала лидерам татарской диаспоры Актюбинска А. Морозову, С. Г. Алюкову, Г. С. Губайдуллину, М. Г. Далатказину, Ф. Ф. Забирову, З. Ш. Шарафутдинову¹⁶. Год спустя после регистрации общества Актюбинска, в 1910 г., на основании проведенного «местного дознания» И. М. Стра-

¹³ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 982. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 85.

¹⁵ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 567. Л. 14 об.

¹⁶ Там же. Д. 797а. Л. 1.

ховской, воспользовавшись правом, которое ему предоставляли Временные правила об обществах и союзах (ст. 33, 36), отдал распоряжение о его закрытии¹⁷.

Лидеры Актюбинского мусульманского общества, получив уведомление о закрытии на основании ст. 38 Временных правил, обратились в Первый департамент Правительствующего сената с ходатайством об обжаловании принятого Тургайским областным присутствием решения. За этим последовало разбирательство, длившееся до весны 1911 г. Как свидетельствуют архивные данные, оно сопровождалось интенсивной перепиской, в которую были вовлечены фактически все административные звенья региональной власти – от уездной до областной. В результате Правительствующий сенат признал действия областного правления обоснованными и подтвердил правомочность закрытия общества¹⁸. После этого мусульманская община Актюбинска еще дважды, в октябре 1912 г. и январе 1913 г., обращалась с ходатайством к губернатору Тургайской области о регистрации ее просветительно-благотворительного общества, но безрезультатно [Лысенко и др., 2014].

Следует отметить, что обращение религиозных мусульманских организаций с ходатайствами о регистрации к местным органам государственной власти имели место и в других областях Степного края. Однако, в отличие от положительно решаемых вопросов о строительстве новых мечетей, открытии мектебов и назначении новых мулл, ни одно из ходатайств об учреждении мусульманских общественных организаций не было удовлетворено.

Данная ситуация объясняется исследователями стремлением региональной власти следовать официальному курсу сдерживания исламизации Степного края. Наиболее ярко данная позиция проявилась во взаимодействии с мусульманскими общинами Степного края в вопросе о создании отдельного духовного управления. Как отмечалось выше, духовные дела казахов-мусульман с 60-х гг. XIX в. были изъяты из ведения Оренбургского мусульманского духовного собрания. Уже в 80-е гг. XIX столетия от казахского населения в государственные инстанции стали поступать прошения с просьбами об открытии для них «особого муфтия и духовного собрания». Так, прошения по этому вопросу от мусульман Уральской и Тургайской областей поступали в ДДДИИ и министру внутренних дел Д. А. Толстому дважды в 1888 и 1891 гг. (Традиционное казахское общество..., 2014, с. 307).

МВД делало запрос военным губернаторам тех областей, из которых поступали прошения. Последние готовили заключение, в котором, как правило, подчеркивали необоснованность данных ходатайств (Традиционное казахское общество..., 2014, с. 309). После получения разъяснений ДДДИИ МВД делал заключение и направлял его в канцелярию военных губернаторов областей с предписанием направить в адрес просителей. Некоторые из переданных в МВД ходатайств даже не рассматривались.

В годы Первой русской революции прошения и петиции об открытии духовного правления от мусульманского населения Степного края приняли систематический характер. Данная проблема стала рассматриваться в казахском обществе как общезнающая задача. Поэтому представители казахских мусульманских общин демонстрировали в этом вопросе консолидацию и сплоченность, готовили коллективные обращения, ходатайства, всепокорнейшие просьбы к органам власти от нескольких волостей, и даже волостей нескольких уездов и областей. Прогонения направлялись лично императору, в ДДДИИ МВД, Совет министров и Правительственный сенат. Примером могут служить поданные одновременно 10 петиций от казахов-мусульман 26 волостей Акмолинского и Петропавловского уездов Акмолинской области, волостей Семипалатинской области, г. Семипалатинска в 1905 г. на имя министра внутренних дел с ходатайством перед правительством об изменении порядка управления духовными делами (Этнополитические и этносоциальные процессы..., 2016, с. 26–27).

Такое консолидированное обращение казахов-мусульман в МВД было связано с предстоящей работой Особого совещания при Кабинете министров. Оно созывалось для разработки новых нормативно-правовых актов, направленных на регламентацию функционирования

¹⁷ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 797а. Л. 16 об. – 17.

¹⁸ Там же. Л. 31.

ния религиозных общин неправославного исповедания с учетом утвержденного в апреле 1905 г. Указа об укреплении начал веротерпимости. Помимо прочих вопросов, на Совещании планировалось рассмотреть возможности и целесообразность учреждения особых духовных правлений для казахов Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, а также для мусульманских общин Северного Кавказа, Туркестанского края [Лысенко и др., 2014].

Игнорировать, как это было в 80–90-е гг. XIX в., массовые прошения казахов-мусульман об учреждении особого духовного управления государственные органы власти не могли. Данный вопрос действительно рассматривался в ходе работы Особых межведомственных совещаний по делам веры в 1905–1906, 1910 и 1914 гг. [Арапов, 2001; Алпыспаева и др., 2021]. Положительного решения так и не было принято. Однако Особые совещания признавали нормы Степного положения 1892 г. «стеснительными для духовной жизни казахов», что, безусловно, следует считать существенным результатом коммуникации казахских мусульманских общин Степного края с органами власти.

Ситуация, возникшая вокруг вопроса об особом управлении мусульман Степного края, не могла оставить в стороне региональные органы власти. Это привело к возникновению совершенно уникальной для региона формы коммуникации администрации с казахскими мусульманскими общинами – Частному собранию, состоявшемуся при степном генерал-губернаторе И. П. Надарове 20 мая 1907 г. (Труды Частного Совещания..., 1908).

Следует отметить, что достигнутые на Совещании решения между региональной администрацией и казахским населением не имели юридической силы. Однако сам факт готовности региональной администрации обсуждать проблемы казахского общества в присутствии его представителей свидетельствовал о готовности власти к диалогу. Кроме того, результаты дискуссии планировалось донести до вышестоящих инстанций и использовать при разработке законопроектов, затрагивающих вопросы мусульман Степного края. Региональные органы власти представляли чиновники администрации генерал-губернатора, финансово-налоговых, судебных структур, Переселенческого управления и Комитета государственного земледелия и государственных имуществ, Министерства народного просвещения – всего 20 человек. От казахского населения в работе Частного совещания принимали участие 12 уполномоченных, по 2 человека от каждого уезда Акмолинской и Семипалатинской областей (Труды Частного Совещания..., 1908, с. 2–3).

Вопросы духовно-религиозного быта казахского народа рассматривались в третьей Комиссии Частного совещания. Чиновники региональной администрации поддержали предложение об открытии муфтиата для казахов Степного края. В ходе дискуссии были выработаны общие подходы в вопросах открытия новых мечетей, формирования штата духовных мусульманских лиц, знания ими русского языка и т. д. (Труды Частного Совещания..., 1908, с. 34–45).

Предметом обсуждения в ходе работы Совещания также стали утвержденные в марте 1906 г. Министерством народного просвещения «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России». Правила предусматривали введение в инородческих школах всех типов, в том числе мусульманских, русского языка в качестве обязательного предмета. К учителям предъявлялось требование знания русского языка и наличия диплома об окончании одноклассного училища Министерства народного просвещения. На заседаниях Частного совещания уполномоченные от казахов требовали отмены курса русского языка в мусульманской школе и обучения только на родном языке в арабской транскрипции. И, несмотря на то, что в данном вопросе региональная администрация отказалась поддержать позицию казахов, сам факт обсуждения проблемы повлиял на дальнейшую судьбу Правил 1906 г. Как отмечают исследователи, «на фоне событий Первой русской революции всероссийское мусульманское движение, направленное против Правил 1906 г., вынудило правительство приостановить их действие в пределах всей Российской империи» [Исхаков, 2004]. Новая редакция «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих

в восточной и юго-восточной России» 1907 г. предусматривала вывод мусульманской школы из подведомственного контроля Министерства народного просвещения.

Таким образом, со второй половины XIX в. вопросы духовного управления казахским мусульманским населением Степного края стали находиться в ведении МВД. Данное обстоятельство предопределило тот факт, что региональная администрация и ряд центральных министерств напрямую были связаны с решением проблем их духовной жизни. В компетенции властных структур находились вопросы организации новых приходов и строительства культовых помещений, открытия конфессиональных школ и религиозно-благотворительных обществ, паломничества верующих к святым местам. Основной формой взаимодействия властных органов и казахских мусульманских общин стали прошения или ходатайства, с последующим их поэтапным рассмотрением и принятием решения.

В начале XX в. на волне революционных событий 1905–1907 гг. казахские мусульманские общины стали демонстрировать консолидацию в решении проблем духовной жизни. Появилась новая форма коммуникации с органами государственной власти – петиции. Это были массовые обращения, в которых содержался перечень требований от мусульманских общин нескольких волостей, уездов и областей Степного края. В петициях по-прежнему затрагивались вопросы строительства новых мечетей и мектебов, назначения духовных лиц. Однако центральное место в них занимал вопрос об открытии особого духовного правления для казахов-мусульман. Именно его решению были посвящены Особые и Частные совещания, ставшие новой формой взаимодействия имперской управленческой элиты с мусульманским населением Степного края. Совещания были призваны снизить этническую напряженность в регионе и продемонстрировать казахскому обществу готовность властей решать его духовные проблемы, при этом активно взаимодействуя с ним.

В целом отметим, что казахское мусульманское население было достаточно активно во взаимодействии с государственными органами власти. Оно пользовалось всеми возможными механизмами, обращаясь со своими проблемами как в региональные, так и в центральные органы власти. Делопроизводство управленческих структур позволяет сделать вывод о своевременной рефлексии администраций на поступающие обращения, готовности их решать в установленные законом сроки и на основе нормативных актов, регламентировавших духовную жизнь мусульман Российской империи. В итоге можно говорить о конструктивном диалоге властей с мусульманскими общинами Степного края.

Список литературы

- Алпыспаева Г. А., Жуман Г., Саяхимова Ш. Н., Джумалиева Л. Т. Несостоявшиеся законопроекты по «мусульманскому вопросу» в степных областях и Туркестанском крае (конец XIX – начало XX в.) // Былые годы. 2021. № 16 (2). С. 799–811.
- Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М.: Академкнига, 2001. 367 с.
- Гайдученко Т. Н. Эволюция видов обращений граждан в истории России // Документ. Архив. История. Современность: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2014. С. 46–49.
- Гражданская идентичность и сферы гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века М.: РОССПЭН, 2007. 302 с.
- Исхаков С. Российские мусульмане и революция. 1917–1918 гг. М.: Соц.-полит. мысль, 2004. 599 с.
- Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс, 1996. 379 с.
- Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М.: Вост. лит., 1995. 311 с.

- Лысенко Ю. А.** Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40–80-е гг. XIX в.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 20 (3). С. 128–138.
- Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Тарасова Е. В., Стурова М. В.** Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основные механизмы реализации (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2014. 272 с.
- Лыскова Е. И.** Становление и развитие института обращений граждан // Право и политика. 2007. № 3. С. 121–125.
- Миронов Б. Н.** Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110–126.
- Плахотник Т. Ю.** Частное совещание 1907 г. в образовательной деятельности администрации Степного края // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 61. С. 17–19.
- Ремнев А. В.** Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник Ом. ун-та. 2004. № 4. С. 6–13.
- Ремнев А. В.** Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. 577 с.
- Савичева А. Р.** Исторический процесс становления института обращений граждан в России // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сб. ст. XXXI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2020. С. 200–202.
- Хасаншин Г. Р.** Особые межведомственные совещания 1905-1914 гг. как центры обсуждения «татаро-мусульманского вопроса» в Волго-Уральском регионе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2020. 25 с.

Список источников

- Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные подходы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2014. 582 с.
- Труды Частного Совещания, созванного 20-го мая 1907 г. Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908. 93 с.
- Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2016. 459 с.

References

- Alpyspaeva G. A., Zhuman G., Sayakhimova Sh. N., Dzhumaliev L. T.** Nesostoyavshiesya zakonoproekty po «musul'manskomu voprosu» v stepnykh oblastiakh i Turkestanskoy krae (konets XIX – nachalo XX v.) [Failed Draft Laws on the “Muslim Issue” in the Steppe Regions and the Turkestan Region (Late 19th – Early 20th Century)]. *Bylye Gody*, 2021, no. 16 (2), pp. 799–811. (in Russ.)
- Arapov D. Yu.** Islam v Rossiiskoy imperii (zakonodatel'mye akty, opisanie, statistika) [Islam in the Russian Empire (Legislative Acts, Descriptions, Statistics)]. Moscow, Akademkniga, 2001, 367 p. (in Russ.)
- Gaiduchenko T. N.** Evolyutsiya vidov obrashchenii grazhdan v istorii Rossii [The Evolution of the Types of Citizens' Appeals in the History of Russia]. In: Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Document. Archive. Story. Modernity: Proceedings of the 5th International Scientific-Practical Conference]. Yekaterinburg, 2014, pp. 46–49. (in Russ.)

- Grazhdanskaya identichnost' i sfery grazhdanskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi imperii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [Civic Identity and Spheres of Civic Activity in the Russian Empire. The 2nd Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century]. Moscow, ROSSPEN, 2007, 302 p. (in Russ.)
- Iskhakov S.** Rossiiskie musul'mane i revolyutsiya. 1917–1918 gg. [Russian Muslims and the Revolution. 1917–1918]. Moscow, Sotsialno-politicheskaya mysl', 2004, 599 p. (in Russ.)
- Kappeler A.** Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia is a Multi-ethnic Empire. Emergence. History. Decay]. Moscow, Progress Publ., 1996, 379 p. (in Russ.)
- Khasanshin G. R.** Osobyie mezhvedomstvennye soveshchaniya 1905-1914 gg. kak tsentry obsuzhdeniya "tataro-musul'manskogo voprosa" v Volgo-Ural'skom regione [Special Inter-departmental Meetings of 1905–1914 as Discussion Centers of the "Tatar-Muslim Issue" in the Volga-Ural Region]. Abstract Diss. Cand. Hist. Sci. Kazan, 2020, 25 p. (in Russ.)
- Landa R. G.** Islam v istorii Rossii [Islam at the Russian History]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1995, 311 p. (in Russ.)
- Lysenko Yu. A., Anisimova I. V., Tarasova E. V., Sturova M. V.** Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovnye mekhanizmy realizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh Society in the National Policy of the Russian Empire: Conceptual Basic Implementation Mechanisms (2nd Half of the 19th – Early 20th Century)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2014, 272 p. (in Russ.)
- Lysenko Yu. A.** Pozitsiya chinovnikov Orenburgskogo vedomstva po voprosu pravovogo regulirovaniya dukhovnoi zhizni kazakhov Ural'skoi i Turgaiskoi oblastei (40–80-e gg. XIX v.) [The Position of Officials of the Orenburg Department on the Legal Regulation of the Spiritual Life of the Kazakhs of the Ural and Turgai Regions (40s – 80s of the 19th Century)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia], 2019, no. 20 (3), pp. 128–138. (in Russ.)
- Lyskova E. I.** Stanovlenie i razvitie instituta obrashchenii grazhdan [Formation and Development of the Institution of Citizens' Appeals]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2007, no. 3, pp. 121–125. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Razvitie grazhdanskogo obshchestva v Rossii v XIX – nachale XX veka [On Development of Civil Society in Russia in the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2009, no. 1, pp. 110–126. (in Russ.)
- Plakhotnik T. Yu.** Chastnoe soveshchanie 1907 g. v obrazovatel'noi deyatel'nosti administratsii Stepnogo kraia [Private Meeting of 1907 in the Educational Activities of the Administration of the Steppe Territory]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh* [National Association of Scientists], 2020, no. 61, pp. 17–19. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Regional'nyi narrativ v novoi imperskoi istorii Rossii [The Regional Narrative in the New Imperial History of Russia]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], 2004, no. 4, pp. 6–13. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX vekov [Siberia in the Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo OmGU, 2015, 577 p. (in Russ.)
- Savicheva A. R.** Istoricheskii protsess stanovleniya instituta obrashchenii grazhdan v Rossii [The Historical Process of the Formation of the Institution of Citizens' Appeals in Russia]. In: Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statei XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Fundamental and Applied Scientific Research: Current Issues, Achievements and Innovations. Proceedings of the 31st International Scientific-Practical Conference]. Penza, 2020, pp. 200–202. (in Russ.)

List of Sources

- Etnopoliticheskie i etnosotsial'nye protsessy v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revolyutsii 1917 g. i pervye gody sovetsoi vlasti. Dokumenty i izvlecheniya [Ethnopolitical and Ethnosocial Processes in the Central Asian Outskirts of Russia during the Russian Revolution of 1917 and the First Years of Soviet Regime. Documents and Extracts]. Barnaul, Azbuka Publ., 2016, 459 p. (in Russ.)
- Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye podkhody i mekhanizmy realizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh Society in the National Policy of the Russian Empire: Conceptual Approaches and Implementation Mechanisms (2nd Half of the 19th – Early 20th Century)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2014, 582 p. (in Russ.)
- Trudy Chastnogo Soveshchaniya, sozvanogo 20-go maya 1907 g. Stepnym general-gubernatorom po voprosam o nuzhdakh kirgizov Stepnogo kraia [Proceedings of the Private Meeting Convened on May 20, 1907 by the Steppe Governor-General on the Needs of the Kirghiz of the Steppe Krai]. Omsk, 1908, 93 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Юлия Александровна Лысенко, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 56358251500
WoS Researcher ID U-3621-2019

Information about the Author

Yuliya A. Lysenko, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 56358251500
WoS Researcher ID U-3621-2019

*Статья поступила в редакцию 27.08.2023;
одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 16.09.2023
The article was submitted on 27.08.2023;
approved after reviewing on 06.09.2023; accepted for publication on 16.09.2023*

Научная статья

УДК 94(470.53)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-120-129

Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881–1882 годы)

Михаил Константинович Чуркин

Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия

Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской академии наук
Тобольск, Россия

proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Аннотация

На материалах публикаций, посвященных празднованию 300-летия присоединения Сибири к России, раскрывается содержание дискурса торжеств 26 октября 1881 г. в столичных центрах Российской империи как перспективной модели консолидации власти и общества в решении государственных задач на восточных окраинах империи. В процессе исследования выявлены основные «площадки» юбилейного дискурса, а также церемониальные и нарративные компоненты коммеморации покорения Сибири в контексте формулирования и трансляции текущих имперских сценариев инкорпорации Азиатской России в общеимперское пространство. Установлено, что дискурс юбилейных торжеств обозначил как приоритеты власти в рефлексии и практической реализации задач империостроительства на востоке страны, так и ее потенциальную готовность к продуктивной коммуникации с общественными силами.

Ключевые слова

Азиатская Россия, юбилейные торжества, юбилейный дискурс, имперские сценарии, имперская инкорпорация, коммеморации

Для цитирования

Чуркин М. К. Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881–1882 годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 120–129. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-120-129

© Чуркин М. К., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 120–129

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 120–129

Scenarios of Imperial Incorporation of Asiatic Russia within the Discourse of Celebrations Dedicated to the 300th Anniversary of Russian Expansion into Siberia (1881–1882)

Mikhail K. Churkin

Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation

Tobolsk Complex Research Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation

proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Abstract

Based on materials from publications dedicated to the celebration of the 300th anniversary of the Russian expansion into Siberia, the article reconsiders the content of the discourse of celebrations that happened on October 26, 1881, in the capital centers of the Russian Empire, as a promising model for the consolidation of the authorities and society in solving critical issues facing by the government in the eastern outskirts of the empire. The historiographical review reveals that researchers show solidarity in choosing the timing of the anniversary events. The scholars conducted a thorough analysis of the discussions surrounding the determination of the time of celebration in the discourse of authorities and society. They concluded that the debates about the precise dates and years of the “Siberian conquest” were peripheral in nature and not of significant concern in the professional community or public opinion. The study identifies the main “platforms” of the jubilee discourse, as well as the ceremonial and storytelling aspects of the commemoration, dominated during the celebration of the Russian Expansion into Siberia, in the context of formulating and translating the current imperial scenarios to incorporate Asian Russia into the general imperial space. It has been established that the ceremonial components of the jubilee discourse outlined the priorities of the imperial center in making decisions of a colonization nature. The narrative part of the discourse showcased the willingness and ability of the authorities to engage with the social forces. This was particularly evident in the discussion and formulation of the programmatic narrative, which focused on the inclusion of Asian territories in the empire. The discourse emphasized the paramount importance of connecting the European and Asian parts of Russia by rail and introduced flexible algorithms for resolving foreign issues. Furthermore, the discourse aimed to reduce the share of exile as a tool of colonization and promote government-level involvement in the resettlement process.

Keywords

Asiatic Russia, anniversary celebrations, anniversary discourse, imperial scenarios, imperial incorporation, commemorations

For citation

Churkin M. K. Scenarios of Imperial Incorporation of Asiatic Russia within the Discourse of Celebrations Dedicated to the 300th Anniversary of Russian Expansion into Siberia (1881–1882). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 120–129. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-120-129

В системе координат публичных мемориальных практик, определяемых как коммеморации [Хальбвакс, 2005; Ассман, 2014] и ориентированных на актуализацию знаковых исторических событий в культурной памяти общества, заметное место занимают юбилеи – массовые торжества, рубежные праздники, не только выполняющие интегративные функции, но и содержащие в себе манипулятивный ресурс, используемый властью с целью поддержания в социуме коммуникативного согласия в отношении сценариев организации политического пространства [Дмитриева и др., 2020; Шуб, 2016; Красильникова, Наумов, 2023].

В этой связи тема научно-исследовательской рефлексии юбилейных мероприятий, посвященных празднованию 300-летия присоединения Сибири к России в дореволюционный период, достаточно широко освещена в отечественной историографии. Примечательно, что в исследовательских практиках последних десятилетий истории, включаясь в ситуацию «мемориального поворота» в отечественной гуманитарной науке, развернулись к проблеме раскрытия символических смыслов коммеморативных торжеств, предназначенных для «широкой артикуляции политических, экономических, социальных и культурных задач» [Кра-

сильникова, Наумов, 2023, с. 82], реализуемых имперской властью на восточных окраинах, актуализации общественного интереса к Сибири и «вовлечении ее в орбиту пристального правительственного и общественного внимания» [Ремнев, 2007, с. 34], «обосновании экстренной необходимости реформ в отдаленном регионе» [Шиловский, 2013, с. 13]. Авторы публикаций в целом продемонстрировали солидарность в вопросе о выборе сроков проведения юбилейных мероприятий. Детальный разбор обстоятельств определения в дискурсе власти и общества времени празднования, предпринятый исследователями, дал им возможность утверждать, что дискуссии о точных датах и годах «сибирского взятия», шедшие в профессиональном сообществе и в общественном мнении, интонационно и содержательно являлись второстепенными, уступая место артикуляции нового «сценария власти», в котором имперская тема должна быть наполнена национальным содержанием, воплощенным в идее «народного самодержавия» [Ремнев, 2007, с. 36]. Внутриполитическая ситуация в России, сложившаяся после акта цареубийства в марте 1881 г., и обозначившаяся тенденция «охранительного» курса с восшествием на престол Александра III предполагали оперативность принятия таких идеологических решений, в которых сюжеты приобретения Сибири прозвучали бы как составляющий элемент программы единения народа и власти.

Опыт историографической рефлексии обстоятельств организации юбилейных торжеств по случаю 300-летия присоединения Сибири к России позволяет высказать ряд принципиальных замечаний, имеющих непосредственное отношение к предметному полю и области целеполагания настоящей статьи:

Во-первых, исторические события, связанные со взятием Ермаком Искера 26 октября 1581 г., рассматривались имперскими чиновниками как достаточный повод для старта юбилейной кампании в столичном формате, вполне подконтрольном власти. Составители брошюры о праздновании в Москве и Санкт-Петербурге дня 26 октября 1581 г., объясняя предъюбилейную «лихорадку» в 1881 г., констатировали, что «ожидание вступления в период трехсотлетия, не могло не выразиться заявлением общественного чувства», которое, как они утверждали, генерировалось сибиряками, живущими в столице (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 4). Для сибирского населения была предложена другая дата юбилейных торжеств – 6 декабря 1582 г., символизирующая акт принятия Сибири в русское подданство, что позволяло купировать сепаратистские настроения в условиях идеологически неустойчивой российской окраины.

Во-вторых, торжественные мероприятия, проведенные превентивно (26 октября 1881 г.) в столичных центрах империи, позиционировались в качестве «площадки» репрезентации программы империостроительства на востоке страны, приоритета центра над периферией, Сибири как окраины, а не колонии России. В этом плане показательна реакция имперского центра на эксцессы стихийного празднования сибирского юбилея в Томске, Тобольске, Иркутске и других городах Азиатской России в октябре 1881 г., косвенно зафиксированная в определении Святейшего Синода за № 1528 от 28 июля – 11 августа, в котором говорилось буквально следующее: «Имея в виду, что широкое празднование этого события отклоняется, генерал-лейтенант Анучин, в отзыве за № 876, предполагает, определив день празднования 6-го декабря, ограничиться тем, чтобы в этот день освободить присутственные места от занятий, а воспитанников учебных заведений от уроков и отслужить торжественные молебствия» (Томские епархиальные ведомости, 1882, 15 нояб., с. 617).

В-третьих, в осмыслении представителями научного сообщества торжеств 1881 г. можно встретить определение презентации 300-летия присоединения Сибири к России в качестве неудачного символического акта локальной исторической политики, поскольку набор нарративов, адресованных локальному сообществу, вызвал заинтересованность лишь небольшого числа людей (областники, региональные деловые элиты и часть чиновничества [Чернышов, 2023, с. 176]. Вряд ли можно согласиться с подобным тезисом, учитывая, что в 1880-х гг. в общественно-политическом и властном дискурсе кардинальным образом меняются представления об Азиатской России как имперской окраине, формируются основы переселен-

ческой политики, актуализируется функция и роль крестьянства как главного субъекта освоения восточной периферии, что развивалось на фоне эскалации переселенческого движения и неизбежно приводило к расширению круга лиц (в том числе чиновничества), ответственных за организацию колонизационного дела. В данном отношении имперский нарратив, отраженный в юбилейных текстах, рассматривался как модель программных установок, общее руководство по реализации практических задач инкорпорации Сибири в общеимперское пространство.

Отталкиваясь от вышеозначенных размышлений, мы обозначаем цель статьи как раскрытие содержания дискурса торжеств 26 октября 1881 г. в столичных центрах Российской империи, репрезентируемого в материалах празднования юбилея как перспективной программы консолидации власти и общества в решении государственных задач на восточных окраинах империи.

В качестве основного источника исследования в работе использована брошюра, изданная в начале 1882 г. по итогам празднования в Санкт-Петербурге и Москве 300-летия присоединения Сибири к России (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882), на страницах которой были обозначены не только основные «площадки», каналы и способы трансляции проблемных вопросов инкорпорации азиатских территорий в состав России, но и в программном ключе определены векторы имперской политики в отношении восточных окраин, сформулированы алгоритмы консолидации власти и общества в обсуждении на властном и общественном уровне наиболее острых сибирских вопросов. Как вспомогательные источники к исследованию были привлечены материалы региональной периодической печати светского и церковного происхождения, использование которых предполагало выявление моделей реагирования местных сообществ на предлагаемый центром формат празднования 300-летия «сибирского взятия» и готовность воспринимать и транслировать разработанный властью имперский нарратив единения народа и самодержавия.

Методологически решение задач статьи реализуется в рамках новой культурно-интеллектуальной истории и ситуации лингвистического поворота рубежа XX–XXI вв., предполагающей, по утверждению Х. Уайта, способность исследователя вслушиваться в дискурс, потому что история говорит языком текста [Уайт, 2002, с. 87]. В данном плане текстовые репрезентации празднования 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России образуют единое дискурсивное пространство конструирования в российском обществе представлений о восточных окраинах и способах их ментального освоения во второй половине XIX – начале XX в.

Обращение к структурной композиции брошюры, посвященной описанию ситуации празднования в Санкт-Петербурге и Москве 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России, позволяет согласиться с тезисом А. В. Ремнева: «в имперском сценарии сибирского юбилея превалировало не только утверждение заслуг России перед Сибирью, но и стремление увязать стихийное народное движение на восток с геополитическим обоснованием имперской “географии власти”» [Ремнев, 2007, с. 42].

В преамбуле редакционным коллективом предельно четко маркировались основные доводы в пользу необходимости проведения юбилейных торжеств.

Формулируя необходимость сбора и систематизации материалов, посвященных празднованию в Петербурге и Москве юбилейной даты присоединения Сибири к России, авторы-составители презентовали свою брошюру «как исторический памятник, прямо относящийся... к характеристике общественного отношения к событию» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 4).

Подчеркивалось, что главным инициатором организации сибирского юбилея выступили местные уроженцы (сибиряки), увидевшие в предстоящих торжествах способ презентации и «продвижения» отдаленной окраины в российском обществе: «Тот интерес и то внимание, которое возникло в сибирских городах к юбилею, показывает, что сибирское общество на-

чало более внимательно относиться к своей исторической жизни и исполнено некоторого сознания» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 3).

Значимым для составителей изначально являлся вопрос о дате проведения юбилея, что репрезентируется ими в противопоставлении двух событий – взятия Искера (26 октября 1581 г.) и донесения о нем московскому государю (1582 г.). Проблема датировки не случайно оказалась в центре внимания авторов, поскольку вписывалась в дискурс движущих сил завоевания Сибири, имела большое политическое значение и рассматривалась представителями интеллигенции, в том числе национальной, как способ манифестации либеральных взглядов на процесс инкорпорации окраин в общеимперское пространство (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 3).

Наконец, возможность проведения юбилейных мероприятий рассматривалась авторами брошюры в качестве «площадки» коммуникации и консолидации региональных (сибирских) общественных сил: «Не имея возможности устроить празднование пышное и торжественное, уроженцы Сибири, в Петербурге и Москве, решили собраться на обед и провести этот день вместе, обменявшись чувствами и мыслями. Так как многие сибиряки в столицах не были знакомы между собой, собрать их частными извещениями было бы трудно...» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 4).

В тексте брошюры достаточно отчетливо прослеживаются два коммеморативных компонента: церемониальный и нарративный. Так, церемониальный компонент репрезентации Азиатской России в юбилейной брошюре включает описание атмосферного фона праздничного обеда в Петербурге, посвященного 300-летию присоединения Сибири. Составители, подчеркнув в преамбуле обширность восточной окраины империи, сочли адекватным упомянуть о массовости, статусности и торжественности мероприятия, в котором приняло участие более 200 чел.: «Среди присутствующих виднелись генералы, профессора, доктора, студенты, уроженцы Сибири, учащиеся девицы, курсистки и дамы, которым Сибирь была близка по воспоминаниям. В обеде участвовали почти все члены комитета Общества Содействия промышленности и торговле» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 5). Символическая значимость юбилейного мероприятия оттенялась особым антуражем: «Большая зала была освещена электрическим светом. На сцене, украшенной растениями, левая сторона которой состояла из елей и сосен, покрытых снегом, спускался большой электрический фонарь в виде солнца, освещая золотой венок на спущенной занавеси с надписью «26 октября 1581–1881 г.»» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 5). Церемониальным апофеозом торжественного обеда стало специальное сибирское меню, в котором «из отличительных блюд были... сибирские пельмени (по обыкновению в супе), рябчики с салатом из северных ягод и мороженое из облепихи» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 5).

Нарративный компонент юбилея составлен из застольных речей непосредственных участников обеда. В петербургской и московской части программы составители выделили соответственно 11 и 5 выступлений, в которых были предметно освещены ключевые темы колониального вопроса в связи с историческими обстоятельствами и современными задачами инкорпорации восточных окраин в состав империи.

Одной из значимых в выступлениях ораторов являлась тема Сибири как колонии / внутренней окраины Российской империи. Так, распорядитель торжественного обеда в Санкт-Петербурге тайный советник Б. А. Милютин в своей речи, весьма характерной для общественно-политического дискурса 1880-х гг., высказал мысль о том, что с момента своего включения в состав России до 20-х гг. XIX в. Сибирь воспринималась как неотъемлемая часть общегосударственного пространства, однако с начала реформ М. М. Сперанского отдаленный регион стал котироваться в качестве колонии России, что проявилось в формах особого административного устройства и особых практиках управления в отношении окраинных территорий (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 6). О недопустимости представлений о Сибири как отдельной стране говорил на банкете и Г. Грацианский: «Си-

бирь – окраина по преимуществу русская, не имеющая преобладающего чуждого элемента. Все прошедшее Сибири русское, и хотя мы празднуем трехсотлетие, но по праву Сибирь должна считаться ровесницей России» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 14). Данные тезисы Б. А. Милютин и Г. Грацианского о Сибири как неотделимой части России и ее естественно-географическом и ментальном продолжении, исключавшие любые проявления регионального сепаратизма, оказались существенно скорректированы в речах других видных сибиряков. В частности, председатель совета Покровского приходского попечительства К. П. Мейбаум подчеркнул, что многие сибиряки, в детстве вывезенные в Европейскую Россию, «лишены возможности служить своей родине» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 12). В этой связи, по словам оратора, цель обеда заключается «не в праздновании присоединения Сибири к России, а в объединении сибиряков в интересах развития края в промышленном, торговом и образовательном отношениях» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 12–13).

Несмотря на имевшиеся разногласия относительно статуса Сибири, большинство докладчиков сошлись во мнении о необходимости проведения гражданских реформ в крае, в том числе и в аспекте организации земских учреждений и судопроизводства аналогичного российскому (Н. М. Ядринцев, К. П. Мейбаум, Г. Шреер и др.) (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 13).

Центральное место в юбилейном дискурсе было отведено составителями национальному (инородческому) вопросу в Сибири, который тесно корреспондировал с другими значимыми сюжетами региональной действительности восточных окраин: переселенческим делом и просвещением. Общий дискуссионный тон был задан в речи ротмистра лейб-гвардии атаманского полка Гази Валиханова. Выскажем предположение, что Г. Валиханов, будучи одним из авторов юбилейной брошюры, вполне обоснованно счел возможным и даже необходимым включить свои соображения в текст, выражая не только свою точку зрения, но и общую позицию казахской интеллигенции относительно колониационного процесса и алгоритмов решения национального вопроса в связи с переселенческим движением и административной политикой империи на восточных окраинах страны. Основной пафос его речи заключался в «великом значении объединения, необходимого между киргизами (казахами) и другими сибирскими племенами с народностью русской» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 8). В своем выступлении Г. Валиханов косвенно затронул тему имперского оцентровывания отдаленной окраины посредством железнодорожного строительства и соединения таким образом европейской и азиатской частей России, тем самым дав понять, что железная дорога со временем сотрет препятствия для межнациональной и межкультурной коммуникации всех групп и слоев населения Сибири (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 8). Речь Г. Валиханова с призывом к объединению индигенных народов с русскими далеко не однозначно была воспринята в «застольном» сообществе, в том числе среди так называемых «охранителей», отстаивавших принцип «Россия для русских». Так, земский врач П. Н. Прохоров в благих целях защиты и продвижения просвещения высказывался в имперском тоне: «Мы, русские, на Востоке... являемся распространителями христианской цивилизации между инородцами...» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 9). Стоит обратить внимание, что национал-консервативные мотивы в банкетных речах присутствовали повсеместно, что наглядно демонстрировало ориенталистский и социал-дарвинистский взгляд российского общества на национальный вопрос в контексте решения колониационных задач. Вот лишь некоторые часто используемые риторические обороты в речах ораторов: «великое русское дело», «все прошедшее Сибири русское» и т. д. (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 14–17).

Соображения Г. Валиханова о межкультурном взаимодействии и этническом сближении стимулировали не только шовинистические эскапады, но и понимание важности для распространения в азиатской части империи просветительских идей и ценностей образования. Наиболее наглядно данное настроение транслировалось в речах, в которых авторы отмечали

решающую роль в преодолении сибирского абсентеизма таких учреждений, как Западно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества (П. П. Семенов), сибирского университета (Н. М. Ядринцев). Симптоматично, что если в ходе петербургского банкета упоминание университета носило эпизодический характер, то в рамках аналогичного собрания в Москве этому учреждению было посвящено полностью несколько речей (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 21–23).

Отдельным сюжетом, включенным авторами в текст материалов о юбилейных торжествах, стал вопрос о Сибири как месте ссылки, что, по мнению многих ораторов, прямо и косвенно способствовало распространению в регионе таких пагубных явлений, как административный произвол и ограничение всех категорий населения в правах и свободах. Инициатором темы ссылки и каторги на торжественном обеде выступил Г. Фойницкий, заявивший в своей речи об отрицательном в нравственном влиянии этой меры на сибирское общество (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 11). В данной связи Г. Грацианский заметил, что взгляд на Сибирь и восточные окраины со стороны государства подобен представлению об этих землях как о неприятельской, только что покоренной стране со своими особыми законами (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 14).

В более широком контексте тема соприкосновения ссылки и административного произвола получила развитие в московской части торжеств в речи русского купца, писателя и общественного деятеля Н. М. Чукмалдина, заявившего следующее: «Наше русское общество во весь трехсотлетний период существования Сибири ошибочно думало, что Сибирь только “золотое дно” и делало историческую ошибку, ссылая туда массу преступников и мало обращающая внимания на личные качества административного персонала, управлявшего Сибирью» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 19).

Следует отметить, что авторы материалов, в частности Г. Валиханов, понимая ограниченность возможностей в рамках небольшой брошюры представить весь спектр мнений и тематических блоков, посвященных реакции российского и сибирского общества на юбилейное событие, использовали специальные журналистские приемы, направленные на формирование представлений читателя о значимости события.

Так, в описании торжественного обеда включена фраза, призванная подчеркнуть масштабность действия: «Долго не вставало из-за стола собравшееся общество; один за другим провозглашались различные тосты, и дружно поднимались бокалы во имя лучших надежд и стремлений громадной страны...» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 22). Такой прием позволил авторам обозначить ряд важных проблем, не озвученных в ходе основной части заседания, но проговариваемых в отдельных тостах: за улучшение положения женщин в Сибири, за здоровье путешественников (исследователей) и тех, кто в дальний путь отправлялся вынужденно (переселенцев), за скорейшее осуществление проектов железной дороги, за школьных и гимназических учителей (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 22–23).

Не менее значимым представляется и стремление авторов рельефно обозначить заинтересованность в юбилейных торжествах и озабоченность сибирской тематикой максимально широкой аудитории, не участвовавшей по разным обстоятельствам в праздновании. Решить эту проблему удалось посредством публикации кратких поздравительных телеграмм и перепечатки фрагментов заметок, статей, фельетонов, присланных редакционными коллективами периодических изданий («Сибирь», «Сибирская газета», «Русские ведомости», «Московский телеграф», «Неделя», «Правительственный вестник» и др.); высказываний частных лиц, чья деятельность была тесно связана с регионом (Д. И. Менделеев, В. А. Арцимович, М. И. Венюков, Е. В. Богданович и др.); приветствий от городских общин (Хабаровск, Тюмень, Кяхта, Троицкосавск, Енисейск, Москва) (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 15–35).

Анализ содержания дискурса празднования 300-летия присоединения Сибири к России 26 октября 1881 г. на столичных «площадках» позволяет сделать ряд предварительных выво-

дов. Прежде всего обращает на себя внимание церемониальный сценарий юбилейных торжеств, призванный подчеркнуть особую значимость Санкт-Петербурга как центра принятия решений и формулирования программных положений, репрезентирующих представления имперской власти о важнейших задачах государственной политики, в частности в колониальной сфере. Прерогативы столицы империи были продемонстрированы в контрастности проведения юбилейных мероприятий в Санкт-Петербурге и Москве. В последней устроителям удалось собрать незначительное число участников (90 чел.), преимущественно сибиряков. По словам составителей брошюры, обед в Москве носил совершенно частный характер: «...на колонах в зале были прибиты две небольшие старинные гравюры, изображающие Ивана Грозного и Ермака, окруженных лавровыми венками. На хорах играл оркестр Рябова» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 18). Еще более разительными являются различия, с точки зрения внешних эффектов, в организации церемониальной части юбилейных мероприятий в центре империи и сибирских городах, в которых власти ограничились молебнами, литургиями, скромными обедами с малым количеством присутствующих (Томские епархиальные ведомости, 1882, 15 нояб., с. 618; 15 дек., с. 704).

Вместе с тем дискурс юбилейных торжеств, в нарративном его исполнении, продемонстрировал определенную пластичность власти в репрезентациях имперских сценариев инкорпорации Азиатской России. И здесь складывалась довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, внутривластная обстановка, сложившаяся в России к началу 1880-х гг., располагала к купированию реформ, разворачиванию «охранительного» курса и реализации имперских практик доминирования и принуждения по отношению к подданным, как в центре, так и на окраинах страны. С другой стороны, национал-консервативные проекты колонизации окраин империи, активно обсуждаемые и насаждаемые в первые пореформенные десятилетия (распространение дворянского землевладения, русификация коренных народов), показали свою полную несостоятельность в связи с эскалацией переселенческого движения второй половины XIX в. Жестко расправившись с проявлениями сепаратизма и ограничив общественную активность сибирской интеллигенции в «вегетарианскую» эпоху либеральных реформ, в ситуации их свертывания власть обратилась к разработке моделей такого варианта коммуникации с представителями региональной общественности, который усилил бы эффективность продвижения и реализации имперских планов на востоке страны. Таким образом, дискурс празднования 300-летия присоединения Сибири к России, проиллюстрировал не только сервильность регионального социума и готовность к исполнению решений центральной власти, но и расположенность имперских сил к коллаборации с обществом, что наглядно проявилось в обсуждении и формулировании программного нарратива включения азиатских территорий в состав империи, фиксировавшего первостепенную значимость соединения европейской и азиатской частей России железнодорожным путем, гибких алгоритмов урегулирования инородческого вопроса, снижения удельного веса ссылки как инструмента колонизации, выведения переселенческого дела на правительственный уровень.

Список литературы

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
- Дмитриева О. О., Иванова Т. Н., Минеева Е. К. Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия Российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 280–291.
- Красильникова Е. И., Наумов С. С. Празднование трехсотлетних юбилеев сибирских городов как отражение государственной и региональной политики памяти (1904–2016 гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2023. № 82. С. 81–88.

- Ремнев А. В.** 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании «нового исторического периода» // Культурологические исследования в Сибири. 2007. № 1. С. 34–50.
- Уайт Х.** Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
- Хальбвакс М.** Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения 03.06.2023).
- Чернышов С. А.** Празднование 300-летия присоединения Сибири к России в Красноярске и Иркутске: неудавшийся акт локальной исторической политики // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 168–178.
- Шиловский М. В.** Празднование «сибирского дня» в дореволюционный период // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 12–15.
- Шуб М. Л.** Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.

Список источников

- Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1581 года. СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1882. 42 с.
- Томские епархиальные ведомости. 1882. № 22. 15 нояб.; № 24. 15 дек.

References

- Assman A.** Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p. (in Russ.)
- Chernyshov S. A.** Prazdnovanie 300-letiya prisoedineniya Sibiri k Rossii v Krasnoyarske i Irkutске: neudavshiisya akt lokal'noi istoricheskoi politiki [Celebrating the 300th Anniversary of the Joining of Siberia to Russia in Krasnoyarsk and Irkutsk: A Failed Act of Local Historical Politics]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector], 2023, vol. 18, no. 1, pp. 168–178. (in Russ.)
- Dmitrieva O. O., Ivanova T. N., Mineeva E. K.** Istoricheskie yubilei kak tseremonial'naya kommemorativnaya praktika (sravnitel'nyi analiz prazdnovaniya 1000-letiya Rossiiskoi gosudarstvennosti, 100-letiya Otechestvennoi voyny 1812 goda i 300-letiya tsarstvovaniya doma Romanovykh v Rossiiskoi imperii) [Historical Anniversaries as a Ceremonial Commemorative Practice (A Comparative Analysis of the Celebration of the 1000th Anniversary of Russian Statehood, the 100th Anniversary of the Patriotic War of 1812 and the 300th Anniversary of the Reign of the Romanovs in the Russian Empire)]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2020, no. 72, pp. 280–291. (in Russ.)
- Halbwachs M.** Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Stash], 2005, no. 2–3 (40–41). (in Russ.) URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (accessed: 03.06.2023).
- Krasilnikova E. I., Naumov S. S.** Prazdnovanie trekhstoltnikh yubileev sibirskikh gorodov kak otrazhenie gosudarstvennoi i regional'noi politiki pamyati (1904–2016 gg.) [Celebrating the Tercentenary Anniversaries of Siberian Cities as a Reflection of the State and Regional Politics of Memory (1904–2016)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2023, no. 82, pp. 81–88. (in Russ.)
- Remnev A. V.** 300-letie prisoedineniya Sibiri k Rossii: v ozhidanii "novogo istoricheskogo perioda" [300th Anniversary of the Annexation of Siberia to Russia: In Anticipation of a "New Historical Period"]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Cultural Studies in Siberia], 2007, no. 1, pp. 34–50. (in Russ.)

- Shilovsky M. V.** Prazdnovanie “sibirskogo dnya” v dorevolutsionnyi period [Celebration of the “Siberian Day” in the Pre-revolutionary Period]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2013, no. 2, pp. 12–15. (in Russ.)
- Shub M. L.** Sovremennye kommemorativnye praktiki: obrazovatel’nyi i vospitatel’nyi potentsial [Modern Commemorative Practices: Educational Potential]. *Chelyabinskii gumanitarii* [Chelyabinsk Humanitarian], 2016, no. 3 (36), pp. 80–87. (in Russ.)
- White H.** Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka [Metahistory: The Historical Imagination in 19th Century Europe]. Trans. by E. G. Trubina, V. V. Kharitonov. Yekaterinburg, Izdatel’svo Ural’skogo Universiteta, 2002, 528 p. (in Russ.)

List of Sources

- Prazdnovanie v Peterburge i Moskve dnya 26 oktyabrya 1581 goda [Celebration in St. Petersburg and Moscow on October 26, 1581]. St. Petersburg, Tipografiya F. Eleonskogo, 1882, 42 p. (in Russ.)
- Tomskie eparkhial’nye vedomosti [Tomsk Diocesan Gazette], 1882, no. 22, Nov. 15; no. 24, Dec. 15. (in Russ.)

Информация об авторе

Михаил Константинович Чуркин, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57188640644
WoS Researcher ID AAQ-8591-2021

Information about the Author

Mikhail K. Churkin, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57188640644
WoS Researcher ID AAQ-8591-2021

Статья поступила в редакцию 26.06.2023;
одобрена после рецензирования 27.07.2023; принята к публикации 28.08.2023
The article was submitted on 26.06.2023;
approved after reviewing on 27.07.2023; accepted for publication on 28.08.2023

Научная статья

УДК 94:621.311.1(571.6)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-130-142

Диффузия инноваций на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX века (на примере электрификации)

Алексей Владимирович Маклюков

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Владивосток, Россия

alekseymaklyukov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1301-4041>

Аннотация

Анализируются исторические условия, выявляются каналы, агенты и особенности распространения инноваций на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. на примере электрификации. Определяется роль электротехнических инноваций в процессе модернизации региона. Правительственная политика по созданию открытости дальневосточной экономики и привлечению иностранных предпринимателей, высокая восприимчивость дальневосточного населения к новинкам ускорили диффузионные процессы. Автор приходит к выводу, что диффузионные процессы электротехнических инноваций стали важнейшей составляющей модернизации региона, сыграли ключевую роль в формировании дальневосточной индустрии, развитии городского благоустройства, изменении повседневной культуры и повышении качества жизни населения.

Ключевые слова

распространение инноваций, модернизация, электрификация, российская периферия, регион, Дальний Восток

Для цитирования

Маклюков А. В. Диффузия инноваций на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX века (на примере электрификации) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 130–142. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-130-142

Diffusion of Innovations in the Far East of Russia during the Late 19th to Early 20th Centuries (by the Example of Electrification)

Aleksey V. Maklyukov

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russian Federation

alekseymaklyukov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1301-4041>

Abstract

The article analyzes the historical conditions, identifies channels, agents and features of the distribution of innovative products in the Russian Far East during the late 19th and early 20th centuries, using electrification as an example. It determines the role of electro-technical innovations in the modernization process of the region, highlighting the favorable historical conditions that developed for the diffusion of innovations in the Far East. The government policy, which

© Маклюков А. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 130–142

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 130–142

aimed at opening up the Far Eastern economy and attracting foreign entrepreneurs, as well as the high susceptibility of the Far Eastern population to innovations, accelerated diffusion processes. The primary agents and translators of innovations were foreign nationals, particularly entrepreneurs from Germany. The study concludes that the diffusion processes of electrical innovations became the most crucial element of the modernization of the region, playing a critical role in forming the Far Eastern industry, developing urban amenities, changing everyday culture and improving the population's quality of life. The historical experience of electrification of the Far East at the turn of the 19th – 20th centuries shows that the diffusion of innovations occurs as Russia moves along the path of modernization, its readiness for openness and strengthening contacts with foreign countries.

Keywords

diffusion of innovations, modernization, electrification, Russian periphery, region, Far East

For citation

Maklyukov A. V. Diffusion of Innovations in the Far East of Russia during the Late 19th to Early 20th Centuries (by the Example of Electrification). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 130–142. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-130-142

Успешное социально-экономическое развитие современного государства невозможно без развития, распространения и внедрения инновационных технологий. В новейших программных документах стратегической направленности инновационное развитие РФ обозначается как одна из главных национальных целей, ведущих к прорывному экономическому росту страны и превращению ее в глобального лидера мировой экономики. Исторический вектор российского развития постоянно сверялся с траекторией движения инноваций западного общества, порождая у политического руководства и общественности колебания между включением в глобальный мир и изоляционизмом, стремлением успеть за динамично меняющимся западным миром и осознанием необходимости сохранять свою идентичность. Обращение к историческому опыту инновационного взаимодействия России с западным миром, в том числе диффузии инноваций в дальневосточной периферийной части страны в конце XIX – начале XX в., представляется актуальным, поскольку Россия сегодня вновь выбирает перспективные ориентиры.

В отечественной историографии в последнее десятилетие в изучении распространения феноменов и факторов инновационного развития в ходе модернизационных процессов в России и ее регионов достигнуты значительные научные результаты [Алексеева, 2007; Миронов, 2019]. Проблема диффузий инноваций предметно исследована на региональных материалах Урала XVIII – начала XX в. [Диффузия технологий..., 2011; Алексеева, Казакова-Апкаримова, 2017]. Проведенные исследования позволили историкам Уральской исторической школы раскрыть региональную специфику и разнообразие процессов модернизации, выявить коридоры и маршруты диффузии инноваций, агентов их трансляции, условия усвоения и соотношения инноваций с существующими традициями и практиками. Однако историки, обращаясь к феномену инноваций в России, изучали их распространение из Европейских стран и через западные и центральные губернии страны.

Региональные диффузионные процессы на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. исследователями рассматривались в контексте изучения предпринимательской активности иностранных подданных [Позняк, 2004; Молчанова, 2001], выявления роли иностранного капитала в дальневосточной экономике [Морозов, 1997; Алепо, 2001; Галлямова, 2000], определения влияния технических новшеств на трансформацию повседневной жизни [Позняк, 2013; Маклюков, 2018]. Исследователи косвенно рассматривали вопросы, связанные с условиями, каналами, агентами и механизмами распространения инноваций на Дальнем Востоке.

В статье анализируются исторические условия, выявляются каналы, агенты и особенности диффузии инноваций на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. на примере электрификации, определяется роль электротехнических инноваций в процессе модернизации региона.

Концептуальной основой исследования является теория диффузионизма. Под диффузией инноваций понимается распространение технологий в обществе, оказывающих непосредст-

венное влияние на прогресс и социальные трансформации. Процесс диффузии получает импульсы благодаря совершенствованию средств коммуникации, развитию торговли, интерсоциальных контактов, миграции населения. Диффузия является одним из важнейших механизмов, которые используются в процессе и целях модернизации. Теория диффузионизма выступает новым инструментом для изучения модернизации Российской империи, она позволяет углубить научные представления о процессах трансформации традиционного общества в современное [Алексеева, 2007, с. 6, 29].

Источниковой основой исследования является корпус неопубликованных документов федеральных (ГАРФ, РГИА ДВ) и региональных (ГАПК) архивов. Выявленные документы представляют: таможенные сведения статистических органов о ввезенных из-за границы электротехнических товаров; прошения предпринимателей в органы власти о разрешении установки электрических машин; официальные обращения немецких торговых домов и электротехнических компаний в органы власти дальневосточных городов с предложениями об устройстве электрического освещения; протоколы заседания городских дум и их переписка с концессионерами по вопросам организации электрического освещения; постановления дум о строительстве электрических станций и трамвая и т. д. Ценным источником также стали материалы периодической печати, в которых зафиксированы различные факты электрификации.

Эволюция международных экономических связей способствовала формированию к концу XIX в. единого мирового рынка, увеличив возможности проникновения в развивающиеся страны зарубежных инвестиций и технологий. В качестве всеобъемлющей инновации, охватившей мир и Россию на рубеже XIX–XX вв., стала электрификация. В распространении опыта практического применения электричества в мировом масштабе ключевую роль сыграли частные электротехнические компании, возникшие в США и Германии в 80-е гг. XIX в.: «Edison Electric Light C», «Westinghouse Electric», «Siemens & Halske» и «Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft» [Hausman et al., 2008, p. 17].

Электротехнические инновации в конце XIX – начале XX в. проникали и распространялись в России за счет иностранного капитала и частной инициативы русских людей, а роль государства ограничивалась лишь технико-полицейским надзором над появляющимися электрическими новинками. С 1887 по 1914 г. наблюдался феноменальный рост частных инвестиций, преимущественно иностранных, направленных в электрификацию России, – в среднем по 20–25 % в год [Миронов, 2019, с. 24]. Однако ответная реакция России на инновационный вызов оказалась замедленной. В. В. Алексеев в качестве причин такой реакции называет: 1) преобладание в экономике страны традиционного аграрного производства основанного на мускульной силе; 2) недостаточное развитие отечественного инженерного образования и дефицит специалистов; 3) слабая изученность богатейших энергетических ресурсов страны; 4) непонимание политической элитой значимости электрификации [Алексеев, 2018, с. 11].

Британский историк Д. Куперсмит выделил пять ключевых факторов, детерминирующих электрификацию России в имперский период: 1) ограничительная административно-правовая среда, навязанная правительством; 2) отсутствие коммерческих условий для применения отечественных электротехнических изобретений; 3) значительное иностранное финансовое и техническое участие в российской электрификации; 4) невовлеченность русского сообщества электротехников в политику электрификации и безразличие правительства к ней; 5) исключительное положение армии в применении электротехнологий [Coopersmith, 1992, p. 8]. В дальневосточной части России на процессы диффузии инноваций также оказывали влияние: 1) географическая отдаленность территории региона от Европейской России, т. е. центров распространения новшеств; 2) слабый уровень хозяйственного и транспортного освоения региона; 3) малочисленность населения.

Несмотря на все перечисленные детерминирующие факторы, на рубеже XIX – XX вв. для инноваций на Дальнем Востоке складывались и благоприятные исторические условия.

Во-первых, выход к морям Тихоокеанского бассейна и развитие международной торговли открыли широкую возможность получения товаров практически из любой точки мира. Во-вторых, богатые и разнообразные природные ресурсы региона (золото, цветные металлы и т. д.) привлекли иностранный капитал. В-третьих, дефицит трудовых ресурсов стимулировал управленцев и предпринимателей повышать производительность труда путем использования новых технологий. И последнее, не менее важное условие – открытость дальневосточного населения к инновациям, более высокая, чем у жителей Европейской части России. На новой осваиваемой территории у переселенцев и мигрантов не было особого риска вступать в противоречие со старыми, отживающими элементами общественной системы. В регионе присутствовало значительное число иностранных подданных, которые проникали во все отрасли экономики.

Важнейшим фактором привлечения иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока являлась политика российского правительства. В целях использования международного рынка капиталов государством принимались специальные меры, давшие импульс проникновению инноваций. Во-первых, они проявлялись в организации иммиграции иностранных предпринимателей на Дальний Восток путем предоставления им различных льгот. Законодательной основой для стимулирования притока иностранцев стали утвержденные 27 апреля 1861 г. правила поселения в Амурской и Приморской областях. Иностранцам на одинаковых правах с русскими разрешалось заниматься торговлей, промышленностью и ремеслом. Принятые после Русско-японской войны 1904–1905 гг. законы разрешали иностранцам открытие новых видов производственной деятельности, создание смешанных акционерных предприятий с максимальной долей участия своего капитала и т. д. [Алепко, 2001, с. 118, 332].

Российские власти отдавали предпочтение в привлечении представителей немецких деловых кругов, а не английским и французским, отношения с которыми после поражения в Крымской войне оставались нежелательными. Немецкие купцы, начиная свою деятельность со снабжения населения Дальнего Востока необходимыми товарами, к концу XIX в. уже выполнили государственные заказы и имели представительство из этнических немцев в управленческих структурах местной власти [Молчанова, 2001, с. 71]. В 1906–1913 гг. темпы роста германской колонии в регионе оставались высокими. Только за 1911 г. в Приморской области было выдано немцам 239 билетов на жительство. Центром проживания иностранцев-европейцев и подданных Германии стал г. Владивосток. К 1913 г. здесь численность европейцев составляла 1 480 чел. [Позняк, 2004, с. 37, 223, 233].

Другой важнейшей мерой стало принятие правительством в декабре 1862 г. во Владивостоке режима порто-франко, просуществовавшего с перерывами до 1909 г. Беспешинная иностранная торговля создала благоприятные условия для инвестирования части торговой прибыли в развитие промышленности и привлечения инноваций. Дальний Восток представлял собой нетронутый рынок сбыта в условиях слабой конкуренции со стороны русских купцов. Стремительному проникновению инноваций способствовала открытость дальневосточной экономики и стойкое стремление иностранного капитала зайти на дальневосточные рынки. В своем отзыве на попытки российского правительства ограничить порто-франко владивостокский купец 1-й гильдии немец А. В. Даттан, совладелец торгового дома «Кунст и Альберс», писал: «Весьма желательно для улучшения уличного освещения, как в городах, так и во всех селениях, оставить динамоэлектрические машины беспешинными» (Даттан, 1897, с. 174).

Тихоокеанский маршрут являлся главным каналом проникновения инноваций через порты Владивостока и Николаевска-на-Амуре в восточную часть России. Режим порто-франко позволил иностранным предпринимателям ежегодно расширять объемы и ассортимент заво-зимых пароходами товаров. В 1890–1900-е гг. технический отдел торгового дома «Кунст и Альберс» первым занялся поставкой из Германии электрических машин и оборудования, готовил чертежи и проектные сметы по их установке, выполнял монтажные работы. В 1894–1895 гг. торговый дом доставил пароходами во Владивостокский порт 1,2 т электроаппаратов

и 8,3 т электрических принадлежностей (Торговый дом «Кунст и Альберс», 2020, с. 3; Даттан, 1897, с. 123, 141, 146).

В 1906 г. в Хабаровске открылось первое на Дальнем Востоке отделение немецкой фирмы «Всеобщая компания электричества» (ВКЭ) (Зак, 1914, с. 23). В 1908 г. во Владивостоке появилось второе отделение ВКЭ и филиал немецкой фирмы – «Сименс и Шуккерт». Практически вся электротехника – от лампочек, счетчиков, распределителей энергии до генерирующих динамо-машин – завозилась этими двумя фирмами. Они занимались строительством электростанций, монтажом сетей, эксплуатацией и ремонтом электрооборудования. По таможенным сведениям Приморского статистического комитета, только с сентября по декабрь 1908 г. из Германии во Владивостокский порт доставили грузов: 1,7 т электронасосов; 1,6 т электродвигателей; 1,5 т электропроводов; 576 кг электрических запчастей; 272 кг лампочек¹.

Заграничная техника, работающая на электрической энергии, на Дальний Восток также доставлялась пароходами из Великобритании и США. В основной массе она использовалась в горнодобывающей промышленности, ее в первую очередь приобретали русские и иностранные золотопромышленники. Ее распространению способствовал введенный 24 апреля 1898 г. положением Комитета Министров «беспошлинный ввоз по всем границам Империи, для надобностей Сибирской и Уральской золотопромышленности». В 1906–1908 гг. правительство расширило перечень ввоза иностранных машин, в частности в него вошли электромоторы всех типов, различные принадлежности для передачи электричества и электрического освещения. Разрешалось провозить и запасные части в количестве до 10 % веса от каждой машины (Собрание узаконений, 1908, с. 1384).

В годы Первой мировой войны с объявлением Германии врагом и блокировкой западных российских портов происходит смена рынка поставок электротоваров. На Дальнем Востоке над немецкими фирмами «Кунст и Альберс», ВКЭ и «Сименс и Шуккерт» устанавливается правительственный надзор, и их деятельность ограничивается². Историк Д. Куперсмит подчеркивал, что Россия лишилась надежного источника импортной техники, и отрасль охватила кризис [Coopersmith, 1992, p. 104]. Это не совсем точное утверждение. Электрические машины продолжали поставляться в Россию через Владивосток из США и Японии. В частности, на российский рынок зашли японские электротехнические компаний «Киосинша» и «Токото и К°». В сентябре 1916 г. партия японских генераторов была отправлена по Транссибу в западную часть России. Японские машины покупали управления дальневосточных городов и местные предприниматели (Дальний Восток, 1916, 21 сент., с. 2).

Центром адаптации и транслятором инноваций на Дальнем Востоке стал г. Владивосток. Первенство в применении электрического освещения здесь принадлежало военным морским Сибирской флотилии. Военно-морское ведомство имело свои каналы снабжения иностранными новинками. В 1885 г. на береговых батареях Владивостока для ночной стрельбы установили дуговые электрические прожектора, а часть военных складов перевели на электрическое освещение. Для производства электроэнергии использовались американские динамо-машины «Эдисон» [Маклюков, 2018, с. 18].

Диффузионный эффект электрификация получила в ноябре 1893 г., когда торговый дом «Кунст и Альберс» запустил свою первую частную электростанцию в центре Владивостока. Динамо-машины «Сименс» общей мощностью 125 кВт, локомобиль и осветительную аппаратуру доставили из Гамбурга. Электрификация магазина обошлась в 43,5 тыс. руб. [Деев, 2002, с. 146]. Яркие огни универмага удивляли даже столичных гостей. В мае 1896 г. во Владивосток на пароходе прибыл путешественник А. Т. Снарский, отметивший в путевых заметках: «Главная улица Владивостока называется Светланская. Здесь отличный каменный дом с электрическими фонарями вокруг, с красивыми освещенными витринами. В двух эта-

¹ РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 224. Л. 4, 5, 15, 27.

² Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2503. Л. 1.

жах этого дома помещается прекрасный магазин немецкого дома «Кунст и Альберс». Магазин вполне универсальный, здесь можно найти все» (Снарский, 1907, с. 146).

Торговый дом «Кунст и Альберс» стал акцептором электрификационной инновации на Дальнем Востоке. К 1900–1902 гг. электрическое освещение появилось во всех крупных магазинах-филиалах фирмы: в Благовещенске, Хабаровске и Никольск-Уссурийске³. К середине 1902 г. электрическими услугами «Кунст и Альберс» во Владивостоке пользовались дома Лангатъе, Янковского, Шевелева, типография газеты «Дальний Восток», гостиница «Тихий океан». Электрический ток отпускался по 40 коп. за 1 кВт*ч⁴. В 1897–1900 гг. динамо-машины у немцев приобрели: торговый дом «Чурин и К°», Русско-Китайский банк, предприниматели Циммерман и Скидельский (Дальний Восток. 1902. 15 июня, с. 2). К 1905 г. в городскую управу Владивостока было подано свыше 30 заявлений от частных лиц на подключение к станциям «Кунст и Альберс» и «Чурин и К°»⁵.

Диффузионные процессы в первую очередь затронули сферу культуры и повседневной жизни. 1 июня 1897 г. А. П. Хегберг в специально построенном павильоне рядом с магазином «Кунст и Альберс» во Владивостоке открыл первый электрический кинематограф. Он работал ежедневно с 19 до 23 часов (Владивосток, 1897, 5 мая, с. 4). Во Владивостоке до 1916 г. открылось 6 «электро-театров» (иллюзионов). Лучшим по внутреннему обустройству и репертуару считался «Золотой рог» [Позняк, 2013, с. 104]. Начиная с 1900 г. в дальневосточных газетах появляется реклама гостиниц, предлагающих комфортные номера с электрическим освещением, аппаратами и техникой. Такие номера сдавались в гостинице «Тихий океан» во Владивостоке, в центральной гостинице Добровольского в Благовещенске, в гостинице «Хабаровск», в доходном доме Пьянковых в Хабаровске и др. (Дальний Восток, 1900, 4 янв., с. 2).

На рубеже XIX–XX вв. дальневосточной общественностью стал обсуждаться вопрос об устройстве городского уличного электрического освещения. Первым городом, в котором удалось реализовать проект централизованного электроснабжения горожан, стал Хабаровск. По инициативе полковника С. Н. Ванкова было организовано товарищество на паях, которое на первом собрании 15 января 1906 г. приняло решение о строительстве электростанции, а 27 февраля 1906 г. городская дума приняла устав «АО электрического освещения г. Хабаровск». Учредителями стали: С. Н. Ванков, городское управление, пайщики товарищества. Генерирующее оборудование было заказано у «Всеобщей компании электричества»⁶. 1 ноября 1906 г. на улице Муравьева-Амурского вспыхнул электрический свет. 20 электрических дуговых фонарей зажглись на самой улице, возле дома генерал-губернатора П. Ф. Унтерберга, а также у здания военного собрания. Жители центра Хабаровска, пользовавшиеся электрическим светом, стали пайщиками товарищества. Мощность станции составляла 120 кВт, а к 1910 г. увеличилась в до 320 кВт. К 1911 г. она обслуживала 50 уличных фонарей и 12 тыс. лампочек частных абонентов [Маклюков, 2018, с. 43].

В сентябре 1906 г. аналогичное паевое товарищество появилось в Благовещенске. Оборудование поставил открывшийся Хабаровский филиал ВКЭ. Однако собранных от пайщиков финансов не хватило на достройку предприятия, и городская дума в постановлении от 28 ноября 1908 г. решила выкупить его в собственность. При городской управе создали электрический отдел, а станцию мощностью 250 кВт открыли в декабре 1908 г.⁷ В 1909 г. в г. Никольск-Уссурийск созданное товарищество электрического освещения запустило станцию мощностью 120 кВт и осветило центральные улицы города (Дальний Восток, 1909, 5 июня, с. 3).

³ РГИА ДВ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

⁴ Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 590. Л. 20 – 21 об.

⁵ Там же. Д. 223. Л. 240–270.

⁶ Там же. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 259. Л. 19.

⁷ Там же. Ф. 755. Оп. 3. Д. 310. Л. 315.

Долго городскими властями решался вопрос об электрификации Владивостока, ее планировали проводить исключительно за счет бюджета. В феврале 1911 г. городская управа получила разрешение на получение кредита на сумму 564 тыс. руб. в Сибирском торговом банке под 7 % годовых. 5 марта 1911 г. управа заключила договор с филиалом ВКЭ на строительство станции, генерирующее оборудование которой состояло из двух турбогенераторов мощностью 1 350 кВт. 18 февраля 1912 г. станцию приняли в эксплуатацию. На 1 июня 1914 г. на учете городской сети числилось 1 785 абонентов, 32 133 электрических лампочек, 60 электрических моторов и 848 уличных ламп⁸.

В марте 1911 г. Владивостокская управа заключила договор с предпринимателем Х. А. Циммерманом на строительство 5,5 км трамвайной линии по ул. Алеутская и Светланская. Десять вагонов с электрическим приводом доставили из Германии. Трамвайное движение открылось 9 октября 1912 г. (Далекая окраина, 1912, 10 окт., с. 1). Трамвай во Владивостоке превратился в излюбленное средство передвижения горожан, он был по карману большинству жителей города. Трамвай двигался со скоростью 20 км/ч, вагоны были небольшие, деревянные, вмещавшие до 40 чел. Стоимость билета зависела от расстояния поездки. Десять остановок были поделены на три пояса по расстоянию и оплате проезда. Например, в пределах одного пояса от остановок Луговой до Мальцевской стоимость составляла 6 коп. (для первого класса) и 5 коп. (для второго), соответственно полный проезд по всем поясам от Луговой до железнодорожного вокзала – 20 и 15 коп. Ежегодно с 15 марта по 15 октября трамвай ходил с 5 часов утра до 10 вечера, с 15 октября до 15 марта – с 6 утра до 9 вечера. Дети до 5 лет, нижние чины и почтальоны проезжали бесплатно, гимназисты и студенты оплачивали 50 % стоимости проезда⁹. Ритм городской жизни значительно ускорился, а передвижение по городу настолько облегчилось, что городские власти даже в кризисный 1916 г. решились увеличить на 2,8 км трамвайную линию до района Первая Речка [Позняк, 2013, с. 107].

Итак, к 1910-м гг. Владивосток стал самым электрифицированным городом на востоке России. Здесь работала самая мощная за Уралом электростанция, способная обеспечить коммунальные и транспортные потребности города. Спрос на электроэнергию настолько возрос, что в июне 1914 г. управа заказала из Германии новый турбогенератор ВКЭ мощностью 2 250 кВт¹⁰. Война сорвала поставку, тогда в конце 1916 г. на станции установили японский турбогенератор «Киосинша» мощностью 1 500 кВт за 97,5 тыс. руб. (Дальний Восток, 1916, 21 сент., с. 2). За пять лет работы станции выработка электроэнергии выросла в 2,6 раза, число абонентов увеличилось в 6,6 раза, а чистая прибыль в бюджет города – в 3 раза (табл. 1).

Для успешной адаптации инновации необходимы были социально-экономические условия. Скучные бюджеты провинциальных городов, слабая купеческая прослойка, низкий технико-экономический уровень построенных станций ограничивали электрификацию. Так, в 1908 г. Хабаровская дума обсуждала вопрос об устройстве городского трамвая и приняла решение создать комиссию из 7 гласных во главе с Н. В. Зуевым для решения вопроса (Бодиско, 1913, с. 238). Летом 1908 г. путешественник Г. Т. Муров наблюдал строительство трамвайных путей, которое выполняла немецкая фирма «Артур Коппель». Шестнадцать двухвагонных трамвайчиков должны были связать железнодорожный вокзал и набережную Амура (Муров, 1911, с. 33). Однако «АО электрического освещения г. Хабаровск» и власти отказались от этой задумки, поскольку требовались дополнительные вложения в расширение станции, акционерное общество оказалось к ним не готово.

Несмотря на все трудности, география диффузии инновации постепенно расширялась, электричество приходило в быт городских и сельских жителей. В августе 1914 г. чиновник А. П. Журавский на собственные средства купил и доставил на Камчатку в Петропавловск динамо-машину 12 кВт и киноаппаратуру для местного театра. Электрический ток также отпущался для освещения рядом проживающих местных жителей по 40 коп. 1 кВт*ч [Хлыпа-

⁸ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 408а. Л. 51; Ф. 159. Оп. 1. Д. 15. Л. 171.

⁹ Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–5.

¹⁰ Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 499. Л. 8.

лов, 1989, с. 30–31]. В 1913 г. в с. Раздольном «Русское мукомольное товарищество» поставило динамо-машину 10 кВт и провело электричество в дома рядом проживающих селян. К 1914 г. в с. Спасском также появился кинотеатр, обслуживаемый динамо 50 кВт. В 1915 г. электричество пришло в жилые дома Николаевска-на-Амуре¹¹.

Таблица 1

Технико-экономические показатели
работы Владивостокской городской электростанции. 1912–1916 гг. *

Table 1

Technical and economic indicators
of the work of the Vladivostok city power plant. 1912–1916

Показатели:	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Мощность станции, кВт	1350	1350	1350	1350	2850
Выработано электроэнергии, кВт*ч	1.345.230	2.924.870	3.090.165	3.197.940	3.581.470
Продано абонентам, кВт*ч	962.508	2.099.772	2.324.600	2.359.063	2.712.384
Получено прибыли, руб.	98.598	207.101	231.847	301.481	314.358
Число абонентов	980	1785	2900	–	5500
Тариф абонентам, 1 кВт*ч коп.	28	28	28	28	35

* Таблица составлена по: РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 15. Л. 171; Д. 29. Л. 189–190; Ф. 28. Оп. 1. Д. 500. Л. 10; Д. 990. Л. 132.

Электротехнические инновации дали мощный импульс развитию производственной сферы. Ведущие позиции в региональной экономике занимала добыча золота, приносящая быструю и высокую прибыль. В 1897 г. впервые в России на золотых приисках Приамурья стали применяться электрические двигатели. В 1903 г. Амгунская золотодобывающая компания использовала 4 электродвигателя и электрическое освещение для ведения ночных работ¹². Инновационный бум в отрасли произошел в 1906–1914 гг. с приходом иностранного капитала. В 1911 г. английский синдикат «Orsk Gold Field Ltd» на Покровском прииске на Нижнем Амуре установил американскую электрическую драгу завода «New York Engineering Co» и электростанцию мощностью 300 кВт. Сборку произвел американский инженер С. Мурро. Электрификация позволила перейти к круглогодичной промывке золотоносных песков [Алепко, 2001, с. 291].

За счет немецкого капитала фирмы «Aron Hirsch und Sohn» в 1909–1914 гг. за 2,5 млн руб. было создано крупнейшее в регионе частное горнорудное предприятие акционерного общества «Тетюхе». Рабочий поселок и производственный комплекс насчитывали 180 капитальных сооружений, в том числе электростанцию 1 300 кВт, оборудованную двумя турбинными ВКЭ. Электричество использовалось для освещения подземных выработок, хозяйственных построек и домов рабочих, двигателей циркулярной пилы, дробилок, флотационных машин, классификаторов, насосов, станков и т. д. В 1914 г. акционерное общество разрабатывало

¹¹ РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 27. Л. 479; Ф. 702. Оп. 1. Д. 2005. Л. 103 об; Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2613. Л. 16.

¹² Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 126. Л. 17.

12 рудников, основная часть добытой серебряно-свинцовой руды отправлялась на экспорт в Европу: Лондон, Амстердам и Гамбург¹³.

Передовые технологии стимулировали развитие промышленной переработки сельскохозяйственных продуктов на Дальнем Востоке. В мукомольном производстве процветал крупный частный капитал, которому на 1913 г. принадлежали 253 предприятия, использовавшие различную технику. Механический размол зерна в регионе достигал 96,5 %, тогда как по России в среднем – 14–18 %. Построенное в 1909 г. предприятие «Русского мукомольного товарищества» во Владивостоке обслуживали 2 динамо-машины и 9 электродвигателей, производительность которых достигала 1 920 кг суточного перемола зерна. Это же товарищество в 1915 г. во Владивостоке открыло макаронную фабрику. Электропривод обеспечивал подачу воды, замес теста, сортировку и производство в год 400 т различных макаронных изделий¹⁴.

В обрабатывающей промышленности особое значение имело производство строительных материалов. В 1902 г. торговый дом «Кунст и Альберс» открыл электрическую фабрику по производству красок. В 1911 г. по проекту немецкой фирмы «Кгирр» товарищество «Портландцемент» русских предпринимателей М. И. Ратомского и А. Х. Тетюкова построило цементный завод. Электростанция 100 кВт обслуживала немецкие технологические линии и машины¹⁵. Электрификационным инновациям в начале XX в. нашли применение и в базовой для региона отрасли – рыбной. В 1910 г. владивостокский предприниматель В. Г. Демби на Камчатке построил рыбконсервный завод, оборудованный динамо-машиной 45 кВт для освещения цехов и подключения нескольких станков¹⁶. В 1913 г. француз Ф. О. Рессегье при помощи немецкого инженера Г. Г. Кавена построил в Хабаровске рефрижератор объемом 1 360 т для хранения рыбы. Работа холодильной установки «Германия» обеспечивалась за счет динамо-машины¹⁷.

Диффузия инноваций охватила не только частные, но и казенные предприятия фабрично-заводского типа. Крупнейший судоремонтный завод во Владивостоке «Дальзавод» первым перешел на электропривод. В 1904 г. здесь установили 10 немецких электродвигателей марки ВКЭ, а к 1914 г. в цехах их работало уже 176. Завод имел собственную электростанцию 1 340 кВт, управляемую немцем К. Рекач, мостовой электрический кран, центробежные мощные электронасосы для откачки воды с дока и т. д.¹⁸ В 1903 г. на Сучанские казенные копи из Владивостока в порт Находка доставили динамо-машину «Сименс» для освещения подземных выработок шахт и работы американского электрического нагнетательного вентилятора Рута. К 1917 г. на предприятии функционировали 8 динамо-машин и 25 электродвигателей. Электричество применялось для бурильных установок, насосов, вентиляторов, подъемных машин, лебедок и т. д.¹⁹.

Темпы внедрения импортных технологий по разным секторам промышленности различались, в лидерах находились горнодобывающая, металлообрабатывающая и мукомольная отрасли. Почти не оставалось ни одной сферы производства, в которой не использовались бы технологии электрической энергии для освещения или механических процессов. Общую характеристику диффузии электротехнических инноваций на Дальнем Востоке в 1913 г. дал в своем отчете старший фабричный инспектор Приморской области Якимов: «Подчиненные надзору заведения оборудованы в большинстве электродвигателями, так как не только в городах, но даже в селах имеются электростанции» [Галлямова, 2000, с. 51].

¹³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 180. Л. 6; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 120.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 27. Л. 271, 275.

¹⁵ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

¹⁶ Там же. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 205. Л. 17.

¹⁷ Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 837. Л. 5, 25, 59.

¹⁸ Там же. Ф. 436. Оп. 1. Д. 1. Л. 10; Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 11. Л. 86–93; ГАПК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 39. Л. 66–93.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 174. Л. 5; Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 105. Л. 122, 362, 387.

Итак, по уровню электрификации в 1913 г. Дальний Восток не уступал сибирским областям (табл. 2). Однако следует учитывать контраст, связанный с тем что, не менее 70 % всей электроэнергии производилось и потреблялось только в одном Владивостоке, тогда как в других городах и населенных пунктах диффузия инноваций еще не имела столь значительного размаха и глубины.

Таблица 2

Показатели электрификации восточных районов Российской империи
по статистическим данным Министерства финансов, 1913 г. *

Table 2

Indicators of the electrification of the Eastern regions of the Russian Empire
according to the statistics of the Ministry of Finance in 1913.

Губернии и области	Число станций			Полезно отпущено электроэнергии, кВт*ч				
	центральных	частных	Всего	для осве- щения улиц	для освеще- ния по- мещений	для грам- маев	для тех- нических надобно- стей	Итого
Приморская, Амурская, Камчатская и Сахалинская	5	36	41	688.210	3.506.030	605.675	698.605	5.498.520
Иркутская и Якутская	1	70	71	92.100	2.964.280	–	450.400	3.506.780
Забайкальская	5	20	25	136.760	1.739.070	–	59.640	1.935.470
Енисейская	3	47	50	108.490	592.740	–	1.991.420	2.692.650

* Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. 6832. Оп. 1. Д. 20. Л. 35–37.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. на Дальнем Востоке сложились благоприятные условия для диффузии электротехнических инноваций. Благодаря правительственной политике по привлечению иностранных предпринимателей, высокой восприимчивости населения к новинкам диффузионные процессы стали важнейшей составляющей модернизации региона. Акцепторами и агентами инноваций являлись иностранные подданные, в первую очередь выходцы из Германии. Главную роль транслятора инноваций играл г. Владивосток, в котором происходили динамичные изменения в жизни горожан, связанные с активной предпринимательской деятельностью иностранцев и стремлением органов власти улучшить городское благоустройство. Диффузионные процессы сыграли ключевую роль в формировании и развитии дальневосточной индустрии, обеспечили высокие темпы промышленной модернизации. Исторический опыт электрификации Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. показывает, что диффузия инноваций происходила благодаря открытости России к технологиям зарубежных стран. Диффузионные процессы, обмен знаниями и опытом являлись неотъемлемой частью прогресса.

Список литературы

Алексеев В. В. Энергетический вызов имперской России // Уральский исторический вестник. 2018. № 2. С. 6–12.

- Алексеева Е. В.** Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 43 с.
- Алексеева Е. В., Казакова-Апкаримова Е. Ю.** Технические инновации и эволюция культурного ландшафта российского провинциального города в конце XIX – начале XX века // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17, № 3. С. 6–14.
- Алепко А. В.** Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.). Хабаровск: [Б. и.], 2001. 368 с.
- Галлямова Л. И.** Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2000. 203 с.
- Деег Л.** Кунст и Альберс Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924): Пер. с нем. Владивосток: Изд-во Примор. полиграфкомбината, 2002. 335 с.
- Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 406 с.
- Маклюков А. В.** Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2018. 282 с.
- Миронов Б. Н.** Российская модернизация и революция. СПб.: [Б. и.], 2019. 530 с.
- Молчанова Е. Г.** Немецкие предприниматели на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001. 232 с.
- Морозов Б. Н.** Развитие сельского хозяйства, промышленности и промыслов на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX века (вторая половина 90-х гг. XIX в. – 1917 г.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 1997. 45 с.
- Позняк Т. З.** Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 315 с.
- Позняк Т. З.** Влияние технических изобретений на повседневную жизнь дальневосточных городов во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5. С. 101–112.
- Хлыпалов В. М.** Развитие энергетики Северо-Востока СССР (1928–1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Магадан, 1989. 205 с.
- Coopersmith J.** The Electrification of Russia, 1880–1926. Ithaca: Cornell Uni. Press, 1992. 289 p.
- Hausman W., Hertner P., Wilkins M.** Global Electrification: Multinational Enterprise and International Finance in the History of Light and Power, 1878–2007. N. Y.: Cambridge Uni. Press, 2008. 487 p.

Список источников

- Бодиско А. М.** Из жизни Хабаровска. Хабаровск: Тип. т-ва «Общ. труд», 1913. 285 с. Владивосток. 1897. 5 мая.
- Далекая окраина. 1912. 10 окт.
- Дальний Восток. 1900. 4 янв.; 1902. 15 июня; 1909. 5 июня; 1916. 21 сент.
- Даттан А. В.** Исторический очерк развития Приамурской торговли. М.: Тип. Г. И. Гаген, 1897. 199 с.
- Зак А. Н.** Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности. СПб.: Тип. Л. Я. Ганзбурга, 1914. 67 с.
- Муров Г. Т.** По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1911. Т. 2. 488 с.
- Снарский А. Т.** Мои досуги. Путевые очерки и рассказы. СПб.: Тип. А. В. Суворина, 1907. 425 с.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1908. Отд. 1. 1417 с.

Торговый дом «Кунст и Альберс»: высокое качество и гарантии. Рекламный альбом. Репринт. Владивосток: РГИА ДВ, 2020. 36 с.

References

- Alekseev V. V.** Energeticheskii vyzov imperskoi Rossii [The Energy Challenge of Imperial Russia]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 2, pp. 6–12. (in Russ.)
- Alekseeva E. V.** Diffuziya evropeiskikh innovatsii v Rossii (XVIII – nachalo XX v.). [Diffusion of European Innovations in Russia (18th – Early 20th Century)]. Abstract of Dr. Hist. Sci. Diss. Yekaterinburg, 2007, 43 p. (in Russ.)
- Alekseeva E. V., Kazakova-Apkarimova E. Ju.** Tekhnicheskie innovatsii i evolyutsiya kul'turnogo landshafta rossiiskogo provintsial'nogo goroda v kontse XIX – nachale XX veka [Technical Innovations and the Evolution of the Cultural Landscape of a Russian Provincial Cities in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and Humanities"], 2017, vol. 17, no. 3, pp. 6–14. (in Russ.)
- Alepko A. V.** Zarubezhnyi kapital i predprinimatel'stvo na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XVIII v. – 1917 g.). [Foreign Capital and Entrepreneurship in the Russian Far East (Late 18th Century – 1917)]. Khabarovsk, 2001, 368 p. (in Russ.)
- Coopersmith J.** The Electrification of Russia, 1880–1926. Ithaca, Cornell Uni. Press, 1992, 289 p.
- Deeg L.** Kunst i Al'bers Vladivostok. Istoriya nemetskogo trgovogo doma na rossiiskom Dal'nem Vostoke (1864–1924) [Kunst and Albers Vladivostok. History of the German Trading House in the Russian Far East (1864–1924)]. Vladivostok, Izdatel'stvo Primorskogo poligrafkombinata, 2002, 335 p. (in Russ.)
- Diffuziya tekhnologii, sotsial'nykh institutov i kul'turnykh tsennostei na Urale (XVIII – nachalo XX v.) [Diffusion of Technologies, Social Institutions and Cultural Values in the Urals (18th – Early 20th Century)]. Yekaterinburg, UrO RAN, 2011, 406 p. (in Russ.)
- Gallyamova L. I.** Dal'nevostochnye rabochie Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Far Eastern Workers of Russia in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. Vladivostok, Dal'nauka, 2000, 203 p. (in Russ.)
- Hausman W., Hertner P., Wilkins M.** Global Electrification: Multinational Enterprise and International Finance in the History of Light and Power, 1878–2007. New York, Cambridge University Press, 2008, 487 p.
- Khlypalov V. M.** Razvitie energetiki Severo-Vostoka SSSR (1928–1945 gg.) [Energy Sector's Development in the North-East of the USSR (1928–1945)]. Cand. Hist. Sci. Diss. Magadan, 1989, 205 p. (in Russ.)
- Maklyukov A. V.** Elektrifikatsiya rossiiskogo Dal'nego Vostoka (konets XIX – seredina XX v.) [Electrification of the Russian Far East (Late 19th – Mid-20th Century)]. Vladivostok, FEFU Press, 2018, 280 p. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Rossiiskaya modernizatsiya i revolyutsiya [Russian Modernization and Revolution]. St. Petersburg, 2019, 530 p. (in Russ.)
- Molchanova E. G.** Nemetskie predprinimateli na rossiiskom Dal'nem Vostoke vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [German Entrepreneurs in the Russian Far East in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. Cand. Hist. Sci. Diss. Vladivostok, 2001, 232 p. (in Russ.)
- Morozov B. N.** Razvitie sel'skogo khozyaistva, promyshlennosti i promyslov na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XIX – nachale XX veka (vtoraya polovina 90-kh gg. XIX v. – 1917 g.). [The Development of Agriculture, Industry and Crafts in the Russian Far East in the Late 19th – Early 20th Century (2nd Half of the 90s 19th Century – 1917)]. Abstract of Dr. Hist. Sci. Diss. Nizhny Novgorod, 1997, 45 p. (in Russ.)

- Poznyak T. Z.** Inostrannyye poddannyye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Foreign Citizens in the Cities of the Russian Far East (2nd Half of the 19th – Early 20th Century)]. Vladivostok, Dal'nauka, 2004, 315 p. (in Russ.)
- Poznyak T. Z.** Vliyanie tekhnicheskikh izobretenii na povsednevnyuyu zhizn' dal'nevostochnykh gorodov vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Influence of Technical Inventions on the Daily Life of the Far Eastern Cities in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Researches in Eastern Siberia and the Far East], 2013, no. 5, pp. 101–112. (in Russ.)

List of Sources

- Bodisko A. M.** Iz zhizni Khabarovska [From the Life of Khabarovsk]. Khabarovsk, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennyi trud", 1913, 285 p. (in Russ.)
- Dalekaya okraina [Far Outskirts], 1912, Oct. 10.
- Dal'nii Vostok [Far East], 1900, Jan. 4; 1902, June 15; 1909, June 5; 1916, Sep. 21.
- Dattan A. V.** Istoricheskii ocherk razvitiya Priamurskoi trgovli [Historical Essay on the Development of the Amur Trade]. Moscow, Tipografiya G. I. Gagen, 1897, 199 p. (in Russ.)
- Murov G. T.** Po russkomu Dal'nemu Vostoku. Lyudi, ikh zhizn' i nray. Dnevnik strannika [In the Russian Far East. People, Their Life and Customs. Traveler's Diary]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova, 1911, vol. 2, 488 p. (in Russ.)
- Snarsky A. T.** Moi dosugi. Putevye ocherki i rasskazy [My Leisures. Travel Essays and Stories]. St. Petersburg, Tipografiya A. V. Suvorina, 1907, 425 p. (in Russ.)
- Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate [Assembly of Legal Entities and Orders of the Government, Published under the Governing Senate]. St. Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 1908, vol. 1, 1417 p. (in Russ.)
- Torgovyi dom "Kunst i Al'bers": vysokoe kachestvo i garantii. Reklamnyi al'bom [Trading House "Kunst and Albers": High Quality and Guarantees. Promotional Album]. Vladivostok, RGIA DV, 2020, 36 p. (in Russ.)
- Vladivostok [Vladivostok], 1897, May 5.
- Zak A. N.** Nemtsy i nemetskie kapitally v russkoi promyshlennosti. [Germans and German Capitals in Russian Industry]. St. Petersburg, Tipografiya L. Ya. Ganzburga, 1914, 67 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Алексей Владимирович Маклюков, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57210932016
WoS Researcher ID B-4172-2020

Information about the Author

Aleksey V. Maklyukov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57210932016
WoS Researcher ID B-4172-2020

Статья поступила в редакцию 22.11.2022;
одобрена после рецензирования 16.01.2023; принята к публикации 28.02.2023
The article was submitted on 22.11.2022;
approved after reviewing on 16.01.2023; accepted for publication on 28.02.2023

Научная статья

УДК 94(57) + 32.019.52 «1918/1929»

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-143-159

Представления крестьян Сибири о Советской власти в годы гражданской войны и новой экономической политики

Татьяна Игоревна Морозова¹

Владимир Иванович Шишкин²

^{1, 2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ t.morozova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8601-1290>

² patric@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-1462-4805>

Аннотация

В статье показано, что на протяжении гражданской войны и в годы новой экономической политики у разных групп крестьянства существовали различные представления о Советской власти, которые со временем варьировались. Сделан вывод, что в конце 1917 – конце 1919 г. эти представления сформировались в основном самостоятельно, без существенного влияния извне. Принципиально иначе аналогичные процессы происходили после установления в Сибири диктатуры пролетариата. Решающим фактором, который влиял на представления разных слоев сибирского крестьянства на протяжении всех 1920-х гг., была политика самой власти и применявшиеся ей практики по реализации этой политики.

Ключевые слова

политические представления, образы власти, Советская власть, крестьянство, гражданская война, новая экономическая политика

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00155, <https://rscf.ru/project/22-28-00155/>

Для цитирования

Морозова Т. И., Шишкин В. И. Представления крестьян Сибири о Советской власти в годы гражданской войны и новой экономической политики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 143–159. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-143-159

Image of the Soviet Authorities in the Perception of the Siberian Peasants during the Russian Civil War and the Period of New Economic Policy

Tatiana I. Morozova¹, Vladimir I. Shishkin²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ t.morozova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8601-1290>

² patric@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-1462-4805>

Abstract

The article explores the ideas of the Siberian peasantry regarding Soviet authorities during the Russian Civil War and the Period of Implementation of the New Economic Policy (NEP). The importance of this issue lies in the fact that the population's perception of the governing bodies plays a significant role in the life of any society since it influences the political sentiments and the behavior of different social groups. However, this topic has not been extensively studied by Russian or international historiography. The research is based on a wide range of official documents, including newly discovered ones, produced by various Communist Party (Bolsheviks) bodies, the Joint State Political Directorate, and letters from ordinary people to authorities. The authors of the article analyze how different categories of Siberian peasants imagined the Soviet power vertical, what factors and how influenced formation and transformation of ideas about authorities during the Russian Civil War and NEP period. The article concludes by arguing that different social groups of the Siberian peasantry had different perceptions of Soviet authorities, which did not remain unchanged but varied over time. From the end of 1917 until the end of 1919, ideas about the Soviet authorities arose mainly independently, without significant external influence. The situation changed after the establishment of the dictatorship of the proletariat. The government's policies and practices of implementation were the determining factors that shaped the image of the Soviet authorities throughout the 1920s.

Keywords

Political ideas, images of authorities, Soviet authorities, peasantry, Russian Civil War, New Economic Policy

Acknowledgements

The research was funded by the Russian Science Foundation (project no. 22-28-00155, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00155/>)

For citation

Morozova T. I., Shishkin V. I. Image of the Soviet Authorities in the Perception of the Siberian Peasants during the Russian Civil War and the Period of New Economic Policy. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 143–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-143-159

Власть и общество были, есть и будут двумя главными акторами исторического процесса. Взаимоотношения между ними в решающей мере определяют как текущее состояние, перспективы и достижения развития, так и неудачи, провалы любой страны. Согласно концепции так называемой политической поддержки, «политическая система функционирует эффективно только тогда, когда граждане позитивно воспринимают власть и оказывают ей психологическое содействие, идентифицируют себя с этой властью» [Образы..., 2009, с. 10].

Картина мира человека, формы и практики отношения разных слоев общества к государству во многом детерминируются представлениями, которые складываются у тех или иных групп населения относительно власти. Поэтому представления принадлежат к числу важных, актуальных, но исключительно сложных для исследования проблем истории.

Трудность их изучения обусловлена как минимум тремя главными причинами. Во-первых, тем фактом, что представления являются воспроизводимыми в сознании человека на основе прошлого опыта образами явлений, не доступных ему для непосредственного восприятия в текущий момент. Во-вторых, малочисленностью источников, содержащих «прямую», непосредственную информацию о представлениях разных категорий населения о власти. В-третьих, неполнотой, фрагментарностью, нечеткостью, «размытостью» и субъективностью

сведений, зафиксировавших в источниках те представления о власти, которые сложились и отразились в индивидуальной или коллективной человеческой памяти на основе пережитого опыта.

Целью настоящей статьи является выяснение представлений крестьян Сибири о Советской власти в годы гражданской войны и новой экономической политики. Выбор сибирского крестьянства в качестве объекта исследования в указанных хронологических рамках обусловлен тем, что, несмотря на обилие публикаций о крестьянстве Сибири указанных годов, вопросы ни об их представлениях относительно советской государственности тех лет, ни о том влиянии, которое эти представления оказали на политические настроения и поведение жителей сибирской деревни, специально не изучались. Между тем, исследование представлений разных категорий сибирских крестьян о Советской власти позволит лучше понять их взгляды, настроения, поведение.

Настоящее исследование базируется на двух основных группах источников. Первую составляют доклады и политические обзоры органов РКП(б) – ВКП(б) и секретные информационные сводки ГПУ – ОГПУ, вторую – письма крестьян в разные властные инстанции, начиная от местных парткомов до высших партийно-советских органов и руководителей страны.

Дополнительные сведения были извлечены из разнообразных источников, содержащих информацию, анализ которой позволяет косвенным путем выявлять представления разных групп крестьянства о Советской власти. Это материалы об их участии в выборах в Советы, о членстве в РКП(б) – ВКП(б) и службе в частях особого назначения (ЧОН), об участии в антикоммунистических вооруженных восстаниях и в сопротивлении коммунистическому режиму, о выполнении таких государственных заданий, как сбор продразверстки, продналога, военные и трудовые мобилизации.

Опираясь на перечисленные источники, авторы статьи пытались выяснить, как в одно и то же время разные категории сибирских крестьян представляли себе властную вертикаль, какие представления о власти возникали у них в ходе реального функционирования советской системы, что обусловило формирование именно таких представлений, как и под влиянием каких факторов они менялись на протяжении гражданской войны и нэпа.

В начале 1920-х гг. Сибирь в административном отношении состояла из шести губерний: Алтайской, Енисейской, Иркутской, Новониколаевской, Омской и Томской. Всероссийская демографическая перепись 1920 г. зафиксировала на этой территории 8 078,8 тыс. чел. наличного населения, 7 080,7 тыс. из которых (или 87,5 %) являлись сельскими жителями (Население..., 1921, с. 18–19). Самой многочисленной социальной группой населения Сибири являлось крестьянство.

Государственная и земская статистика различала в сибирском крестьянстве три основные категории: старожилов – тех, кто являлся сибиряком как минимум в третьем поколении; новоселов, живших здесь в первом или во втором поколении; и неприписанных («неприписанных») – самовольных переселенцев, не имевших приписки к крестьянскому обществу. Крестьян-старожилов отличали большая зажиточность, самостоятельность, дистанцированность от государственной власти, восприимчивость к новациям, стремление к грамотности. Новоселы же и неприписанные, составлявшие и пополнявшие в основном когорты батраков и бедняков, уступали старожилам в трудолюбии, а в решении хозяйственных вопросов были патерналистски ориентированными, часто рассчитывали на помощь со стороны общины и государства.

На протяжении первых двух десятилетий XX в. в Сибири наблюдалась устойчивая тенденция к увеличению численности и удельного веса новоселов и неприписанных. В ряде уездов Алтайской и Енисейской губерний в совокупности они стали количественно преобладать над старожилами, что повлияло на социальный облик и поведение сибиряков, обострило внутрикрестьянские отношения, увеличило претензии сельских низов к государству.

В соответствии с марксистским подходом в крестьянстве Сибири различались три главные группы: бедняки, середняки и кулаки. Иногда выделялись батраки, которых считали сельским пролетариатом, и зажиточные, к которым чаще всего относили верхний слой середняков. Марксисты, как правило, акцентировали внимание на социальных противоречиях между разными группами, считая, что эти противоречия между «низами» и «верхами» деревни имеют антагонистический характер.

Перепись 1920 г. показала, что в Сибири население было менее грамотно, чем в европейской России. Его грамотность составляла 21,8 %, а удельный вес неграмотных в возрасте 8 лет и старше равнялся 42,9 % (Грамотность..., 1922, с. 8–9). Низкая грамотность являлась огромным тормозом в социокультурном и политическом развитии сибиряков.

Свои исходные представления о Советской власти население Сибири получило с ноября 1917 по май 1918 г. Их источниками стали периодическая печать, выступления леворадикальных пропагандистов, широко циркулировавшие слухи и, самое главное, мероприятия самих Советов.

К концу весны 1918 г. советизация сибирской деревни была далека от завершения. Формально Совдепы существовали в основном на волостном уровне. Количество сельских Советов в лучшем случае исчислялось несколькими сотнями. Тем не менее основная часть крестьян положительно восприняла власть Советов за декреты о мире и о земле, не находила принципиальной разницы между сельскими Советами и сходами, соглашалась признать Советы вместо земства высшей местной властью. Но она была недовольна тем, что во многих Совдепах верховенство захватили маргиналы или социальные «низы», называвшие себя большевиками или левыми эсерами и ставшие ревностно осуществлять «диктатуру пролетариата». Проводники такой политики организовывали вооруженные отряды Красной гвардии, занимались учетом и перераспределением земли, имущества и продовольствия, их конфискацией и реквизицией, сбором налогов, наложением штрафов и контрибуций на торговцев и зажиточных односельчан, арестами и бессудными расправами.

Такое поведение советских радикалов вызывало недовольство и возмущение хозяйственных крестьян. В результате власть Советов с самого начала своего существования и с первых шагов деятельности во многом отождествлялась с большевиками, мнение населения о которых хорошо изложил в письме к В. И. Ленину крестьянин С. И. Пуляевский, живший в деревне Пуляевская Козловской волости Верхотурского уезда. Он писал: «Не поверишь, большевиков считают хуже Николая II-го»¹.

Другую и более многочисленную группу первых советских активистов составили вскоре вернувшиеся на родину фронтовики, наслушавшиеся леворадикальных агитаторов, уверовавшие в лозунг «Вся власть Советам» и тоже считавшие себя большевиками. Вот как один из них описывал настроение и поведение фронтовиков после их возвращения в родные пенаты: «Распущенные Советом Народных Комиссаров с фронта по домам сибирские крестьяне чувствовали себя господами положения и по-своему понимали завоеванную “слободу” и Советскую власть. Это, мол, наша власть, и она не должна затрагивать наши карманы, и нам все позволено. Лозунг “Власть на местах” как нельзя лучше был понят нашими крестьянами <...>. Не признавали никакого руководящего центра и делали все по-своему на местах. <...>. Когда же Советская власть только слегка коснулась кармана крестьянства, то как молотком кто выбил весь большевизм. Все окрылились и стали во враждебную позицию к Советам» (Соха и молот (Минусинск). 1919. 7 окт.).

Особенно решительное недовольство деятельностью Совдепов выражала активная часть крестьян, состоявшая из зажиточных и грамотных жителей, имевших жизненный опыт. Вот что говорил в июне 1918 г. на сходе крупного с. Ермаковское Минусинского уезда крестьянин А. М. Парываев: «Советская власть много обещала крестьянам и рабочим. Первым она ничего не дала, вторым дала, и только часть, и теперь задача Советской власти удовлетво-

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 42. Л. 147.

речь более рабочих, на которых у власть имущих одна надежда. И что эти рабочие еще не видят обмана со стороны власти, а кр[естья]не все поняли»². В результате в начале гражданской войны большая часть сибирских крестьян не только не поддержала Советскую власть, но и участвовала в ее свержении, а в ряде уездов даже сделала это самостоятельно, без какой-либо помощи извне.

Несколько месяцев спустя значительная часть этих же крестьян приняла участие в восстаниях и в партизанской борьбе за восстановление Советской власти. Отдельные вожди и идеологи повстанцев и партизан, среди которых имелись сельские интеллигенты, постарались выяснить ошибки, допущенные предыдущими Совдепами. Главные ошибки они видели в стремлении Советов претворять в жизнь «диктатуру пролетариата» и фанатичное следование большевиков и левых эсеров своим партийным программам, «мало считаясь с условиями жизни, с состоянием производительности [хозяйства], с сознанием народа и т. п.».

Некоторые вожди и идеологи повстанцев и партизан сформулировали представления о том, каким требованиям должна отвечать настоящая Советская власть, и даже попытались претворить их в жизнь на освобожденных от колчаковцев территориях. Пожалуй, наиболее лапидарно и четко эти представления прописал один из видных публицистов минусинских партизан. «Мы, – заявил он, – отрицаем диктатуру одного только пролетариата, а выставляем лозунг: вся власть всему трудовому народу – крестьянам, рабочим и трудовой интеллигенции в лице Советов по пропорциональному представительству и четырехчленной формуле выборов при всеобщем (только трудового [народа]), прямом, равном и тайном голосовании» (Соха и молот. 1919. 1 нояб.).

В конце 1919 – начале 1920 г. Красная армия при поддержке партизан и повстанцев освободила Сибирь от колчаковцев и интервентов. Судя по тому, что в это время несколько тысяч сибиряков добровольно вступили в ряды Красной армии, а значительная часть сельских жителей бесплатно оказывала ей помощь предоставлением жилья, продовольствия и транспорта, в представлениях трудящегося крестьянства о Советской власти преобладали позитивные черты, а образ в целом был положительный, патерналистски содержательный. Вот как представлял себе Советскую власть один из бывших партизан Северо-Канского фронта: «Но теперь настала пора свободы. <...> Мы дождались долгожданной Советской власти, которая как родная мать позаботится о разоренных и измученных борьбой своих верных детях» (Партизан, 1923, с. 127).

Однако представления и ожидания социалистически мыслящей части партизан и крестьян насчет того, что за прошедшие год-полтора Советская власть стала демократичнее и толерантнее, не оправдались. Напротив, за это время Советская власть превратилась в образцовую диктатуру пролетариата. Она приняла более централизованный, жесткий и милитаризованный характер, что открыто продемонстрировала в ходе освобождения Сибири от колчаковцев. Одни партизанские отряды и соединения, существовавшие на ее территории, были немедленно влиты в Красную армию, другие разоружены и расформированы. Созданные партизанами и повстанцами органы власти, в том числе Советы, были упразднены и заменены назначенными сверху революционными комитетами. На этой почве в декабре 1919 – марте 1920 г. между некоторыми партизанскими начальниками и командно-политическим составом Красной армии произошли первые конфликты, вылившиеся в аресты и предание суду части партизанских вожakov.

В сибирской деревне большевики сделали ставку на те социальные элементы из бедноты и середняков, которые безоговорочно приняли Советскую власть и РКП(б), хотя плохо знали, что они представляют собой на самом деле. Там, где имелись бывшие красные партизаны, предпочтение отдавалось им. Из них формировались сельские и волостные ревкомы, перед ними были широко открыты двери для вступления в партию большевиков. С этой целью в Сибири восстановили институт сочувствовавших РКП(б). Сочувствовавшие фактически

² ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 73. Л. 5.

являлись кандидатами в члены партии и служили ее ближайшим резервом. К осени 1920 г. в сибирской деревне возникла сеть комячеек и ячеек сочувствующих, насчитывавших во многих уездах по несколько сотен человек. Это были те представители бедноты и середняков, которые не ощущали расхождений между своими представлениями о Советской власти и ее политикой в Сибири.

Согласно Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г., государственная власть в России должна была «принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству – Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Самым многочисленным звеном советской системы должны были являться сельские Советы и волостные исполкомы Советов. Причем верховные партийно-советские власти считали эти низовые ячейки своими представителями на местах. Иначе понимала роль сельсоветов и волисполкомов основная масса крестьян, которая видела в них выразителей и защитников своих интересов. Отсюда возникло разное отношение руководящих инстанций и населения к выборам и составу сельсоветов и волисполкомов.

В апреле – октябре 1920 г. в Сибири состоялись первые выборы в Советы. Процент сельских жителей, отстраненных от участия в выборах, и электоральная активность допущенных до них по отдельным селам, волостям и уездам значительно колебались. По Сибири в целом участие в выборах приняло 35–40 % крестьян, имевших право голоса. В сельские Советы прошли преимущественно бедняки и середняки, не менее 12–13 % которых являлись коммунистами и сочувствующими РКП(б). Удельный вес коммунистов и сочувствующих в волисполкомах составлял примерно 40 % [Шишкин, 1985, с. 47–58]. Видимо, игнорирование выборов большей частью крестьян можно рассматривать как свидетельство того, что образ Советской власти в их представлениях потерял привлекательность. Но довольно высокий процент коммунистов и сочувствующих РКП(б) в сельсоветах и волисполкомах говорит о том, что в представлениях как минимум трети сибирского крестьянства произошло отождествление Советской власти с коммунистическим правлением.

В феврале 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) очень критически оценивало результаты выборов, прошедших в 1920 г., а также состав сельсоветов и волисполкомов, ссылаясь на то, что они «вместо содействия задачам Советской власти оказывали им сопротивление». В ходе сбора подрастерстки значительная часть сельсоветов и волисполкомов была распущена, их члены подверглись арестам, принявшим массовый характер, и заменены назначенными сверху уполномоченными.

Причины такого результата Сиббюро видело в недооценке избирательной кампании уездными и даже губернскими партийными организациями. Оно потребовало, чтобы предстоявшие выборы прошли «под непосредственным руководством и влиянием нашей партии». Однако Сиббюро не рекомендовало стремиться к тому, чтобы провести в состав волисполкомов и сельсоветов исключительно коммунистов. Предлагать избирателям списки для голосования, составленные только из членов РКП(б), оно советовало при условии, если местная комячейка пользуется «чрезвычайно большим влиянием в массе крестьянства». В случае отсутствия у ячейки должного авторитета список кандидатов в члены сельсовета или волисполкома, составленный ячейкой, предлагалось вносить не от ее имени, а от лица трудового крестьянства (Известия Сибирского бюро ЦК РКП(б). 1921. 15 февр., с. 6).

В целом успешно летом – осенью 1920 г. прошли в Сибири мобилизации военнообязанных 1901, 1899 и 1900 годов рождения, бывших подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров. Хотя неявка без уважительных причин 21,7 тыс. призывников показала, что в Сибири количество недовольных если не Советской властью в целом, то отдельными ее мероприятиями увеличилось. Правда, половина этого недобора по мобилизации компенсировалась формированием состоявших из добровольцев бригады и двух полков под командованием бывших партизанских вождей Е. М. Мамонтова, А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Все это свидетельствовало о том, что в представлении не только коммунистов, но и многих беспартийных партизан и обыкновенных крестьян Советская власть отождествлялась как

с диктатурой пролетариата, так и с государством, являющимся рабоче-крестьянской властью.

Важным показателем, проливающим свет на эволюцию представлений разных групп крестьянского социума о Советской власти, стало объявление летом 1920 г. двух продразверсток. Согласно второй из них, введенной в соответствии с декретом Совнаркома от 20 июля 1920 г., Сибирь должна была сдать абсолютно все излишки продовольствия, которые Наркомпрод определил в 110 млн пудов хлебофуража. На это требование сибирская деревня ответила серией вооруженных выступлений, которые произошли в 16 уездах, т. е. примерно в трети таких административно-территориальных единиц. В общей сложности в восстаниях 1920 г. приняло участие примерно 27–35 тыс. чел. В рядах повстанцев имелись представители всех слоев крестьянства: старожилы и новоселы, кулаки, середняки и бедняки. В противовес коммунистическому режиму они выдвигали разные варианты государственного устройства. Наиболее распространенным в их рядах был лозунг «Долой коммунистов, да здравствует Советская власть!» [Шишкин, 1995, с. 126, 130–134].

В этом лозунге впервые четко противопоставлялись друг другу коммунисты и Советская власть. Такое противопоставление отражало представления значительной части сибирского крестьянства, которая отличалась пониманием государственного устройства, высокой социально-политической активностью и предполагала превратить Советы без коммунистов в органы народного самоуправления. Как следствие, сельские коммунисты и советский актив стали главными объектами преследования и террора со стороны повстанцев и деревенских верхов.

В свою очередь, сельские комячейки, организованные в отряды ЧОН, превратились не только в наиболее надежную вооруженную опору Советской власти на местах, но и в инструмент принуждения держателей продовольственных излишков при сборе разверстки. Выполнение этих функций вознаграждалось посредством внутриволеостного перераспределения. Так называлось снабжение сельских коммунистов и советских работников продовольствием, изъятым ими у кулаков и середняков в счет разверстки (Перимов, 1921, с. 13; Ходоровский, 1921, с. 5). В результате в сибирской деревне, особенно в Алтайской и Енисейской губерниях, сложился довольно внушительный слой населения, состоявший из нескольких сотен тысяч батраков и бедняков, которых устраивал такой порядок. Эти люди ощущали себя полновластными хозяевами сибирской деревни. Скорее всего, в их представлении идеальной моделью настоящей Советской власти являлся «военный коммунизм».

Прямо противоположной была позиция большей части хозяйственных крестьян. Они в принципе считали разверстку неприемлемой мерой, а принудительные методы, применявшиеся при ее сборе, недопустимыми. Масштабы сопротивления населения безвозмездному изъятию продовольствия Советская власть сдерживала, жестоко подавляя силой оружия открытое сопротивление и осуществляя террор по отношению к саботажникам и несогласным.

Масштабы и опасность антикоммунистического повстанческого движения в начале 1921 г., в том числе в Сибири, вынудили руководство РКП(б) пересмотреть продовольственную политику. 15 марта 1921 г. X съезд партии принял постановление о замене разверстки продналогом. Для большинства членов РКП(б) и тем более обыкновенных граждан это решение было полной неожиданностью. Оно являлась существенным изменением не только советской продовольственной политики, но и Советской власти как таковой, ее взаимоотношений с разными категориями крестьян. Естественно, разные группы крестьянства по-разному восприняли эти изменения.

В Сибири новации в продовольственной сфере первыми ощутили на себе крестьяне тех уездов, которые разверстку выполнили или были близки к ее выполнению. В конце марта 1921 г. Сибирский революционный комитет, являвшийся высшим органом Советской власти в Сибири, по рекомендации Сибирского бюро ЦК РКП(б) отменил разверстку в Иркутской губернии и в 10 уездах других губерний, где ее сбор составил больше 75 % (Советская Си-

бирь. 1921. 1 апр.)³. Оставшиеся у крестьян этих уездов излишки хлеба было разрешено продавать, покупать и обменивать на базарах и рынках.

Согласно директивам ЦК РКП(б) и Совнаркома в остальных уездах Сибири продразверстка сохранялась. Как признавало Сиббюро ЦК, эти указания «выполнялись даже в тот момент, когда и методы его осуществления, и самый принцип разверстки оказались [в] неприимом противоречии с изменившейся в связи с новой экономической политикой общей обстановкой. Выполнения этого задания не останавливало даже частичное осложнение отношений с крестьянством...»⁴.

Продолжение взимания разверстки на значительной части территории Сибири при официальной ее отмене верховными партийными и советскими органами обострило недоверие к проводимой Советской властью политике, привело к окончательной потере ее авторитета в глазах большей части хозяйственных крестьян. Причем главную роль в проведении такой политики эти крестьяне отводили коммунистической партии. В информационной сводке Дорожной транспортной чрезвычайной комиссии Томской железной дороги за 1–15 мая 1921 г. сообщалось: «Крестьянин, не сознавая необходимости той или иной разверстки и не уясняя ее смысла, а главное, не видя никакого вознаграждения за ее выполнение, невольно и с явным злым умыслом определенно высказывает свое недовольство, негодуя на сложившуюся жизнь и обстановку, и в данный момент виновником всех невзгод считает существующую Советскую власть, но не так “Советскую”, как власть коммунистов, строго подразделяя одну от другой»⁵. Следствием такого понимания властной структуры стало резкое сокращение крестьянами площади посева.

Вслед за отменой продразверстки партийно-советское руководство Сибири потребовало прекращения внутриволостного перераспределения. Такое решение лишило деревенские низы главного источника продовольствия и обрекло их семьи на голод. Со стороны сельских коммунистов и советского актива возникло острое недовольство как такой политикой, так и самой властью. К этому возмущению прибавилось негодование на недостаточно жесткую политику Советской власти по отношению к контрреволюционным элементам и уклонившимся от выполнения разверстки, на допущение торговли и товарообмена сохранившимися у них излишками.

Конец 1920 – начало 1921 г. ознаменовались в Сибири серией уголовных преступлений со стороны сельских коммунистов, чоновцев, сотрудников ВЧК и милиции, выразившихся в незаконных арестах и бессудных расправах над десятками неугодных им людей. В партийном руководстве такие действия получили название «красного бандитизма». Летом 1921 г. он принял массовый характер. Невзирая на запрещение со стороны вышестоящих партийно-советских органов, деревенские комячейки продолжали конфискацию и реквизицию обнаруженных ими излишков, занимались их перераспределением, препятствовали проведению товарообмена. Такое поведение сельских низов квалифицировалось как антикоммунистическое. Оно грозило сорвать новую продовольственную политику, превращало сельских коммунистов из недовольных в резко политически враждебных Советской власти [Шишкин, 1992, с. 5–29]⁶.

Летом 1921 г. партийные верхи Сибири приступили к разъяснению населению значения нового продовольственного курса и его важности для крестьянства. Однако он плохо усваивался малограмотным деревенским населением, в том числе коммунистами. Некоторые из них в знак протеста выходили из партии, другие ограничились словесным выражением недовольства, третьи открыто нарушали законы. Крестьяне Ачинского, Канского и Славгородского уездов, являвшихся в 1919 г. районами массового антиколчаковского партизанского движения, с самого начала кампании выказывали нежелание выполнять продналог. Партий-

³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 18. Л. 29, 30, 34; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2265. Л. 148, 166.

⁴ Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 185. Л. 32.

⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 39.

⁶ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 22. Л. 86.

ное руководство Сибири и губерний, особенно Алтайской, отмечало, что испытывает давление «крестьянских настроений»⁷. Что касается хозяйственных крестьян, то они признавали положительное значение замены разверстки продналогом в принципе, но свое окончательное отношение к нему откладывали до проверки на практике.

Назначенный на Сибирь продналог составил 38 млн пудов хлебофуража. Он был на 30,7 % меньше, чем собранная разверстка, но оказался тяжелее ее. Выполнять налог пришлось из урожая текущего 1921 г., который был ниже среднего. В расчете на десятину посева налог оказался даже немного больше разверстки. Высокую цифру продналога на Сибирь центральные органы власти объясняли неурожаем и голодом в Поволжье.

Руководство Сибири не рассчитывало на то, что крестьяне добровольно сдадут причитающийся с них налог или сделают это под влиянием только мер убеждения. Напротив, оно изначально готовилось к сопротивлению со стороны налогоплательщиков и всемерно укрепляло продорганы мобилизованными городскими коммунистами и членами профсоюзов. В помощь продаппарату выделили части Красной армии и войск внутренней службы, отряды ЧОН, милицию, выездные сессии ревтрибуналов и народных судов.

По оценке руководства Сибири, до декабря 1921 г. поступление продналога обеспечивалось применением агитационно-пропагандистских мер в совокупности с принуждением и репрессиями, осуществлявшимися в основном в рамках законности. Но с декабря сбор продналога осуществлялся под нажимом, «переходившим всякие пределы»⁸. Всего в Сибири по продналогу было заготовлено 35,0 млн пудов хлебофуража, что составило 96,6 % от окончательного установленного Центром задания (Продовольственный бюллетень. 1922. № 21–23, с. 14).

В отличие от разверстки продналог назначался на все слои крестьянства, включая его беднейшую часть. Такое требование оказало заметное влияние на представления о Советской власти тех, кто являлся ее социальной опорой в деревне, вызывало их недовольство. Отдельные сельские ячейки РКП(б) в вопросе о сборе продналога проявили колебания, а в Канском уезде саботировали его выполнение. Не только в селах и волостях, но и в отдельных уездах получила распространение незаконная практика перекладывать часть налога с бедняцких хозяйств на кулацко-зажиточные.

В соответствии с указаниями партийно-советского руководства и деятельностью местных органов власти, преимущественно коммунистических по своему составу, основная тяжесть продналога в Сибири легла на кулацкие и зажиточные хозяйства. «Безусловно, – считало Сиббюро ЦК РКП(б), – крупные хозяйства Сибири [в] этом году будут влачить жалкое существование»⁹.

Продналоговая кампания в Сибири протекала в обстановке острого противоборства между налогоплательщиками и органами государственной власти, перевес в котором был на властной стороне. В целях принуждения крестьян к сдаче налога было проведено 1 871 заседание сессий ревтрибуналов и народных судов, которые рассмотрели около 16 тыс. дел. Примерно 15 тыс. из них закончились обвинением неплательщиков [Крестьянство Сибири..., 1983, с. 104]. Приговоры носили суровый характер: конфискация части или всего имущества, лишение свободы с применением принудительного труда на шахтах или лесозаготовках, высылка в отдаленные районы, высшая мера наказания. Наиболее суровые приговоры выносили кулакам и отказывавшимся сдать налог.

В то же время массовый характер приняли злоупотребления продработников и содействовавшего им местного партийно-советского актива. Они устраивали концлагеря, заключали неплательщиков в неотапливаемые помещения, имитировали расстрелы. Фактически по методам сбора продналог в Сибири мало чем отличался от предшествовавшей ему разверстки.

⁷ ГААК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 4. Л. 34; ГАИО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 208. Л. 181; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 250. Л. 120, 126.

⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 106. Л. 199.

⁹ Там же.

Все это сформировало у многих крестьян резко негативный образ существующей власти. В марте 1922 г. жители одного из сел Частоостровской волости Красноярского уезда так отзывались о деятельности побывавшего у них продотряда: «Колчак и тот не поступал так сурово с нами, как поступает наша Советская власть, [власть] рабочих и крестьян»¹⁰. «Дождались Советскую власть, нашу избавительницу, что прямо хоть в петлю полезай», – вторили им жители Енисейского уезда¹¹.

В 1922–1923 гг. вместо продналога с крестьян взимался единый натуральный налог (ЕНН). Осенью 1922 г. в большинстве районов Сибири собрали более высокий, чем в 1921 г., урожай, а размер налога, напротив, был назначен меньше предыдущего. Борьба за выполнение ЕНН началась задолго до его объявления, еще летом, на стадии выявления и составления списков объектов обложения. Так как выяснилось «отчаянное сопротивление налогу кулацких элементов деревни, выразившееся [в] массовом укрывательстве объектов обложения», то эта работа была объявлена «ударной»¹².

В деревню было направленно 33 сессии ревтрибуналов. До 21 августа на налогоплательщиков было наложено 1 646 взысканий судебным порядком и 7 333 административным, на должностных лиц – 291 судебное взыскание и 700 административных. В некоторых случаях списки составлялись по 3–4 раза. Удалось выявить 6 506 тыс. десятин посева, тогда как контрольная цифра, назначенная Наркомпродом, равнялась 7 693 тыс. десятин¹³. Последнее означало, что на стадии сбора ЕНН предстоит еще один раунд упорной борьбы.

Для выполнения задания Центра по сбору пшеницы, ржи, а также зернофуража с конца сентября на полную мощность заработал аппарат принуждения и наказания неплательщиков и сельских советских работников. В Алтайской, Енисейской, Омской и Томской губерниях дело дошло до применения вооруженной силы: продотрядов, проддружин и частей Красной армии. Особенно жестокие меры по отношению к населению, выходившие за рамки законности, были применены в Рубцовском и Славгородском уездах [Савин, 2006].

К концу ноября 1922 г. задание по сбору ЕНН в Сибири было выполнено. В счет налога сибирские крестьяне сдали около 39 млн пудов зерна. С большим напряжением и со значительным ущербом для своего хозяйства его выполнили в Енисейской, Иркутской, Томской и Новониколаевской губерниях. Крестьяне Алтайской и Омской губерний, чтобы выполнить ЕНН, были вынуждены распродавать тягловый скот и сельхозинвентарь. Часть жителей ликвидировала свои хозяйства и покинула места прежнего проживания. Произошло обеднячивание сибирской деревни.

Короткий срок, в который был выполнен ЕНН, объясняется осознанием крестьянами бесперспективности сопротивления и желанием как можно скорее избавиться от навязанного государством долга. Неудивительно, что у пострадавших от ЕНН крестьян сохранялся негативный образ Советской власти, сформировавшийся у них в предыдущем году. «Соввласть хуже колчаковской: она грабит и замучила крестьян налогами!» – утверждали участники сельского схода, состоявшегося 28 апреля 1923 г. в с. Троицком Канского уезда (Советская деревня, 2000, с. 101).

Традиционные для деревни и одновременно поддерживаемые партийно-советской пропагандой ожидания, что власть является защитницей трудящихся крестьян, находились в явном противоречии с их личным опытом, свидетельствовавшим о незаконных арестах и бессудных расстрелах, о принуждении к сдаче необоснованных налогов, незаконной конфискации имущества и другим произволом на местах. Это обстоятельство стало объективной предпосылкой для усложнения представлений значительной части крестьян о Советской власти.

Считая злоупотребления плодом деятельности только низовых партийно-советских работников, многие крестьяне наивно верили в то, что верховная власть совсем иная, что она

¹⁰ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 141. Л. 131.

¹¹ Там же. Л. 87.

¹² Там же. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 109. Л. 9.

¹³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 32. Д. 161. Л. 310.

не только сильная, мощная, но и мудрая, справедливая. Об этом свидетельствуют тысячи жалоб и заявлений, направленных сибирскими крестьянами в начале 1920-х гг. в различные партийные и советские инстанции. Выражение недовольства крестьяне то и дело сопровождали «покорнейшими просьбами», которыми пытались, с одной стороны, пробудить в представителях власти сочувствие, милосердие и сострадание, с другой – добиться справедливого наказания допустивших злоупотребления и нарушивших законность (Письма во власть..., 2020, с. 43–44, 46–47, 52–54, 60, 76–78, 80–82).

Почтительное отношение крестьян, которые обращались к представителям верховной власти, подкреплялось их верой в то, что находившееся в Москве партийно-советское руководство не имеет объективной информации о ситуации на местах. С одной стороны, такое объяснение намеренно поддерживалось среди населения органами агитации и пропаганды, с другой – циркулировало в деревнях в виде слухов.

Похоже, что аналогичные представления о советской властной вертикали как имеющей добрые, но плохо информированные «верхи» и злобные, но агрессивные «низы» было в Сибири довольно широко и продолжительно распространено. Например, в сводке Енисейского губернского отдела ОГПУ по состоянию на 15 июля 1925 г. приводится мнение граждан дер. Таскина Сухобузимского района Красноярского уезда: «Высшая то власть нам помогает, а низшая власть старается нас задавить»¹⁴. Такое объяснение помогало некоторым крестьянам примирить в своих представлениях привлекательный образ Советской власти с той, какую они наблюдали в реальной жизни.

Конечно, правившие партийно-советские «верхи» не знали всего того, что творилось на необъятных просторах России и Сибири. Но они хорошо понимали, что реальной властью на селе являются не избранные крестьянами Советы и волисполкомы, а ячейки РКП(б), состоявшие из политически неграмотной и малограмотной бедноты и действовавшие в соответствии со своими интересами и пониманием обстановки. Вот что говорил 21 апреля 1922 г. такой хорошо информированный человек, как председатель Сибревкома С. Е. Чуцкаев: «В деревне зачастую в силу невысокого уровня развития деревенских комячеек влияние партии проводилось в уродливых формах прямого неприкрытого вмешательства комячеек в работу этих органов, возглавления их коммунистами без особой в том нужды, даже подменой выступления соворганов выступлениями комячеек»¹⁵.

По оценке Сиббюро ЦК РКП(б), почти всю первую половину 1920-х гг. политическая ситуация в сибирской деревне продолжала оставаться сложной и неустойчивой. Но «ахиллесовой пятой» являлись сельские комячейки. В отчете Сиббюро ЦК за апрель 1923 – апрель 1924 г. говорится: «<...> В ряде ячеек еще не изжиты настроения 1919–[19]20 гг. и продолжают применяться административные методы работы; есть места, где ячейки еще продолжают пользоваться резко отрицательным отношением со стороны крестьянства» (Известия. 1924. № 69–70, с. 11).

По схеме, рекомендованной Сиббюро ЦК РКП(б) в феврале 1921 г., местные парторганизации провели избирательные кампании в 1921 и 1922 гг. Однако они не смогли добиться желательного результата. 11 мая 1922 г. Сиббюро ЦК признало, что на последних выборах в сельсоветы не прошли не только коммунисты, но даже и лояльно настроенные к Советской власти беспартийные крестьяне. По оценке секретаря Сиббюро ЦК И. И. Ходоровского, высказанной в середине июня 1922 г., «мы фактически не имеем своих советских органов власти в деревне; волисполкомы и особенно сельсоветы только в ничтожной своей части находятся в наших руках, в некоторой части – в руках лояльно к нам относящегося середняцкого крестьянства и в значительной степени – в руках чуждых нам социально и по своему духу слоев деревни».

Главную причину такого провала Сиббюро видело в отсутствии должного внимания к избирательным кампаниям со стороны губернских и уездных комитетов РКП(б) и в пассивно-

¹⁴ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 206.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 176. Л. 48.

сти самих сельских коммунистов. Оно потребовало рассматривать выборы в сельские советские органы как «важнейшую политическую кампанию, от успешного проведения которой зависит усиление нашего положения в деревне»¹⁶.

Ситуацию с составом сельсоветов и волисполкомов частично удалось поправить на последующих выборах. Удельный вес членов РКП(б) в волисполкомах заметно увеличился, особенно в Алтайской губернии, достигнув 65 %, в Енисейской, Новониколаевской и Омской губерниях был близок к 50 % (Копяткевич, 1922, с. 16; Известия. 1923. № 57–58, с. 36). Однако редко кто из сельских коммунистов имел хороший собственный дом и крепкое хозяйство, был трудолюбив, знал грамоту и разбирался в текущей политике. Этим объяснялся низкий, за исключением отдельных коммунистов, авторитет большинства членов ячеек РКП(б) среди хозяйственных крестьян.

Положение усугубляло то обстоятельство, что легитимность прошедших в сельсоветы и особенно в волисполкомы членов РКП(б) была исключительно низкой. В их избирании участвовала четверть, в лучшем случае треть крестьян, имевших право голоса. Иначе говоря, коммунисты избирались в сельсоветы и волисполкомы в основном беднотой. В конце 1924 – начале 1925 г., по оценкам партийного руководства Сибири, избирательную кампанию проигнорировали около 80 % крестьян. Первый секретарь Сибирского краевого комитета РКП(б) С. В. Косиор объяснял низкую явку так: «Как правило, сельсоветы никакой работы, кроме сбора сельхозналога, не ведут, а местными делами, нуждами крестьян и вопросами, волнующими деревню, совершенно не занимаются. Поэтому крестьянство смотрит на советы как на органы, только выколачивающие с них деньги, как на органы, от которых можно ждать только неприятностей» (Косиор, 1925, с. 5).

Некоторые политически активные крестьяне, проявлявшие интерес к перевыборам и лучше разбиравшиеся в сущности советской политической системы, выражали недовольство применявшейся избирательной процедурой. Секретные обзоры и сводки, подготовленные органами ОГПУ в конце 1924 – начале 1925 г., свидетельствуют о категорическом несогласии крестьян с избранием сельсоветов путем голосования по заранее подготовленным спискам: «Нам нечего выбирать, коммунисты без нас уже выбрали», «кандидаты уже подготовлены в конвертах», «выборы в с[ель]с[оветы] прошли против нашего желания», «Соввласть на словах выборная, а фактически назначенская», «в сельсоветы не выбираются, а назначаются карьеристы-коммунисты и Соввласть будет только тогда, когда крестьяне выгонят из Советов этих людей» (Советская деревня, 2000, с. 281)¹⁷.

Составители «Обзора политического состояния СССР за декабрь 1924 г.» констатировали, что среди крестьян имело место «общее недовольство “назначенцами”», и утверждали, что более зажиточные слои деревни агитировали середняков и бедноту за «Советы без коммунистов». Одним из оснований для такого вывода послужило приписываемое сибирским кулакам высказывание: «Мы [–] народ, мы имеем право не только избирать [в Советы], но и перешерстить всю коммунистическую партию»¹⁸. Таким образом, в глазах заметной части сибирских крестьян коммунисты выглядели узурпаторами, захватившими Советскую власть, которая изначально мыслилась ими как власть, призванная защищать интересы городских и сельских тружеников.

Наиболее политически грамотные крестьяне были недовольны тем, что Советская власть оказалась неподконтрольной избирателям. Например, житель с. Маклаковское Красноярского уезда 15 января 1925 г. заявил: «Наше правительство говорит, что действие власти проверяется низовыми массами, а в действительности знает ли хоть один мужик, куда идет собираемый налог, кто сколько получает жалования, что делается в верхах – об этом никому ничего не известно. При царизме мы действительно были хозяева, потому что на волостных сходах сами нанимали служащих и назначали им жалование, и мы тогда знали, что они перед

¹⁶ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 247. Л. 264.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 3 об.; Д. 187. Л. 24, 180.

¹⁸ Там же. Д. 181. Л. 4.

нами ответственны, теперь же нас не спрашивают и перед нами не отчитываются, а только обманывают»¹⁹.

В начале 1925 г. некоторые надежды на улучшение ситуации с Советами в крестьянской среде возлагали на кассацию только что проведенных выборов и назначение на февраль – март 1925 г. повторных выборов. В секретной сводке информационного отдела ОГПУ за 26 марта – 1 апреля 1925 г. крестьянам Новониколаевской губернии приписывались следующие высказывания: «Мы должны ни одного коммуниста в совет не пропускать, довольно с них, отцарствовали», «Настанет март месяц и мы всех коммунистов из с[ель]с[оветов] выбросим и выберем своих», «Мы в Решетах с нетерпением ждем выборов, тогда начнем вывозить коммунистов в болото и на свалку», «Сейчас будет правильно, если власть даст возможность свободно произвести выборы; мы, крестьяне, должны быть всему хозяева и сами избирать в совет»²⁰.

С точки зрения партийно-советского руководства, перевыборы продемонстрировали демократический характер Советской власти. В теории это должно было упрочить позиции Советской власти и коммунистической партии в деревне. Однако вскоре выяснилось, что перевыборы не привели к сколько-нибудь существенным изменениям ни в жизни, ни в представлениях крестьян. На протяжении 1925–1926 гг. органы ОГПУ продолжали фиксировать высказывания «за Советскую власть, но против непролетарских руководителей-коммунистов»²¹.

Особое недовольство выражали крестьяне, принимавшие участие в гражданской войне. Наблюдая явное расхождение между текущей политикой Советской власти и теми обещаниями, которые давали большевики в ходе революционной борьбы, эта часть крестьянства испытывала объяснимое разочарование. В феврале 1928 г. бывший партизан с. Дубровка Алейского района Барнаульского округа заявил местному сельсовету: «Вот, товарищи, вспомните, сколько мы пролили крови и понесли жертв, завоевали себе свободу и раскрепостили мужика. Но оказалось, что эта свобода нам на шею, жмут нас, угнетают тверже прежнего, изыскивают всякие способы, дабы душить мужика» (Советская деревня, 2000, с. 692).

В ряде случаев крестьяне давали очень точные и образные характеристики Советской власти и ее политике. В сводке о политических настроениях крестьян Красноярского района на 26 февраля 1928 г. зафиксировано такое суждение члена сельсовета бедняка Кузнецова: «Советская власть поступает с нами так, как крестьянин с тальником: обрубит у него сучья на пестери и корзины и оставит в покое года на 3, [зная], что тальник обрастает вновь; так и Советская власть в [19]20–[19]21 году отобрала у нас всё, зная, что мы обрастем <...>»²².

Особенно сильно на настроение и поведение хозяйственных крестьян повлияла новация в советской заготовительной политике, которая стала применяться после того, как Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин 18 января 1928 г. на заседании Сибкрайкома ВКП(б) поддержал его решение применять 107 статью Уголовного кодекса РСФСР к кулакам главным образом за «невывоз» хлеба на рынок. О том, как отреагировали на это новшество «крепкие» хозяева, сообщил И. В. Сталину В. Г. Яковенко, бывший в 1922 – первой половине 1923 г. наркомом земледелия РСФСР, который июль – август 1928 г. провел в деревнях Тасеевского и Рождественского районов Канского округа. Один из главных выводов, сделанных В. Г. Яковенко, звучал так: «У мужиков преобладает мнение, что Советская власть не хочет, чтобы мужик сносно жил» (Известия ЦК. 1991. № 7, с. 188).

Ответ со стороны «крепких» крестьян насчет того, как они относятся к Советской власти, не заставил себя долго ждать. В 1928–1929 гг. органы ОГПУ зафиксировали в разных округах Сибири следующие высказывания крестьян: «...придется идти войной на Советскую власть – голодным ничего не страшно» (Красноярский округ), «дотерпят мужики, что

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 187. Л. 34.

²⁰ Там же. Л. 180.

²¹ Там же. Оп. 85. Д. 19. Л. 293.

²² ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 546. Л. 1.

возьмут пики и пойдут воевать против этой власти» (Каменский округ), «скоро будет переворот» (Ачинский округ), «взяться за пики и пойти партизанить» (Барабинский округ), «выход один – насаживать литовку на черен[ок] и поднимать восстание, потому что сама власть вынуждает на это» (Каменский округ), «крестьяне сами поднимут восстание против коммунистов» (Канский округ) (Советская деревня, 2000, с. 751–753, 919). Иными словами, не добившись установления власти Советов без коммунистов ни в результате антибольшевистских восстаний, ни в ходе ежегодных перевыборов Советов, наиболее недовольные существовавшими порядками крестьяне Сибири пришли к выводу о том, что изменить собственное положение они могут только свержением Советской власти.

Проанализированные источники позволяют утверждать, что на протяжении изучавшегося периода у разных социальных групп сибирского крестьянства возникали и существовали различные представления о Советской власти, которые не оставались неизменными, а со временем варьировались.

В конце 1917 – конце 1919 г. существовало несколько групп крестьян, имевших несовпадавшие представления о власти Советов. Одна из них, задававшая тон в организации первых Совдепов, была очень разнородной. Входявшие в нее деревенские низы, в том числе маргинальные элементы, отождествляли власть Советов с неограниченной местной властью, главным инструментом которой являлось насилие. Однако большая часть этой группы, состоявшая из бывших фронтовиков и части сельской интеллигенции, видела в Совдепах демократический по происхождению и функционированию властный институт, отвечавший интересам основной массы крестьян. Вторая группа была наиболее многочисленной и состояла из хозяйственных крестьян. Их знания о власти Советов были очень фрагментарными и поверхностными и не позволили сформировать о ней четкое представление. Третью группу составляли зажиточные старожильческие верхи, о представлениях которых можно судить по их активному участию в свержении местных Совдепов летом 1918 г. Причем в конце 1917 – конце 1919 г. у всех названных групп крестьянства представления о власти Советов сформировались в основном самостоятельно, без существенного влияния извне.

Принципиально иначе формировались представления о Советской власти у крестьянства Сибири после установления в ней диктатуры пролетариата. Решающим фактором, который влиял на представления разных слоев крестьянства на протяжении всех 1920-х гг., была политика самой власти и применявшиеся ей практики по реализации этой политики.

В Сибири партия большевиков сразу же сделала ставку на деревенские низы, создав им максимально благоприятные условия для вхождения во властные структуры, включая членство в РКП(б). Прямо противоположную позицию коммунистическое руководство Сибири заняло по отношению к деревенским верхам, ограничив их политические возможности, в том числе участие в работе советских органов. Довольно благожелательно большевики первоначально позиционировали себя по отношению к среднему крестьянству.

Как следствие такой политики РКП(б), у деревенских низов сформировались и до конца 1920-х гг. сохранялись максимально благоприятные представления о советском режиме. Он воспринимался не только как диктатура пролетариата, но и как власть рабочих и трудящихся крестьян. Эта радужная картина частично и ненадолго была омрачена, с одной стороны, недовольством сельских коммунистов мягкой карательной политикой большевиков и отменой ими внутривластного перераспределения при замене разверстки продналогом и, с другой стороны, эпидемией «красного бандитизма», дискредитировавшего Советскую власть и коммунистическую партию. Но РКП(б) вовремя и умело поддерживала революционный энтузиазм низов, создавая для них искусственные социальные лифты и конструируя новых врагов.

Крайне противоречивыми были представления о Советской власти у середняков. Они восторженно восприняли Советскую власть как освободительницу от колчаковщины, поддерживали ее в борьбе против белогвардейцев и интервентов, положительно откликались на мероприятия по социокультурному развитию деревни. Но опора большевиков на батраков

и бедноту, безвозмездное насильственное изъятие продовольственных излишков по разверстке и налогу надолго оттолкнули середняков от Советской власти, затушевывали ее изначально привлекательный образ. Средняки приняли участие в нескольких вооруженных восстаниях 1920–1921 гг., в которых главным лозунгом было требование выбирать Советы без коммунистов. Игнорирование большинством середняков на протяжении почти всех 1920-х гг. кампаний по выборам в Советы было вторым важным показателем того, какие представления о Советской власти в ее коммунистическом варианте преобладали в середняцкой среде. Такая власть не стала широко популярной, а отношение к ней в основном было осторожно-недоверчивым.

Ограничение политических прав, финансово-экономические притеснения и налоговые перегибы, тотальная дезинформация о действительных позициях деревенских верхов, дискредитация их поведения постоянно использовались партийно-советским руководством Сибири против кулачества. В ответ кулаки саботировали советские мероприятия, терроризировали, избивали и убивали коммунистов и советских активистов, молча ненавидели существующую власть, мечтали о ее свержении. Одновременное пребывание на политической сцене двух таких классово-антагонистических акторов было вынужденным и преходящим. Один из них должен был вскоре уйти.

Список литературы

- Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.
- Образы российской власти: от Ельцина до Путина / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.
- Савин А. И.** Кампания по сбору единого натурального налога 1922–1923 гг. в Сибири: «Славгородское дело» // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 60–68.
- Шишкин В. И.** Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.
- Шишкин В. И.** Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 3–79.
- Шишкин В. И.** Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 121–139.

Список источников

- Грамотность в России. М.: [б. и.], 1922. 27 с.
- Известия Сибирского бюро ЦК РКП(б). 1921. 15 февр.
- Известия Сибирского бюро Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков). Новониколаевск, 1923. № 57–58. 64 с.; 1924. № 69–70. 93 с.
- Известия ЦК КПСС. М., 1991. № 7. 224 с.
- Копяткевич Ал.** О советском управлении // Жизнь Сибири. Новониколаевск. 1922. № 1. С. 15–17.
- Коснор С. В.** К первым итогам обследования сибирской деревни // Известия Сибкрайкома РКП(б). 1925. № 2. С. 3–5.
- Население Сибири: по материалам Всероссийской переписи 1920 года. Погубернские, по-уездные и поволостные итоги. Новониколаевск: Сибирское статистическое управление, 1921. Т. 1, вып. 1. 46 с.
- Партизан.** Партизанский отряд т. Яковенко // Сборник истпарта № 1. Новониколаевск: Сиббюро ЦК РКП (большевиков), 1923. С. 113–127.
- Перимов А.** О партийной работе в деревне // Известия Сибирского бюро Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков). 1921. № 38. С. 13–15.

- Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.): сб. документов / Сост. Т. И. Морозова, В. И. Шишкин; отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Автограф, 2020. 496 с.
- Продовольственный бюллетень. Новониколаевск, 1922. № 21–23.
- Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: 1923–1929. 1166 с.
- Советская Сибирь. 1921. 1 апр.
- Соха и молот (Минусинск). 1919. 7 окт., 1 нояб.
- Ходоровский И.** Задачи совещания // Известия Сибирского бюро Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков). 1921. № 39. С. 4–5.

References

- Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.) [The Peasantry of Siberia during the Period of Building Socialism (1917–1937)]. Novosibirsk, Nauka, 1983, 390 p. (in Russ.)
- Obrazy rossiiskoi vlasti: ot El'tsina do Putina [Images of Russian Power: From Yeltsin to Putin] / ed. by E.B. Shestopal. Moscow, ROSSPEN, 2009, 415 p. (in Russ.)
- Savin A. I.** Kampaniya po sboru edinogo natural'nogo naloga 1922–1923 gg. v Sibiri: “Slavgorodskoe delo” [Single Natural Tax Campaign of 1922–1923 in Siberia: “The Slavgorod Case”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanitarian Sciences in Siberia]*, 2006, no. 2, pp. 60–68. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** Grazhdanskaya voyna v Sibiri (1920 g.) [The Russian Civil War in Siberia (1920)]. In: *Sibir' v period grazhdanskoi voyny [Siberia during the Russian Civil War]*. Kemerovo, 1995, pp. 121–139. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** Krasnyi banditizm v sovetskoi Sibiri [Red Banditry in Soviet Siberia]. In: *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki [Soviet History: Problems and Lessons]*. Novosibirsk, 1992, pp. 3–79. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** Sotsialisticheskoe stroitel'stvo v sibirskoi derevne (noyabr' 1919 – mart 1921 g.) [Socialist Construction in a Siberian Village (November 1919 – March 1921)]. Novosibirsk, Nauka, 1985, 319 p. (in Russ.)

List of Sources

- Gramotnost' v Rossii [Literacy in Russia]. Moscow, 1922, 27 p. (in Russ.)
- Izvestiya Sibirskogo byuro TsK RKP(b) [News of the Siberian Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)]. 1921. Febr. 15. (in Russ.)
- Izvestiya Sibirskogo byuro Tsentral'nogo komiteta Rossiiskoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov) [News of the Siberian Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)]. Novonikolaevsk, 1923, no. 57–58, 64 p.; 1924, no. 69–70, 93 p. (in Russ.)
- Izvestiya TsK KPSS [News of the CPSU Central Committee]. Moscow, 1991, no. 7, 244 p. (in Russ.)
- Khodorovsky I.** Zadachi soveshchaniya [Objectives of the Meeting]. *Izvestiya Sibirskogo byuro Tsentral'nogo komiteta Rossiiskoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov) [News of the Siberian Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)]*, 1921, no. 39, p. 4–5. (in Russ.)
- Kopyatkevich A. I.** O sovetskom upravlenii [About Soviet Governance]. *Zhizn' Sibiri [Life of Siberia]*. Novonikolaevsk, 1922, no. 1, pp. 15–17. (in Russ.)
- Kosior S. V.** K pervym itogam obsledovaniya sibirskoi derevni [On the First Results of a Survey of a Siberian Village]. *Izvestiya Sibraikoma RKP(b) [News of the Siberian Regional Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)]*, 1925, no. 2, pp. 3–5. (in Russ.)

- Naselenie Sibiri: po materialam Vserossiiskoi perepisi 1920 goda. Pogubernskie, pouezdnye i povolostnye itogi [Population of Siberia: Based on Materials from the All-Russian Census of 1920. Provincial, District and Volost Outcomes]. Novonikolaevsk, Sibirskoe Statisticheskoe upravlenie, 1921, vol. 1, iss. 1, 46 p. (in Russ.)
- Partizan.** Partizanskii otryad t. Yakovenko [Partisan Detachment of Comrade Yakovenko]. In: Sbornik istparta no. 1. [Collection of Istpart no. 1]. Novonikolaevsk, 1923, pp. 113–127. (in Russ.)
- Perimov A.** O partiinoi rabote v derevne [About Party Work in the Countryside]. *Izvestiya Sibirskogo byuro Tsentral'nogo komiteta Rossiiskoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov)* [News of the Siberian Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)], 1921, no. 38, pp. 13–15. (in Russ.)
- Pis'ma vo vlast' v gody novoi ekonomicheskoi politiki (aprel' 1921 – dekabr' 1929 g.): sbornik dokumentov [Letters to the Authorities during the Period of New Economic Policy (April 1921 – December 1929): Collection of the Documents]. Comp. T. I. Morozova, V. I. Shishkin, ed. by V. I. Shishkin. Novosibirsk, Avtograf, 2020, 496 p. (in Russ.)
- Prodovol'stvennyi byulleten' [Food Newsletter]. Novonikolaevsk, 1922, no. 21–23. (in Russ.)
- Sovetskaya derevnya glazami VChK – OGPU – NKVD [Soviet Village through the Eyes of the All-Russian Extraordinary Commission (VChk) – Joint State Political Directorate (OGPU) – People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD)]. Ed. by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow, ROSSPEN, 2000, vol. 2. 1923–1929, 1166 p. (in Russ.)
- Sovetskaya Sibir' [Soviet Siberia]. 1921. Apr. 1. (in Russ.)
- Sokha i molot [Plough and Hammer] (Minusinsk). 1919. Oct. 7, Nov. 1. (in Russ.)

Информация об авторах

Татьяна Игоревна Морозова, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57194705184

WoS Researcher ID M-8817-2016

Владимир Иванович Шишкин, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 57189424846

WoS Researcher ID H-5627-2016

Information about the Authors

Tatiana I. Morozova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57194705184

WoS Researcher ID M-8817-2016

Vladimir I. Shishkin, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 57189424846

WoS Researcher ID H-5627-2016

Статья поступила в редакцию 31.10.2023;

одобрена после рецензирования 08.11.2023; принята к публикации 13.11.2023

The article was submitted on 31.10.2023;

approved after reviewing on 08.11.2023; accepted for publication on 13.11.2023

Список сокращений

АВПРИ	–	Архив внешней политики Российской империи, Москва
ГААК	–	Государственный архив Алтайского края, Барнаул
ГАЗК	–	Государственный архив Забайкальского края, Чита
ГАИО	–	Государственный архив Иркутской области
ГАКК	–	Государственный архив Красноярского края
ГАНО	–	Государственный архив Новосибирской области
ГАПК	–	Государственный архив Приморского края, Владивосток
ГАРТ	–	Государственный архив Республики Татарстан, Казань
ГАРФ	–	Государственный архив Российской Федерации, Москва
НАУз	–	Национальный архив Республики Узбекистан, Ташкент
НИА СПбИИ РАН	–	Научный архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов, Москва
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
РГИА	–	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РГИА ДВ	–	Российский государственный архив Дальнего Востока, Владивосток
ЦГА РК	–	Центральный государственный архив Республики Казахстан, Алматы
ЦДНИ ТО	–	Центр документации новейшей истории Томской области

Информация для авторов

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Историография. Источниковедение», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь – февраль (№ 1) и октябрь – ноябрь (№ 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в № 1 осуществляется с мая по октябрь, в № 8 – с ноября по апрель каждого календарного года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

- *статья* – до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков);
- *документальная публикация* – до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера;
- *рецензия и научная информация* – до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона, электронный адрес автора, ORCID, а также другие коды автора (Scopus, WoS, RSCI, SPIN), если есть.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 26
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History